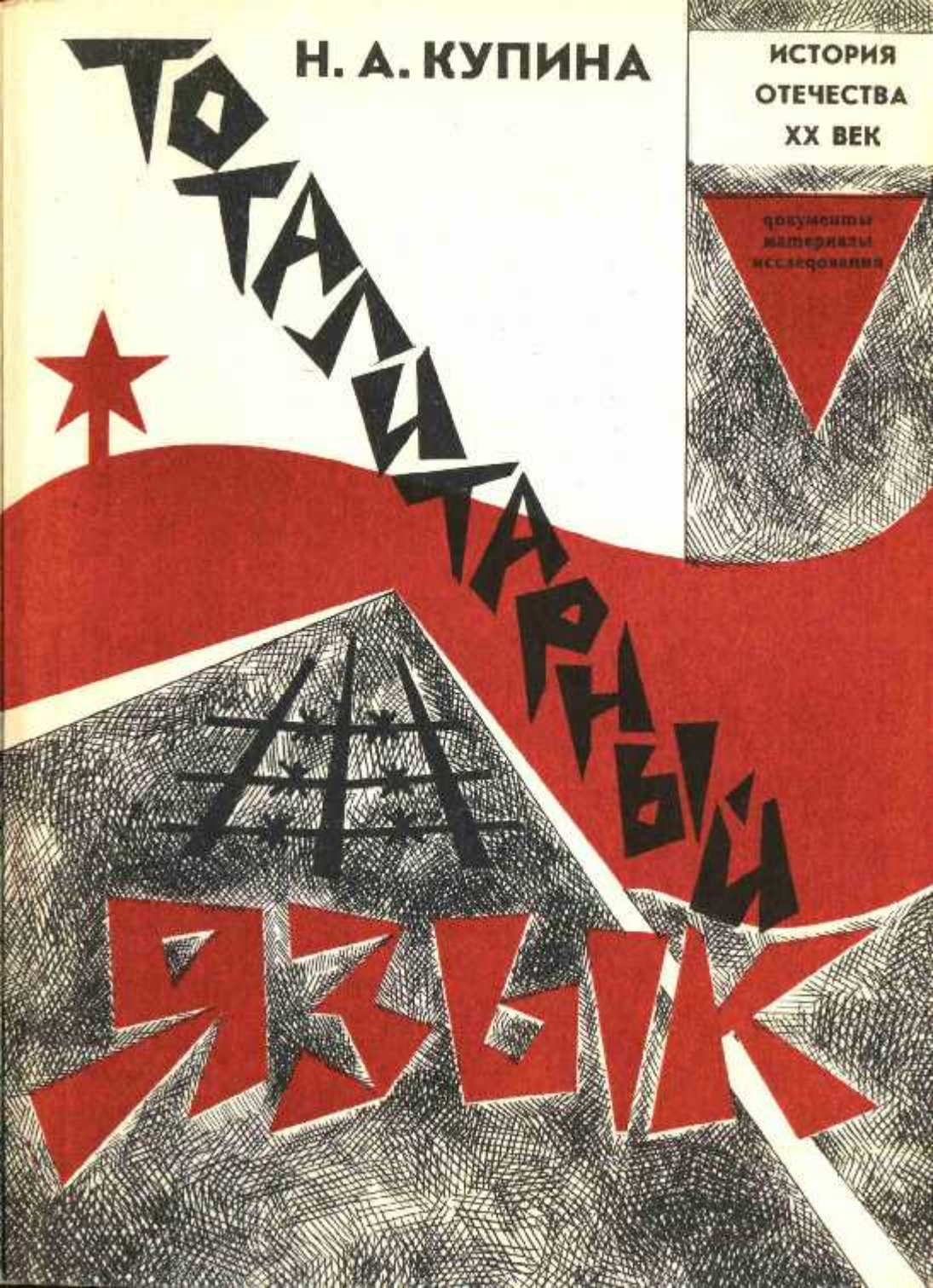


Н. А. КУПИНА

ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА
XX ВЕК

документы
материалы
исследования



**ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА
XX ВЕК**

**документы
материалы
комментарии**

**УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЗАПАДНО-УРАЛЬСКИЙ УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ЦЕНТР**

Н. А. КУПИНА

**ТОТАЛИТАРНЫЙ ЯЗЫК:
СЛОВАРЬ И РЕЧЕВЫЕ
РЕАКЦИИ**

**Екатеринбург — Пермь
1995**

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА В XX ВЕКЕ

Документы, материалы, комментарии

Научный редактор
доктор филологических наук, профессор
Т. В. Матвеева

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор **Л. Н. Мурзин**
доктор филологических наук, профессор **И. А. Стернин**

Купина Н. А.

К92 Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. — Екатеринбург — Пермь: Изд-во Урал. ун-та. — ЗУУНЦ, 1995. — 144 с.

ISBN 5-7525-0511-9

В монографии представлен очерк русского тоталитарного языка советской эпохи. На основе данных толковых словарей и корпуса текстов различной идеологической ориентации и жанровой принадлежности прослеживается влияние идеологии на язык, влияние тоталитарного языка на общественное сознание и сознание личности. Продемонстрированы особенности семантики политического тоталитаризма и идеологического переосмысления всех составляющих культуры: философии, этики, религии, искусства. Охарактеризована специфика мировосприятия языковой личности в тоталитарном обществе. Рассмотрены формы языкового противостояния и сопротивления тоталитаризму.

Книга адресована филологам, историкам, культурологам, философам, социологам и тем читателям, которые интересуются проблемами новейшей истории России и русского языка.

К 4602020101
182(02)—95

ББК Ш141.12-31

Редактор **В. И. Первухина**
Технический редактор **Л. Г. Подорова**
Художник **О. А. Гуссис**

ISBN 5-7525-0511-9

ИБ № 863

Н. А. Купина

Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции

Сдано в набор 04. 01. 95. Подписано в печать 13. 03. 95.

Гарнитура литературная. Печать высокая.

Формат 60×84¹/₁₆. Бум. тип. № 2. Усл. печ. л. 8,46.

Тираж 5000 экз. Заказ 8.

Западно-Уральский учебно-научный центр.

ЛР № 060691 от 11. 02. 92.

ТОО «Типография «Книга».

Пермь, 614001, ул. Коммунистическая, 57.

© Н. А. Купина, 1995
© ТОО ЗУУНЦ, 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Семь десятилетий Страны Советов оказались достаточным сроком для формирования советского человека с его политически запрограммированным мировоззрением и системой ценностей, а также особого лингвокультурного сообщества, основа которого заложена не в национально-культурной, а в государственно-политической сфере. Советский народ — не миф и не публицистическое клише, это действенная и по сей день реальность, предполагающая определенное состояние сознания и установку на поведение личности.

Черты такого сознания уже хорошо известны: провозглашение (и только) примата общественных интересов, господство директивного общения, размытость и несущественность этических норм, официоз и ритуальность во всех публичных ситуациях. В результате появляется огромное множество людей, слушающих не слыша и говорящих не думая, а тоталитарное общество в целом становится обществом двоедушия отнюдь не в бердяевском смысле: тотальная идеологизация, официоз и ритуальность уравниваются юмором и развешивающей самоиронией (**совок**, презрит.; **страна дураков**, презрит. и под.), этическими сдвигами, закрепленными в языковой семантике (**несун**, ирон.), раскрепощенностью у себя на кухне.

Ментальность — мирозерцание в формах родного языка (В. В. Колесов) — тоталитарного общества находит свое выражение в отдельном слове и устойчивом обороте, языковых предпочтениях и текстах, т. е. в языке эпохи. Дж. Оруэлл в своем знаменитом романе «1984» изобразил такой язык как «новояз». Блистательная художественная демонстрация «новояза» в антиутопии Дж. Оруэлла нашла подтверждение и научное обоснование в трудах отечественных и зарубежных лингвистов на материале языков с печальным опытом тоталитаризма (например, А. Вежбицка, Ю. Караулов, Р. Келлер и др.). Их усилиями в научный оборот введено понятие «тоталитарный язык».

Феномен тоталитарного языка имеет лингвокультурный характер и не может рассматриваться в отрыве от истории и культуры определенного народа. Предлагаемая вниманию читателей книга Н. А. Купиной содержит целостную интерпретацию русского тоталитарного языка советской эпохи. Думается, что

осмысление этого феномена особенно важно в период освобождения от вериг тоталитарного сознания и поисков фундаментальных основ русской ментальности.

Следует заметить, что изучение тоталитарного языка первоначально строилось на базе анализа отдельных лексических единиц и микротекстов, извлекаемых из тенденциозных по содержанию речевых произведений политической и философской тематики, с последующим выстраиванием гипотетической модели тоталитарного языка. Накопленный к настоящему времени языковой материал, а также исследовательский опыт позволили автору данной работы поставить задачу системно-лингвистического осмысления проблемы, что предполагает целостное исследование словарной практики советского периода и корпуса текстов разной идеологической ориентации и функционально-жанровой принадлежности.

В качестве основного лексикографического источника в книге использован «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, который с полным правом можно отнести к лексикографическим памятникам тоталитарной эпохи. Из этого словаря извлекается совокупность слов-идеологем, группирующихся в соответствии с семантическими сферами культуры. На основе идеологической лексики прослеживаются процессы формирования в языке семантической сферы политического тоталитаризма, выявляются пути и способы идеологического переосмысления семантических сфер философского, религиозного, этического, художественного знания. Обобщенно, на материале данного и других толковых словарей, описываются формы, в которых проявляется влияние идеологии на язык (глава 1).

Важной для исследования является категория сверттекста. В данной книге впервые предлагается прочтение идеологем толкового словаря как особой системно-структурной целостности, обладающей целенаправленной адресованностью (глава 2). Последнее позволило автору определить функцию идеологических предписаний как главную функцию тоталитарного языка и показать, как система идеологем трансформируется в сверттекст мифологем. В этой связи детально описываются зафиксированные в иллюстрациях толкового словаря прецедентные тексты — канонически, догматически ориентированные знаки тоталитарной эпохи и выявляются параметры идеологически предписываемого ментального мира, запечатленные языком: особенности пространства и времени, представление событий эпохи, характер субъектной позиции говорящего.

Категория сверттекста сохраняет свою значимость и при исследовании речевых реакций советского времени (глава 3). С точки зрения автора, характер речевых реакций должен изучаться на материале сверттекстов разной ментальной и функционально-

стилевой определенности. Третья глава данной книги носит очерковый характер: она включает очерки, посвященные апологии тоталитаризма (на материале агитационной поэзии В. Маяковского), фиксированию сознания жертв тоталитаризма (на материале «лагерной» поэзии), языковому сопротивлению (на материале советских политических анекдотов) и языковому противостоянию (на материале афористических текстов И. Губермана). Таким образом выявляется характер текстового отражения тоталитарного сознания, фиксируются основные позиции личности в тоталитарном обществе.

Предлагаемый в книге путь от толкового словаря к корпусу текстов акцентирует внимание на осмыслении механизмов влияния языка на процессы социализации личности, конструирования заданного ментального мира, манипулирования общественным сознанием. Извлечь лингвокультурные уроки из нашего тоталитарного прошлого значит способствовать освобождению человека от психологической роли «винтика» государственной машины и политической системы. В меру своих сил автор книги, которую вы держите в руках, участвует в этом процессе.

ГЛАВА 1. СЛОВАРЬ ИДЕОЛОГЕМ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ СФЕРЫ НОВОЙ РУССКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Идеологи коммунизма... низвергли религию, философию, мораль, отрицали дух и духовную жизнь.

Николай Бердяев

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ

В последнее время русисты все чаще обращаются к феномену тоталитарного языка, причем изначальным объектом наблюдения и одновременно доказательством существования такого языка служат известная антиутопия Дж. Оруэлла, а также высказывания, извлеченные из тенденциозных по содержанию произведений, речей философской и политической тематики (Оруэлл, 1984; Вежбицка, 1993; Кронгауз, 1993; Романенко, Санджи-Гаряева, 1993; Седов, 1993).

Нам представляется, что феномен тоталитарного языка требует конкретного системно-лингвистического осмысления, так как тоталитаризм представляет собой политическую систему, в которой «государственная власть достигает полного или тотального контроля над обществом» (Медушевский, 1993, с. 9) и над языком. Классическим примером тоталитаризма называют гитлеровскую Германию и СССР периода Сталина (Медушевский, 1993; ср.: *Totalitarismus und Faschismus*, 1980).

Очевидно, что непосредственными источниками для изучения тоталитарного языка могут быть толковые словари сталинского времени и определенные объединения текстов (сверхтексты) советского периода.

Толковый словарь может служить материалом исследования того, как язык членит знаковые системы, действующие в обществе, какие из них представлены в словарном речевом нормативе (состав лексем), как даны в нем правила интерпретации знаков и знаковых систем и правила действий с ними — состав дефиниций (Дорошенко, 1984, с. 221). Действительно, «словарный список есть не что иное, как абстрагирование, научно отработанный записью явлений, взятых из реального коммуникативного средства — языка» (Колшанский, 1975, с. 28), а язык опи-

сывает и называет не только себя, но и другие явления, реалии и способы их бытования (Barthes, 1970, с. 80).

Толковый словарь может стать источником несобственно-лингвистической информации — культурологической, в том числе идеологической.

Уникальным памятником тоталитарного языка советского периода является «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее ТСУ), зафиксировавший константы новейшей идеологии.

С помощью ТСУ осуществлялся «процесс сознательного и планомерного формирования личности» (Комлев, 1992, с. 174), живущей в эпоху социальных катаклизмов. Словарь предоставляет в распоряжение читателя систему идеологических предписаний и зависимостей, подлежащих внедрению в языковое сознание. Адресат ТСУ — личность, наделенная чувством классового самосознания, стремящаяся к идеологическому совершенствованию.

Материалы Словаря под редакцией Д. Н. Ушакова обнаруживают прямое давление идеологии на лексическую семантику, экспансию значений мировоззренческого типа (Комлев, 1992, с. 52), искусственный примат сигнификативной функции, квалифицирующей язык как «фиксатор» идеалов классовой борьбы, социалистической революции, диктатуры пролетариата.

От какого рабочего определения идеологии целесообразно оттолкнуться? Если воспользоваться энциклопедическими и философскими словарями советского периода, идеологию можно определить как многокомпонентную содержательную сущность, представляющую собой совокупность политических, правовых, нравственных, религиозных, художественных и философских взглядов, являющихся духовным выражением коренных материальных интересов и экономических условий жизни социальных групп. Отмечается, что идеология является отражением общественного бытия, входит в надстройку и развивается идейными представителями определенных классов (Малая Советская Энциклопедия, 1959, с. 1222; Философский словарь, 1987, с. 157).

Как элемент общественного сознания идеология существует прежде всего в языке. Именно благодаря языку идеология внедряется в общественное сознание и функционирует. Влияние официальной идеологии осуществляется через языковую политику. Языковая политика мыслится как совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению проблем в государстве. Она связана с сознательным воздействием на язык, его функционирование и развитие, оказывает непосредственное влияние прежде всего на лексико-семантическую систему, маркирование лексики и размещение последней на ак-

сиологической шкале (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 616).

В трудах по проблемам связи языка и идеологии советского времени данная связь не отрицается, но констатируется в общем виде в границах влияния на язык явлений надстроечного порядка (Общее языкознание, 1970, с. 438; Домашнев, 1983, с. 147—148 и др.). Первые попытки нетенденциозного осмысления связи языка и идеологии мы наблюдаем в наши дни. Так, в проспекте энциклопедического словаря «Культура русской речи» отмечается, что формирование и поддержание особого идеологизированного языка является эффективным средством пропаганды, позволяющим создать определенную картину социальной действительности (Культура русской речи, 1990, с. 93—96). Язык может быть использован для искажения информации в целях контроля за сознанием и поведением людей. Манипулирование языком становится важнейшим средством воздействия на общественное сознание (Сычев, 1991, с. 51).

Как уже отмечалось, анализ тоталитарного языка может быть проведен на базе толковых словарей тоталитарной эпохи. Нами проанализированы извлеченные из ТСУ методом сплошной выборки лексические единицы, семантика которых включает идеологический макрокомпонент, то есть цельную, развернутую, достаточно самостоятельную часть словарного толкования и/или набор качественно новых для русского языка идеологизированных контекстов (от словосочетания до развернутого высказывания), рекомендуемых Словарем в качестве нормативных, типовых. Литературный, культурный авторитет вытесняется идеологическим: в числе демонстрационных контекстов многочисленные извлечения из трудов и речей В. И. Ленина, И. В. Сталина.

Толкования и иллюстрации рассматривались как цельная интерпретация. Во внимание принималась также система словарных помет, в том числе: устар., дореволюц., нов., ритор., полит., нов. полит., полит. презр., парт., филос., загр., социол., иронич., бран., так наз. и др.

Механизм идеологизации лексической системы русского языка обнаруживается на этапе замысла ТСУ. В предисловии к Словарю констатируется попытка отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка, и вместе с тем установившиеся нормативные употребления слов (ТСУ, т. 1, с. 9). Специальная политическая редакция осуществлялась А. А. Болотниковым, П. А. Казанским, Ф. Я. Коном; организационное руководство — Н. Л. Мещеряковым (ТСУ, т. 1, с. 10).

Идеология становится главным средством воздействия на язык, а через него — на языковое сознание, задает особую мо-

дель мира, засвидетельствованную Словарем (Звегинцев, 1973, с. 174).

Толкование слова *идеология* в ТСУ дается без перечислительного ряда. Не дифференцируются видовые логические компоненты: «Мировоззрение, система взглядов и идей. Пролетарская *идеология* // Идейное содержание, философское направление. *Идеология книги*». При сужении, примитивизации семантики слова *идеология* расширяется семантика слова *политика*: «Общий характер, отличительные черты деятельности, поведения, образа мыслей государства, общественной группы, отдельного лица»*. По ТСУ, собственно идеология включает лишь две подсистемы: идеи политические и идеи философские.

Знаменательна активизация и спецификация слов *идеолог*, *идейный* (последнее часто используется в толкованиях): *Идеолог*. Представитель и защитник какой-н. идеологии, руководитель какого-н. идеологического направления. *Идеолог* марксизма; *Идейный*. 2. Распространяющий, пропагандирующий какое-н. мировоззрение. *Идейная* литература. *Идейное* искусство. 3. Действующий во имя идеи, руководящийся твердыми принципами. *Идейный* работник. *Идейные* учителя.

Целый ряд единиц имеет общую семантику «проводник идеологии» (лицо или организация) с соответствующей пометой *политич.*: *Агитатор* (политич.). Член политической партии или ее сторонник, занимающийся агитацией, убеждающий массы в правильности политики партии и в необходимости активно бороться за осуществление ее лозунгов... Тысячи организаторов и десятки тысяч *агитаторов* колхозного дела.. Стлн; Групповой *агитатор*. Коммунист, по поручению партийной организации агитирующий среди группы рабочих, работающих на одном и том же участке производства; *Агитировать*. Убеждать (массы) в правильности политики какой-н. партии или иной организации; *Агитпроп* (нов. истор.). Отдел агитации и пропаганды при ЦК, а также при местных комитетах ВКП(б), функции которых в 1930 г. перешли к культпропу; *Актив* (полит., нов.). Наиболее передовая, политически закаленная и деятельная часть членов партийной или др. общественной организации. Партийный *актив*. Беспартийный *актив*. Передовые рабочие и колхозники, привлекаемые партией к борьбе за проведение политики партии, и к активному участию в социалистическом строительстве. Сила большевиков в том, что они умеют окружить нашу партию миллионами беспартийного *актива*; *Авангард* // перен. Передовая часть какой-то общественной группы, ведущей за собой массы:

* При воспроизведении материалов словарных статей наряду с сокращениями, имеющимися в ТСУ, допускаются некоторые сокращения по принципу удобочитаемости; сохраняется орфография и пунктуация источника.

Власть (полит.). 2. Права и полномочия правительства, правительственного лица. Вся *власть* Советам! (Лозунг Октябрьской революции). В СССР *у власти* коммунистическая партия.

Семантический примитивизм — следствие утилитаризма как элемента тоталитаризма, его нравственного идеала (Ахизер, 1993, с. 14—19). Яркое средство выражения идеологического примитивизма — семантическая оппозиция. Одной из главных оппозиций, по материалам толкований, является оппозиция *революционный — контрреволюционный*. Частные варианты этой оппозиции развиваются на базе новейших антиномий: *красный — белый, вражеский, враждебный; левый — правый; советский — антисоветский, буржуазный, западный; английский, американский и др.; коммунистический — антикоммунистический*.

Левые и правые члены типовых оппозиций соответственно вступают в отношения синонимии. В словарной статье могут быть представлены оба члена оппозиции, но чаще присутствует один: *Гвардия* // Отборные привилегированные войска. *Красная гвардия* (полит.). Революционные рабочие отряды, дружины. *Белая гвардия* (полит.). *Контрреволюционные* войска; *Загибщик*. Человек, допускающий загибы (крайности) в своей деятельности (нов.) // с определением «*левый*» или без него. Лицо, обнаруживающее *левый* загиб в своих воззрениях или политической деятельности (полит.). *Левые* загибщики являются объективно союзниками *правых* уклонистов. Стли; *Иммунитет*. 2. Изъятие кого-н. из-под действия некоторых законов. Хотя в буржуазных странах члены парламента, пользуясь *иммунитетом*, не могут быть арестованы, депутатов-*коммунистов* все-таки арестовывают; *Белогвардеец* (нов.). Сражающийся в рядах *белой гвардии* // перен. *Контрреволюционер*; *Белый*. 3. *Контрреволюционный, белогвардейский*; *Красный*. 3. Прил., по знач. связанное с *революционным, коммунистическим* строем, *советский, коммунистический* (нов.). *Красная* армия. *Красный* флот. *Красный* командир. *Красный* профессор. *Красный* директор. *Красные* войска. 4. В знач. сущ. *Революционеры, коммунисты*; *Желтый*. 4. Работающий в сотрудничестве с *капиталистами*, реформистский (о профсоюзах; презрит. в языке *революционеров*). *Желтый* союз горняков в Англии. 5. Сущ. Член *желтого* профсоюза (презрит.) // *Штрейкбрехер* (презрит.). *Контрреволюционер* (полит.). Активный деятель *контрреволюции* // Убежденный сторонник *контрреволюции*; *Контрреволюция* (полит.). Общественно-политическое движение, ставящее целью уничтожение результатов *революции* и восстановление старого, *дореволюционного* порядка, строя. Подавить *контрреволюцию*. Борьба с *контрреволюцией*; *Контрудар*. Ответный удар в какой-н. борьбе. Вопрос о подготовке *контрудара* объединенных сил *революции*

против удара со стороны *империализма* является неотвратимым вопросом дня. Стлн; *Барин*. 1. Помещик, дворянин-землевладелец (дореволюц.) // Лицо, принадлежащее господствующим, эксплуатирующим классам (разг., теперь презрит.); *Барство*. 1. Сословие дворян (пренебр.); *Барышня* (устар.). Девушка из барской семьи; *Коммуна*. 4. Общественный строй, основанный на коммунистических началах (как идеал и конечная цель коммунистического движения; книжн. полит.). Борьба за коммуны. Знамя коммуны; *Коммунист*. 1. Член коммунистической партии. Только партия пролетариата, только партия коммунистов способна выполнить роль основного руководителя в системе диктатуры пролетариата; *Коммунистический* — прилагательное к коммунизм. Коммунистическая партия. Коммунистические убеждения. Коммунистический строй. Коммунистический интернационал. Коммунистический лозунг. Коммунистическая академия. Коммунистический университет трудящихся Востока; *Банда* // Вооруженный вражеский контрреволюционный отряд (пренебр. нов.). Белогвардейские банды; *Бандит* // Участник вражеской контрреволюционной партизанской банды (пренебр.). Бандит из шайки Махно // перен. Угнетатель, насильник (нов. ритор.). Империалистические бандиты; *Басмач*. Бандит, участник контрреволюционного движения в Ср. Азии; *Басмачество* (полит. нов.). Бандитизм, контрреволюционное движение басмачей; *Вредитель*. Контрреволюционер, наносящий советскому государству экономический и политический вред с целью подорвать его мощь и подготовить антисоветскую интервенцию; *Гидра*. 2. перен. Враждебное тайное политическое движение, борьба с которым требует много сил и времени (газет.). Гидра контрреволюции; *Гнездо*. 2. Тайный укромный притон, пристанище (книжн.). Воровское гнездо. Гнездо контрреволюции.

Следующая группа примитивных идеологических столкновений основана на идее классов эксплуатирующих, привилегированных, отчужденных от народа и классов эксплуатируемых (пролетариат, крестьяне, батраки, бедняки, массы). Классовая окрашенность — типичный признак идеологии (Клаус, 1967, с. 31).

Идеологема *буржуазный* — вбирает в себя смысл «дворянский». Так образуется квазиидеологема *дворянско-буржуазный* «не наш», чужой, враждебный). Например: *Комильфо*. В дворянско-буржуазной среде — о том, кто вполне благовоспитан, о том, что отвечает правилам светского поведения; *Аристократизм* // Благородство, изящество (в дворянско-буржуазном обществе).

Все непролетарское, относящееся к зоне «буржуазное», наделяется отрицательными коннотациями, получает дифференциальные семы, выводящие семантику за пределы идеологического концепта *народ*. *Выявить*. 3. Кого-что. Разоблачить, показать

в подлинном виде (нов. газет.). *Выявить хозяйчика; Аристократ.* 1. Представитель высшего привилегированного слоя дворянства. 2. перен. Человек, сторонящийся масс, ставящий себя в исключительное положение, белоручка (разг. ирон.). На общее собрание пришли все, кроме наших *аристократов; Важный.* 3. // Горделивый, надменно-спесивый. *Важная барыня; Вельможа* (книжн. устар.). Знатный, родовитый, богатый сановник; важный и знатный человек (теперь преимущественно с оттенком иронии).

Таким образом, *идеология* интерпретируется словарем Д. Н. Ушакова как концепт, классовый по своей природе. Ср.: *Внеклассовый* (книжн.). Стоящий вне классовых группировок общества. В обществе, раздираемом классовыми противоречиями, *не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии.* Лнн. Не случайно в границах фразеологизированных сочетаний идеологией (квазиидеологией) является слово *враг*, а синонимами — прилагательные *классовый, идейный: Враг.* Человек, борющийся за иные, противоположные интересы, противник. *Классовый враг. Идейный враг.*

В тисках классовой оппозиции, классовой идеи резко деформируется, идеологизируясь, семантика слов *интеллигент, интеллигенция.* Если в Словаре В. И. Даля с данными лексемами связано духовное внеклассовое содержание (например: *Интеллигенция.* Разумная, образованная, умственно развитая часть жителей), то в ТСУ декларируется тенденциозно-идеологическая характеристика интеллигенции. В семантическую структуру слова — названия лица включаются семемы с пометами *презр., с бóльшим презрением: Интеллигент.* 2. То же, как человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями (презр.). Вот она, психология российского *интеллигента:* на словах он храбрый радикал, на деле он подленький чиновник. Лнн. Ср. также: *Интеллигентство* (презр.). Образ мыслей, привычки, свойственные интеллигенту (во 2 знач.); *интеллигентщина* (нов. разг., презрит.). 1. собир. Интеллигенция, интеллигентные люди. Собралась одна *интеллигентщина.* 2. То же, что *интеллигентство*, но с бóльшим презрением. Его взгляды — сплошная *интеллигентщина.*

Зона «буржуазного» (капиталистического) предписывает семантику упадка, гибели, разрушения. Эта последняя активно включается в толкование слова, передается через стандартную, часто метафорическую сочетаемость: *Закат.* 3. перен. Конец жизни, гибель. *Закат буржуазного строя; Кризис.* 2. Периодически наступающее в капиталистической экономике явление перепроизводства товаров, ведущее к разорению мелких производителей, сокращению производства и безработице. Толкование сопровождается пространством разъяснением идеологемы *кризис*

капитализма: «Наступивший со времени мировой войны и Октябрьской революции и выражающийся в том, что противоречие между СССР — страной строящегося социализма и гнивающей капиталистической системой, обострение классовой борьбы пролетариата против буржуазии... и резкое обострение всех противоречий капитализма расшатывает коренные устои капитализма».

Все негативные общественные явления, наименования форм протеста привязываются к «буржуазному»: *Антисемитизм*. Преследование евреев, враждебное отношение к евреям, возбуждаемое *эксплуататорскими классами* с целью отвлечь эксплуатируемые массы от борьбы против их угнетателей; *Говорильня* // Иронич. обозначение государственной думы, *буржуазных* международных конференций и др. парламентских учреждений. *Очередная говорильня в Женеве*; *Демонстрация*. 1. Массовое шествие с целью заявления определенных политических требований. *Демонстрация протеста* против антинародной политики в Индии // Массовое уличное противоправительственное выступление (*дореволюц.*).

Идеологемой (или вербально закрепленным идеологическим предписанием) становится концепт «коллективизм», внедряемый через толкования и иллюстрации в границах понятийной и аксиологической оппозиции *коллективизм — индивидуализм; всеобщее — групповое*. Местоимение *наше* приобретает смысл «общее, принадлежащее коллективу». Все коллективное интерпретируется как передовое, общественно полезное, социалистическое (коммунистическое) по содержанию; все, отделяющееся от коллектива, — как разрушительное, антиобщественное и дается с пометой *неодобр.* *Коллективизм*. 2. Принцип общественной солидарности, товарищества; *Коллективист* (полит.). Последователь коллективизма; *Коллективный*. 2. Основанный на принципах коллективизма. В качестве образцового рекомендуется словосочетание *коллективная психология*.

Идеологическая коррозия проникает не только в семантическую структуру слова, но и в словообразовательные гнезда, порождает цепную семантическую реакцию: *Группа*. 2. Совокупность людей, объединенных общностью идеологии; *Группировка*. То же, что *группа* во 2 знач. *Партийные группировки*; *Групповод*. Руководитель *группы* в каких-н. занятиях или работах; *Групповщина* (нов. неодобр.). Засилие отдельной замкнутой *группы* в какой-н. области общественной жизни. Ликвидировать *групповщину* в литературе. Ср.: *Кружок*. 3. Группа лиц, объединенных общностью взглядов и занятий. 4. Организация лиц, объединенных для каких-н. совместных занятий; *Кружковец* (нов.). Руководитель *кружка* (в 4 знач.); *Кружковщина*. Склонность замыкаться в узких рамках какого-н. *кружка*, веду-

шая к отрыву от всего коллектива; раздробленность, отсутствие единства в действиях коллектива вследствие обособленности отдельных его *кружков*.

Идеологемами становятся не только слова с семантикой, передающей концепты-идеи, но и единицы из сферы конкретной, бытовой лексики, которые получают идеологические *наращения*: *Азбука*. перен. Основные начала какой-н. науки или системы знаний: *Азбука коммунизма*; *Банкрот*. 2. перен. Человек, потерпевший идейное крушение (книжн.). *Политические банкроты из среды белой эмиграции*. *Безграмотный*. Исполненный грубых ошибок против правил в какой-н. области знания, невежественный. *Эта брошюра политически безграмотна*.

Идеологизация захватывает даже наречные образования: *Снизу*. 2. нареч., перен. Со стороны масс, по почину масс. В результате напора снизу, напора масс буржуазия иногда может идти на те или иные частичные реформы, оставаясь на базе существующего общественно-экономического строя. Стлн. Своеобразие этой революции состояло в том, что она была произведена *сверху*, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке *снизу* со стороны миллионных масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь. История ВКП(б) (о ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации).

Идеологическая экспансия захватывает все ступени семантической структуры слова, проникает в коннотативную часть семантики, диктует прямолинейную аксиологическую поляризацию.

Используемый в настоящем исследовании метод компонентного анализа позволяет описывать содержание концептов, заданное идеологически, имеющее множество форм языкового выражения. При этом под концептом понимается некое общее значение, сформулированное на основе представленных в Словаре форм и являющееся их началом (Концептуальный анализ... 1990; Лукин, 1993, с. 63; Фрумкина, 1992).

Компонентный и контекстологический анализ позволяет выявить характер деформаций, которые претерпевает семантика слов и связанные с ней концепты.

Первый многотомный толковый словарь русского языка советской эпохи одновременно является первым словарем идеологом тоталитарного языка. Слово в нем выступает как результат «внешне-механического сопряжения отдельных моментов» (Лосев, 1990, с. 69), идеологических догм. Из последнего и складывается та сторона лексической семантики, которая задает примитивный, поверхностный, однолинейный взгляд на мир и человеческие взаимоотношения.

Идеологические тиски, сжимающие семантику, порождают

примитивность лингвистического мышления, создают благоприятную почву для функционирования тоталитарного языка.

Предварительные наблюдения дают возможность говорить об общих тенденциях, сопровождающих формирование тоталитарного языка.

— Тенденция к редуцированию, вытеснению, трансформации константных семантических составляющих идеологии на уровне концепта.

— Тенденция к созданию искусственных идеологем и квази-идеологем.

— Тенденция к прямолинейной аксиологической поляризации лексики.

— Тенденция к развитию антонимических и синонимических рядов, системно закрепляющих идеологические догмы.

— Тенденция к кодифицированию нетрадиционной для русского языка лексической сочетаемости, отражающей идеологические стандарты.

ФОРМИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО

Для обозначения системных комбинаций слов-идеологем мы используем термин *сфера* (Скляревская, 1988). По энциклопедическому определению, таких сфер шесть: политическая, философская, религиозная, этическая, художественная, правовая. ТСУ дает возможность проследить наполнение пяти ведущих семантических сфер.

Материалы Словаря показывают: тоталитарный язык создает благоприятные условия для формирования, развития и обогащения семантической сферы политического. Об этом свидетельствуют частотность пометы *полит.* и активное соединение ее с пометой *нов.* (*нов. полит.*); появление вторичных, в том числе образных значений, обслуживающих сферу политики (*перен. полит.*); формирование разветвленных словообразовательных гнезд на базе основ, содержащих легко осязаемую сему политического (Лексика современного русского литературного языка, 1968, с. 96—104); активность абстрактных именных суффиксальных образований, обозначающих политические направления; развитие специализированных аббревиатур (Словообразование современного русского литературного языка, 1968, с. 66—99).

Толкование основного значения слова *политика* содержит две самостоятельные части: «Деятельность государственной власти в области управления и международных отношений; деятельность той или иной общественной группировки, партии, класса, определяемая их целями и интересами». Идеологема

политика партии и государства объединяет эти две содержательные части, уравнивает их: *политика партии* и есть *политика государства*. Объединение семем «политика» и «партия» ярко проявляется в семантике сложносокращенного образования *политбюро* (нов.): «Политическое бюро; руководящий орган ВКП(б)».

В семантической структуре слова *политика* появляется значение с пометой *нов.* — «Политические знания, политические предметы». Комплекс сложносокращенных образований, связанных с этой семемой, обнаруживает наличие категориальной основы, определяющей механизмы идеологического (политического) воздействия на массовое языковое сознание. Обязательными оказываются категории места, времени, субъекта действия при наименовании самого действия. При этом блок идеологом комбинируется как типовая утилитарная многоступенчатая система. Обозначим ее основные звенья.

— Политическая информация как сумма примитивных политических догм, подлежащих внедрению в сознание: *Политминимум* (нов.). Необходимый минимум политических знаний; *Политграмота* (нов.). Краткий курс основных первоначальных политических знаний (полит.). Учебник *политграмоты*; *Политучеба* (нов. разг.). Изучение истории ВКП(б), текущей политики. При этом сема «элементарное» (минимум, грамота, краткий) идеологически принципиальна: догмы осваиваются механически и не предназначены для глубокого осмысления. Таким образом, политические знания фактически приравнены к политическим примитивам.

— Время, специально отводимое для освоения политических знаний: *Политдень* (нов.). Единый день (общий для всего предприятия, района и т. п.), отводившийся для занятий политическими предметами и для работы кружков, изучающих эти предметы; *Политчас* (нов.). Время для занятий вопросами текущей политики.

— Место, где осваиваются политические знания и форма их освоения: *политшкола* (нов. полит.), *политчасть* (нов. полит.). Ср. более позднее образование *дом политпросвещения*.

— Органы, осуществляющие политическое воздействие: *политуправление* (нов. полит.), *политотдел* (нов. полит.), *политпросвет* (нов. полит.).

— Деятельность, связанная с внедрением и массовым распространением политических знаний или политических примитивов: *политпросветработа* (нов.), *политпросвещение*. Ср. более позднее образование *политинформация*.

— Лицо, осуществляющее распространение и внедрение в сознание людей (массовой аудитории) политических знаний (примитивов): *политпросветчик* (нов. разг.), *политпросветчица*

(нов. разг.), *политработник* (нов. полит.), *политпросветработник* (нов.).

— Лицо, осуществляющее распространение и внедрение политических знаний (примитивов) в сознание специализированной аудитории: *Политрук* (нов.). 2. Первоначально в Красной Армии и флоте — лицо, руководившее политической работой в подразделениях войсковых частей. *П.* роты. *П.* команды.

Приведенные словарные материалы обнаруживают тенденцию к идеологизированию просвещения как деятельности, связанной с распространением разноплановых знаний, культуры. Толкование слова *просвещение* сопровождается иллюстрациями, сводящими просветительскую деятельность к идеологической пропаганде: «*Просвещение не может не быть связано с политикой.* Лнн. Коммунисты-комиссары... сыграли решающую роль в деле укрепления Армии, в деле ее *политического просвещения*, в деле усиления ее боеспособности, ее дисциплины. История ВКП(б)». Прилагательные *идеологический*, *политический*, *партийный* становятся синонимами. Идеологическая (политическая) грамотность, просвещенность интерпретируются как залог производственных, боевых и всех прочих успехов. Такая логическая зависимость внедряется словарными материалами и догматически отстаивается.

Генератор и проводник политики — партия.

Словарная интерпретация первого значения слова *партия* выдвигает оппозицию: *партия — партии*. Грамматическое противопоставление отражает идеологическую догму, связанную с невозможностью существования плюрализма вообще и многопартийности в частности. *Партия*. 1. Политическая организация, представляющая собой часть какого-н. класса и защищающая его интересы. Господствующие классы капиталистического общества и их отдельные слои имеют соответственно *несколько партий*, борющихся между собой по частным вопросам, но совместно защищающих основы капиталистического строя. — Где нет нескольких классов, *не может быть нескольких партий*, ибо *партия* есть часть класса. Стлн. .

Классовая окрашенность значения подготавливает развитие зафиксированной выше оппозиции: *пролетарская партия* (партия пролетариата) — *непролетарские* (все другие) *партии*, которые служат интересам капиталистического строя. Данная частная оппозиция функционирует в границах универсальной для советской идеологии оппозиции *социалистическое* (коммунистическое) — *капиталистическое* (буржуазное).

Второе значение слова *партия*, обозначенное в ТСУ, фактически становится основным для языкового сознания. Закономерно, что прилагательное *партийный* в значении существительного приобретает предсказуемое значение «Член Всесоюзной

коммунистической партии большевиков» и имеет помету *полит. нов.* Приведем фрагменты словарной статьи: *Партия*. 2. Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)... Наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую *партию* (большевиков), являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся... как форма классовой организации пролетариата. Стлн. Комсомол — резерв *партии*. Съезд *партии*.

Используемые Словарем идеологемы *передовой отряд трудящихся, руководящее ядро* фактически становятся таксономическими предикатами (Арутюнова, 1980, с. 196—197), а прилагательные *руководящий, передовой* — постоянными сопровождающими существительного *партия* в речи.

Идея борьбы задана как обязательная: партия находится в состоянии постоянной борьбы за сохранение политического строя, следовательно, всегда имеется враг, посягающий на этот строй и его завоевания.

Язык приобретает целую сеть новообразований — сложносокращенных слов, отражающих основы партийной организации. Все эти слова имеют пометы *нов., парт.* Безаналоговая для толкового словаря помета *парт.* подчеркивает идеологический характер новообразований.

— Лицо, занимающееся партийной работой: *партработник*; лицо, организующее партийную работу: *парторг.*

— Документ, удостоверяющий членство в партии: *партбилет*.

— Форма наказания члена партии: *партвысказание*.

— Род деятельности членов партии: *партработа*.

— Формы организации рядовых партийных коллективов: *партколлектив, партячейка, партгруппа, парторганизация*.

— Формы организации руководящих партийных коллективов: *парторган, партактив, партком, партколлегия*.

— Форма принятия и проведения решений в рядовых партийных коллективах: *партсобрание*.

— Формы принятия и проведения руководящих партийных решений: *партконференция, партсъезд*.

— Форма проявления предписаний партии: *партдисциплина*.

— Политическая информация как сумма идеологических догм, которые обязан освоить член партии: *партминимум*.

— Место, где члены партии осваивают политические знания: *партшкола*.

— Время, специально отводимое для освоения членами партии политических знаний: *партдень*.

— Форма материальной привилегии члена партии: *Парт-*

максимум (нов. истор.). Максимальный месячный оклад, существовавший до 1934 г. для членов партии — руководящих работников учреждений и предприятий.

Содержащаяся в сложносокращенных образованиях с корнем *парт-* информация о внутренней организации партийной жизни вскрывает отчасти механизм политического (идеологического) воздействия на членов партии, а через них — на массы беспартийных.

Идеологическое (политическое) расценивается как категория духовной жизни, мировоззрения. Последнее прямо отражается и закрепляется в содержании идеологического концепта *партийность* (семема 4): *Партийность*. Принадлежность к политической партии. — *Ваша партийность?* — Член ВКП(б); *Партийный*. 1. Прил. к партия... *П.* билеты. *П.* работник. *П.* комитет. *П.* стаж... 2. Состоящий в партии, являющийся членом партии. 3. в знач. сущ. *партийный* (полит. нов.). Член Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). 4. Соответствующий духу ком. партии, ее программе и идеологии (полит.). Выдержанные *партийные* взгляды. *Партийная* этика. Вести себя *партийно* (нареч.).

Организацию идей (Weisgerber, 1950—1954, с. 12), в значительной степени определяет именно партийность. «Духу партии» соответствует прежде всего отношение ко всем политическим направлениям, организациям, группировкам, не разделяющим «генеральную линию». Ср.: *Линия*. 8. Направление, образец поведения, действий, взглядов. Теперь, когда партия вышла победителем из борьбы за генеральную *линию*, когда ленинская *линия* нашей партии торжествует по всему фронту, многие склонны забыть о тех трудностях, которые создавали нам в нашей работе все и всякие уклонисты. Стлн (1930). Идеологема *генеральная линия партии* определяет однонаправленность партийной позиции, следовательно, политики и исключает возможность демократического сосуществования партии и оппозиции: *Оппозиция*. 2. В буржуазном государстве — деятельность, направленная против данного правительства и его политики (полит.). Парламентская о. 3. Деятельность оппортунистических антиленинских группировок, боровшихся против генеральной линии ВКП(б) и против руководства партии с целью разрушения диктатуры пролетариата...

Генеральная линия партии противопоставлена всем другим направлениям, идущим вразрез с официальной стратегией. Отсюда идеологемы *вредное направление*, *буржуазное течение*: *Направление*. 2. Линия движения чего-н.; сторона, в которую развивается действие чего-н. или в к-рой находится что-н. Стратегия есть определение *направления* главного удара пролетариата на основе данного этапа революции... Стлн. 4. Преобла-

дающий характер деятельности, идейная устремленность, тяготение в какую-н. сторону... *Вредное н.; Течение*. 3. перен. То или иное направление, сторона, партия в какой-н. области деятельности (политике, науке, искусстве и т. д.; книжн.). Большевизм существует, как *течение* политической мысли и как политическая партия с 1903 г. Лнн. Анархизм и анархосиндикализм суть *буржуазные течения*. Лнн.

Генеральная линия партии всегда основана на принципах ленинизма. *Ленинизм*. Учение Ленина, представляющее собой дальнейшее развитие и конкретизацию марксизма в условиях империализма и пролетарской революции. Идеологема *ленинизм есть практический марксизм* является базовой при оценке и характеристике любого идеологического направления, движения.

Направления, основанные на марксизме-ленинизме, существующие в его границах, признаются формами утверждения жизнеспособности марксизма-ленинизма. Политизируются наименования неполитических общественных явлений. Так, слово *соревнование* получает постоянный атрибутивный сопроводитель *социалистическое* и оценивается, в противоположность *конкуренции* (кап.), как средство активизации строительства социализма. Идеологема *социалистическое соревнование* становится обязательной при толковании единиц, связанных с обозначением труда в эпоху социализма: *Соревнование*. Действие по гл. соревновать и соревноваться. *Социалистическое с. (соревнование)* трудящихся в повышении производительности социалистического труда, в лучшей организации и выполнении всех видов работы и деятельности, способствующих повышению качества и темпов социалистического строительства). — *Социалистическое соревнование* и конкуренция представляют два совершенно разных принципа. Принцип конкуренции: поражение и смерть одних, победа и господство других. Принцип *социалистического соревнования*: товарищеская помощь отстающим со стороны передовых, с тем, чтобы добиться общего подъема. Стлн.

При интерпретации разновидностей подобных движений всегда используется лексика, передающая положительную оценку. Актуализируются семы гордости, успеха. Как сигналы принадлежности к «нашему» используются собственные имена вождей, знатных людей, наименования новых политических организаций: *Ударничество* (нов.). Движение ударников, ударная работа, один из практических методов социалистического соревнования. Ленинский комсомол и руководимая им рабочая молодежь увенчивают дело соревнования и *ударничества* решающими успехами. Стлн.

Гиперболизированная сема положительной оценки распространяется на наименования лиц, принадлежащих к санкцио-

нированному партий движению, осуществляющих генеральную линию: *Стахановец* (нов.). Работник социалистической эпохи, к-рый в социалистическом соревновании добивается наивысшей производительности труда, наилучшего использования техники и превышения производственных планов... По имени Алексея Стаханова, забойщика шахты «Центральная — Ирмино» в Донбассе, начавшего в 1935 г. борьбу за высшие показатели социалистического труда; *Новатор* (книжн.). Тот, кто вносит новые идеи в какой-н. области... *Стахановцы* являются *новаторами* в нашей промышленности. Стлн.

В словарных статьях, толкующих семантику названий лиц, осуществляющих марксистско-ленинскую линию партии, встречаются прямые императивы (Крейдлин, 1993, с. 179) и идеологические предписания: *Пропагандист*. Лицо, занимающееся пропагандой чего-н. Каждый коммунист должен быть *пропагандистом* великого учения Ленина — Сталина.

Все направления и их разновидности, не вписывающиеся в ленинизм, подлежат обличению, которое осуществляется на классовых основаниях: идеологическая концепция приписывается классу, враждебному по отношению к пролетариату. Классовая окрашенность и отрицательная характеристика переносятся на название лица по его принадлежности к соответствующему направлению, а также на относительное прилагательное, получающее качественное приращение и возможность употребляться в функции экспрессива. Например: *Оппортунизм*. 1. Политика подчинения рабочего движения классовым интересам буржуазии. 2. Политика приспособления к обстоятельствам, беспринципность, соглашательство с противником в борьбе; *Оппортунист*. 2. Тот, кто проводит политику буржуазии в рабочем классе. Таков обычный прием *оппортунистов*: на основании перегибов по проведению правильной линии — отменить эту линию, заменив ее линией оппортунистической; *Оппортунистический*. 2. Предающий интересы рабочего класса в пользу буржуазии; *Троцкизм* (полит.). Наиболее опасная агентура буржуазии в рабочем движении, разновидность меньшевизма, объединившая в борьбе против революционного пролетариата самые контрреволюционные двурушнические элементы [по имени врага народа Л. Троцкого]; *Троцкист*. Враг народа, сторонник троцкизма. В волчьей стае врагов коммунизма не последнее место занимают теперь господа *троцкисты*, у к-рых одни цели с буржуазией. Молотов; *Троцкистский* (полит.). Прил. к троцкизм и троцкист. Помощниками Троцкого и исполнителями его контрреволюционных указаний были Зиновьев, Каменев и их троцкистское охвостье.

Классовая принадлежность направления (движения) обо-

значается типичными для всей системы общими сигналами: *буржуазный, капиталистический*, которые могут уточняться атрибутивно (*реакционная буржуазия; националистическая буржуазия*). Встречаются и более конкретные обозначения (например: *кулачество*): *Махновщина* (истор.). Анархистско-бандитское движение во время гражданской войны на Украине, возглавлявшееся Махно и выражающее *идеологию кулачества; Махновец* (истор.). Бандит из шайки Махно периода гражд. войны на Украине.

Принадлежность направления (движения, организации...) к «ненашему» маркируется приставками *контр-, анти-*: *Меньшевизм* (полит.). Мелкобуржуазное оппортунистическое антиреволюционное и антимарксистское течение, являющееся агентурой буржуазии в рабочем классе, вместе с контрреволюционной буржуазией боровшееся против Октябрьской социалистической революции, поддерживавшее иностранную интервенцию и являющееся одним из отрядов мировой контрреволюции...

Особое значение приобретают идентификаторы с семой подделки: *Ревизионизм*. 1. Буржуазное *извращение, фальсификация* марксизма, заключающаяся в *ревизии* революционных, экономических, политических и философских основ учения Маркса и в отказе от них в интересах буржуазии и сохранения капиталистического строя. Идеинная борьба революционного марксизма с *ревизионизмом* в конце XIX века есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата... Лнн.

Через все словарные интерпретации проходит лексически выраженной идея насилия, агрессии: *борьба, бороться, битва, сражаться, разгромить, разгром* (Баранов, Караулов, 1991, с. 17—39).

Отрицательная характеристика осуществляется также с помощью экспрессивов, в том числе выходящих за границы литературного языка. Экспрессивы могут содержаться в толковании слова, иллюстрациях к нему: *Центризм* (полит.). Наиболее опасная разновидность *оппортунизма* в партиях II Интернационала. — *Центризм* есть понятие политическое. Его идеология есть идеология *приспособления*, идеология *подчинения* пролетарских интересов мелкой буржуазии в составе одной общей партии. Эта идеология *чужда* и *противна* ленинизму. Стлн; *Либерализм*. 1. Система политических идей, взглядов, стремлений, собственных идеологам промышленной буржуазии эпохи ее подъема, отстаивающая, *трусливо* и *непоследовательно*, политические свободы в интересах «свободы и приобретения» в эксплуатации пролетариата.

Отрицательная характеристика осуществляется с помощью пометы презр.: *Социал-пацифизм* (полит. презр.). Разновидность

оппортунизма, социал-демократическая тактика поддержки, под флагом пацифизма, империалистической политики своей страны.

Соединение помет *полит.* и *презр.* отражает новый идеологический канон: *социал-империализм* (полит. презр.); *социал-патриотизм* (полит. презр.); *социал-пацифизм* (полит. презр.); *социал-соглашательство* (полит. презр.); *социал-предательство* (полит. презр.); *социал-шовинизм* (полит. презр.).

Отрицательная характеристика осуществляется через суффикс: *Левачество* (нов. полит.). Образ мыслей и действий, свойственный левакам; *Левак* (полит. нов.). Человек, свои антибольшевистские действия маскирующий «левой» фразой.

Если интерпретации движений, начинаний, стимулированных марксизмом-ленинизмом, сопровождаются семами гордости, успеха, то интерпретации немарксистских движений сопровождаются семами уничтожения, умирания, загнивания, провала: *Социал-демократизм*. Идеология и тактика социал-демократии. — Нынешний *социал-демократизм* есть идейная опора капитализма. Стлн. Эра *умирания* капитализма является вместе с тем эрой *умирания социал-демократизма* в рабочем движении. Стлн.

Проанализированный материал позволяет сформулировать некоторые выводы, связанные с семантической сферой политического и тенденциями, которые сопровождают формирование этой сферы в тоталитарном языке.

— Семантическая сфера политического представляет собой открытую систему идеологем, связанных сетью оппозиций.

— Сфера политического служит своего рода образцом, который целенаправленно используется при освоении тоталитарным языком всех других семантических сфер языка, обслуживающих идеологию.

— Внутри политической сферы формируются сквозные базовые идеологемы, на основе которых развиваются идеологические смыслы пограничных семантических сфер.

— Словопроизводство и семемопроизводство оказываются фактически идеологемопроизводством, в результате чего формируются модели образования идеологем.

— Отшлифовываются семантико-идеологические оппозиции, задающие правила оценок.

— Отбирается система новых идеологических ценностей.

— Формируются нормы отбора и сочетаемости идеологем официального языка.

Философская константа как компонент идеологии примитивизируется. В Словаре Д. Н. Ушакова используются постоянные определители, маркирующие единственно верный мировоззренческий выбор (марксистский, материалистический, общественно-политический, идейный), регулярные семантические сопроводители (слово *борьба*, лексика с семами «агрессия», «удар», «нападение», «кампания»), а также пометы *бурж.*, *кап.*, *зап.*, *англ.* и т. п..

Единственно верная философская система — марксизм-ленинизм: *Марксизм*. Система взглядов и учение Маркса — Энгельса, теория научного коммунизма, основоположниками которой являются Маркс и Энгельс и дальнейшим развитием которой является ленинизм.

Философия марксизма-ленинизма как система материалистическая противопоставляется идеализму в целом. Оппозиция *материализм — идеализм* является идеологическим стержнем, организующим все элементы философской сферы: *Материализм*. 1. Философское учение, признающее, в противоположность идеализму, первичность материи по отношению к духу. В словарную статью на слово *принцип* вводится идеологическая догма *незыблемые принципы философии марксизма*. Соблюдение этих принципов, следование теории марксизма приводит к значительным победам, т. е. философия марксизма — универсальное руководство к любым действиям: *Смотреть* // Относиться к кому-чему-н. каким-н. образом, обращать внимание, придавать кому-чему-н. какое-н. значение, считаться с кем-чем-н. (разг.). — Партия большевиков не сумела бы победить в Октябре 1917 года, если бы ее передовые кадры не овладели теорией марксизма, если бы они не научились *смотреть* на эту теорию, как на руководство к действию. Материалы ТСУ подтверждают, что «споры тоталитаризма с другими философскими школами, идейными течениями и обществоведческими направлениями неизменно обретали политическое содержание» (Гаджиев, 1992, с. 15), в результате чего произошла «подмена философии партийно-политической пропагандой» (Есаков, 1993, с. 83). Все немарксистские направления философии интерпретируются как идеалистические или субъективно-идеалистические и, следовательно, вредные, не имеющие права на существование: *Сенсуализм* (филос.). *Идеалистическое* философское направление, признающее ощущения, чувственные восприятия единственным источником познания; *Позитивизм*. 1. Разновидность *субъективно-идеалистического* философского направления; *Прагматизм*. 1. *Субъективно-идеалистическое* течение в философии, разновид-

ность махизма... — Различия между махизмом и *прагматизмом* так же ничтожны и десятистепенны с точки зрения материализма, как различие между эмпириокритицизмом и эмпириомонизмом. Лнн; *Волюнтаризм*. Направление *идеалистической* философии, признающее волю основой действительности, всего существующего; *Натурфилософия*. *Идеалистическая* философия, рассматривающая материальный мир, как связанное целое, на основе метафизических предпосылок (гл. обр. в начале и середине 19 в.)... Отношение старой *натурфилософии* к диалектическому естествознанию, говорит Энгельс, такое же, как утопического коммунизма к современному.

Любая наука, в основе которой не лежат принципы марксизма-ленинизма, интерпретируется как буржуазная, следовательно, реакционная. То же касается научных методов, которые характеризуются как марксистские (продуктивные) и немарксистские (ложные, непродуктивные). Например: *Фрейдизм* (книжн.). *Идеалистическая буржуазная* теория в психологии..., считающая главным двигателем человеческого поведения биологические инстинкты и игнорирующая социальные, классовые условия жизни людей [по имени австрийского врача Фрейда]; *Педология*. *Лженаука*, основанная на *антимарксистских* положениях, глубоко *реакционных* «законах» о фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то неизменной среды. — ЦК ВКП(б) устанавливает, что такая теория могла появиться лишь в результате некритического перенесения в советскую педагогику взглядов и принципов антинаучной буржуазной идеологии, ставящей своей задачей в целях сохранения эксплуататорских классов доказать особую одаренность и особые права на существование эксплуататорских классов и «высших рас» и, с другой стороны, — физическую и духовную обреченность трудящихся классов и «низших рас» [из постановления ЦК ВКП(б) от 4.07.1936 г.]; *Психоанализ*. Метод исследования психики... *неправильно* используемый сторонниками *идеалистической* философии и основателем этого метода Фрейдом для объяснения социальных явлений.

Наблюдается тенденция к трансформации семантики философской в семантику политическую. В собственно философские концепты вторгается политическая семантика, которая примитивизирует их, опрокидывает в омут политической борьбы: *Идея*. 2. В идеалистической философии — умопостигаемая вечная сущность предмета, явления. 3. Основной, существенный принцип мировоззрения. *Господствующие идеи*. *Политические идеи*. *Борьба за идеи*; *Идеал*. Высшая, труднодостижимая степень совершенства в чем-н., мыслимый предел стремлений, желаний. Нельзя себе представить идеала будущего общества без

соединения обучения с производительным трудом молодого поколения. Лнн. // Высшая, руководящая всей деятельностью цель, то, к чему человек стремится. *Политические идеалы.*

Политическая «добавка» не только упрощает философские концепты, но и определяет их однонаправленность. Например, толкование слова *сознание* фактически сведено к политическому миропониманию: *Сознание*. 4. Способность мыслить и рассуждать, свойство высшей нервной деятельности человека определять свое отношение к окружающей действительности. С точки зрения наших внутренних задач центр тяжести переносится теперь на вопросы воспитательные, на вопросы коммунистического воспитания, на задачи ликвидации столь еще живучих пережитков капитализма в *сознании* трудящихся. Молотов. Мы должны активно взяться за *политическое воспитание* рабочего класса, за развитие его *политического сознания*. Лнн. (1902)...

Толкования политических категорий, в свою очередь, получают философскую «добавку». При этом, например, оценка политических направлений зависит от соблюдения / несоблюдения принципов марксистской теории, марксистского учения: *Анархизм*. Мелкобуржуазное политическое течение, проповедующее анархию, *враждебное марксистско-ленинскому учению* о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, как единственном пути к уничтожению классов и отмиранию государства. *Анархизм* является контрреволюционной силой, ведущей борьбу против Советского Союза и предающей революционную борьбу рабочего класса капиталистических стран; *Анархия*. Реакционная утопия, предполагающая возможность перехода к обществу, в котором нет государственной власти, без политической *борьбы пролетариата против буржуазии, без создания пролетарской партии и без диктатуры пролетариата; Большевизм* (полит.). То же, что ленинизм, т. е. *марксизм* эпохи империализма и пролетарских революций, *теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата* в особенности.

Как видим, слова-идеологемы *большевизм* (политический концепт) и *марксизм, ленинизм* (философские концепты) толкуются как полные синонимы, свидетельствующие о слиянии философского и политического и противопоставленные в целом антимарксизму.

Все антимарксистское признается неверным, обреченным на гибель и подлежащим уничтожению. Марксизм — норма, перерастающая в догму. Такой подход ярко проявляется при толковании метафор: *Самотек*. 3. перен. Ход какого-н. дела, работы, движение чего-н. без плана, без руководства, совершающееся само собой, стихийно (нов.). В порядке *самотека*. Боль-

шевизм принципиальный, непримиримый враг *самотека*. Теория «самотека» в социалистическом строительстве есть теория *антимарксистская*. Стлн. (речь на конференции аграрников-марксистов 28 декабря 1929 г.); *Выверт*. 2. Непривычный, отступающий от нормативного поступок, причуда. Существа вне времени и пространства суть *больная фантазия, выверты философского идеализма*. Лнн.

Глаголы, в семантике которых имеется сема насилия, часто иллюстрируются с помощью контекстов, связанных с ситуацией насильственного уничтожения немарксистских теорий (положений, движений): *Расчихвостить* (или *расчихвостить*) (просто-реч. фам.). *Разбить, разгромить*, подвергнуть беспощадной критике. *Расчихвостить* и вырвать с корнями всякие буржуазные теории; *Разбить*. 9. Опровергнуть, *сокрушить*, доказать несостоятельность чего-н. Итоги пятилетки *разбили* тезис социал-демократов о том, что невозможно построить социализм в одной, отдельно взятой стране. Стлн. Только *разбив* идейно народников, можно было расчистить почву для создания марксистской рабочей партии в России. История ВКП(б)...

Политизируется само понятие марксизма, интерпретируемого как совокупность, набор универсальных принципов и догм, приложимых к любой ситуации.

Как видим, идеологическое освоение тоталитарным языком философской семантической сферы сопровождается определенными процессами.

— Формирование базовой идеологической догмы: *марксизм-ленинизм — единственно верное философское учение, основа всех наук, всех идейных и политических направлений*.

— Формирование бинарной оппозиции *материализм — идеализм*, определяющей прямую аксиологическую поляризацию философских объектов.

— Трансформация философского в политическое.

— Появление однотипных политических «добавок» к философской семантике; однотипных философских «добавок» к политической семантике.

— Содержательная примитивизация философских концептов.

— Представление об идеологической агрессии как способе борьбы с философским инакомыслием.

Семантическая языковая сфера философского, размытая концептуально и упрощенная структурно, в свою очередь, давит на пограничные семантические сферы религиозного, этического, художественного, дает готовые образцы для построения идеологических примитивов.

Религиозная константа как компонент идеологии вытесняется ТСУ с помощью помет типа «устар., дореволюц., а также идеологических добавок «антинародная», «не проверенная данными науки».

Толкование слова *религия* в ТСУ и иллюстрации основного значения этого слова обнаруживают синонимизацию концептов *религия* — *мистика* (слово *мистика* даже в последних изданиях Словаря С. И. Ожегова толкуется с семей враждебности: *Мистика* — *враждебная* науке вера в божественное... — СО, 1986, с. 304). Иллюстрации значения слова *религия* способствуют формированию оценочного восприятия всего религиозного как чуждого, вредоносного, разрушительного. Знаменитое изречение К. Маркса «Религия есть опиум народа» в интерпретации В. И. Ленина исключает религию из сферы духовной жизни народа и становится самостоятельной идеологемой; *Религия*. Взгляды и представления, основанные на мистике, на вере в чудодейственные силы и существа. *Религия есть опиум народа*, — это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе *религии*. Лнн. *Религия* есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством. Лнн.

Не случайно слово *православный* в значении существительного толкуется как устаревшее.

Идеологизированное толкование вытесняет из реального речевого обихода слово *Бог*: «По религиозным верованиям — верховное существо, стоящее *будто бы* над миром или управляющее им. Идеей бога пользуются *господствующие классы*, как *орудием угнетения* трудящихся масс. Бог есть... комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и *классовым гнетом*, — идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих *классовую борьбу*. Лнн.».

Антирелигиозный пафос интерпретации идеи Бога имеет классовую окрашенность, поддерживаемую иллюстрацией значения, в толковании которого акцентируется нереальность существования Бога, причем сама идея существования Бога декларируется как вредоносная для трудящихся, отвлекающая их от классовой борьбы, вне которой не мыслится существование пролетариата.

Таким образом формируется примитивный взгляд на Бога как на нарочито выдуманное классовыми врагами мистическое существо, несущее угнетение и дурман. Вера в Бога, по ТСУ, — «репродуктивный элемент» (Угринович, 1985, с. 109—110) ми-

ровоззрения, культуры. Религия в целом оказывается несовместимой с современной идеологией (Каушанский, 1993, с. 4), ибо тоталитаризм «строится на подрубании и уничтожении всех естественных корней, связывающих отдельного человека с общественным организмом, всех опор, служащих своеобразными референтными группами, как например... церковь...» (Гаджиев, 1993, с. 35).

Знаменательно распределение значений внутри семантической структуры слова *создатель*: основное значение его связывается не с Богом, а с именем Ленина. Именно Ленин в новой идеологической религии должен восприниматься как «создатель». Значение же «Бог, творец мира» толкуется как вторичное и устаревшее: *Создатель*. 1. Тот, кто создал что-н. *Создатель* учения. *Создатель* теории. 21 января 1924 г. в Горках, под Москвой, умер наш вождь и учитель, *создатель* большевистской партии Ленин. Истор. ВКП(б). 2. Бог как творец мира (книжн. устар. религ.).

Интерпретация лексики, относящейся к религиозной сфере, сопровождается особыми идеологическими маркерами: *фантастический, мистический, неистинный, недостоверный: Верить*. 2. в кого-что и чему. Быть убежденным в реальном существовании религиозных или иных *фантастических* представлений, а также в истинности того, что *не доказано с несомненностью: Библия*. 1. Книги *так называемого* священного писания у евреев (*так называемый* Ветхий Завет). 2. Свод всех книг *так называемого* священного писания у христиан, включая Ветхий и Новый Завет. Возникают характерные типовые пометы (принятое церковью; религ.; церк.; у верующих; по преданию), направленные на выявление идеологической точки зрения, от которой читателю Словаря следует отмежеваться.

Религиозные начала отрываются от нравственных: *Грех*. 1. *У верующих* — нарушение религиозно-нравственных предписаний; *Греховный (устар.)*; Исполненный грехов; *Великомученик (церк.)*. *Принятое православной церковью* наименование святого из числа тех, которые *по преданию* перенесли особо тяжкие мучения за веру.

Религиозная лексика получает не свойственную ей в традиции коннотацию. Оценки переворачиваются: *Безбожник*. Член антирелигиозного общества; лицо, ведущее антирелигиозную пропаганду (*нов.*). 2. Употреблялось как бранное слово в значении дурной, озорной человек (*устар.*); *Вера*. перен. Мироззрение, направление в общественной жизни, науке, искусстве (книжн. *шутл.*). Он изменил кантланской *вере* и стал гегельянцем.

Помета *церк.* легко соединяется с пометой *презр.*, а откровенно политизированные иллюстрации значения уничтожают

первичный смысл, ввинчивают в языковое сознание неизменно отрицательные коннотации: *Скверна* (церк. книжн., *теперь ритор. презр.*). Все гнусное, мерзкое; пороки. Третий Интернационал воспринял плоды работ II Интернационала, отсек его оппортунистическую, социал-шовинистическую, буржуазную и мелкобуржуазную *скверну* и начал осуществлять диктатуру пролетариата. Лнн. Партия укрепляется тем, что очищает себя от *скверны*. Стлн. Большевики... вели непримиримую борьбу с оппортунистами, очищали пролетарскую партию от *скверны* оппортунизма и добились того, что создали партию нового типа, партию ленинскую, партию, завоевавшую потом диктатуру пролетариата. Истор. ВКП(б).

Пометы *церк., т. наз.* фактически вытесняют из обихода все православные праздники как несоветские, классово враждебные: *Крещение*. 2. Один из главных (двунадесятых) праздников у православных христиан (*церк.*); *Пасха*. 2. Христианский праздник, посвященный *т. наз.* воскресению Христа и др.

Идеологическое освоение тоталитарным языком семантической сферы религиозного имеет свои особенности.

— Религия и все, что с ней связано, практически вытесняется из духовного мира советского человека (идеологема *пережиток прошлого*). Соответствующий концепт примитивизируется: из него выхолащиваются категориальные семантические компоненты.

— Квазиидеологема «Религия — опиум народа» фактически подменяет концепт.

— Все наименования, связанные с религией, получают отрицательную оценку.

Слово *религия* обретает синонимы *мистика, фантастика* и антоним *наука*.

Семантическая языковая сфера религиозного становится, по сути, закрытой, лишенной реальных внешних источников для расширения и внутреннего семантического обогащения. Религиозные концепты и их обозначающие становятся не объектами духовного познания и анализа, а объектами обличения. Это обстоятельство притягивает сферу религиозного к идеологии и, как ни странно, не дает религиозному погибнуть, ибо в речевой практике для осуществления идеологической критики необходима реализация языковых элементов с религиозным содержанием.

В Советском Союзе обличение религиозного целенаправленно осуществлялось научным атеизмом и массовой атеистической пропагандой. По данным Философского словаря, «марксистский атеизм дает всестороннюю критику религии, указывая пути и средства ее преодоления» (Философский словарь, 1987, с. 32). Научно-атеистическая критика религии признается недостаточ-

ной и дополняется воспитательной работой, направленной на «формирование нового человека, свободного от религиозных... пережитков прошлого, человека, вооруженного научным мировоззрением» (там же, с. 33).

В некое подобие государственной религии была превращена господствующая идеология (Гаджиев, 1992, с. 16).

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ЭТИЧЕСКОГО

Размывается этическая константа. Некоторые единицы традиционной морали вытесняются. Последнее соответствует общему отношению к традициям, которое и отражено в словарной статье к соответствующему слову: *Традиция*. 1. То, что переходит или перешло от одного поколения к другому путем предания, устной или литературной передачи (напр., идеи, знания, взгляды, образ действий, вкусы и т. д.). *Пересмотр старой традиции. Революционные традиции русского пролетариата. Боевые традиции Красной Армии.* Молодежь должна усвоить *революционные традиции большевизма*. 2. Обычай, укоренившийся порядок в чем-н. (в поведении, в быту и т. д.). *Борьба с отжившей традицией. По установившейся традиции* председатель открыл собрание вступительным словом.

При сопоставлении толкований значения слова *традиция* и иллюстраций к значениям внутри словарной статьи бросается в глаза отсутствие семантического согласования между толкованием и иллюстрацией, обусловленное наличием в иллюстративном материале слов с семами «новизна» и «борьба». Тавтологическое словосочетание *старая традиция* приобретает отрицательную оценку и включается в организованное по типу оксюморона антонимическое противопоставление — *новые традиции* (или революционные традиции, большевистские традиции). Появляется множество аналогичных лексических соединений: *партийные традиции, комсомольские традиции, профсоюзные традиции* и др. Противопоставление *старых* (отживших) и *новых традиций* определяет тенденцию к устареванию наименований, обозначающих собственно традиционные ценности. Как устаревшие трактуются и многие словарные единицы, связанные с традиционной этикой. Особые пометы, изгоняющие то или иное моральное понятие (правило) из современной жизни, — *устар.*, *дореволюц.* — усиливают впечатление полного его неприятия. Например: *Благотворительность (устар.)*. Оказание материальной помощи бедным; *Благопристойный (устар.)*. Сообразный с требованиями приличия или принятого обычая; *Внебрачный (дореволюц.)*. Вне законного брака. *Внебрачные дети. Внебрач-*

ная связь; *Милость*. 2. Благоедеяние, дар, милостивый поступок (с точки зрения благотворительствуемого; *устар.*); *Неблаговоспитанный* (*устар.*). Не обладающий внешней выдержкой, хорошими манерами, не умеющий себя хорошо, прилично держать в обществе. *Неблаговоспитанный* мальчик. Ср.: *Неблаговоспитанность* (*устар.*). Устаревание распространяется, как правило, на все семемы многозначного слова и члены словообразовательного гнезда. Часто толкование значения не сочетается с интерпретацией данного значения как вышедшего из употребления: *Светский*. 1. Прил. к Свет² в 3 знач., свойственный, принадлежащий к высшему обществу (*дореволюц., устар.*). *Светская* жизнь. *Светский этикет* // Хорошо воспитанный, отвечающий требованиям изысканного этикета, требованиям света (...*дореволюц., устар.*). *Светский* человек. *Светские манеры*. Помета *дореволюц.* используется как синоним пометы *устар.* с наращением «не свойственное, чуждое советскому укладу жизни». Иногда помета *дореволюц.* воспринимается как нелепая (см. Внебрачный).

Одновременно с этическими категориями из духовной жизни вытесняются тесно связанные с ними категории этикетные (о связи этического и этикетного см.: Цивьян, 1965, с. 144; Байбурин, 1990, с. 4). Традиционные внешние проявления этического выводятся за пределы советского языкового быта.

Еще одним средством вытеснения этических и этикетных категорий из духовной сферы человека является их искусственное перемещение в «чужеродную» среду — «несоциалистическую», «непролетарскую», «нереволюционную». Такое перемещение осуществляется с помощью ряда сигналов: *капиталистический, дореволюционный, дворянский, дворянско-буржуазный, в буржуазном обществе*. Названные и подобные скрытые пометы маркируют как категориальные понятия, так и названия частных явлений этики и этикета. Например: *Этикет*. Установленный порядок образа действий, поведения, форм обхождения (в высшем обществе, при дворе и т. п.); *Манера*. 3. В дворянско-буржуазной среде — способ держать себя в обществе, обратившийся в привычку, внешние формы поведения; *Бонтон* (разг., устар.). Хорошие манеры, светская учтивость в словах и в обращении (в дворянско-буржуазном обществе); *Адюльтер*. В буржуазном обществе — любовная связь вне семьи, супружеская неверность.

Такая же тенденция обнаруживается в наименованиях лиц, связанных со сферой этического, этикетного: *Гувернер*. Воспитатель, обычно иностранец, нанимаемый в буржуазных семьях для воспитания и начального образования детей; *Джентльмен*. 2. Человек, отличающийся благородством, порядочностью и великодушием (в духе буржуазно-аристократической морали).

Материалы ТСУ подтверждают мысль о том, что «марксизм принимает общечеловеческую мораль, осмысленную в рамках классической этики, как отрицание реально бытовавших в жизненной практике нравов» (Гусейнов, 1990, с. 133).

Проявление неэтического в среде коммунистической нетипично и подлежит закономерному искоренению. Революционный, коммунистический — морально чистый. См.: *Чванство* (разг.). Спесь, важничание, тщеславие, пустая, неосновательная горделивость. *Коммунистическое чванство* — значит то, что человек, состоя в коммунистической партии и не будучи еще оттуда вычищен, воображает, что все задачи свои он может решить коммунистическим декретированием. Лнн.

Традиционные русские обращения интерпретируются в Словаре как чуждые народу, имеющие классовую окрашенность, служащие «интересам определенных классов»: *Господин*. 1. При фамилии или звании — формула вежливого обращения (*к лицу из господствующих классов*). Такая же формула по отношению к гражданам буржуазных государств; *Сударь* (устар.). Господин (употр. преимущественно как вежливое, учтивое, иногда ирон., обращение *к лицу из господствующих классов*, а также между равными в социальном отношении людьми из интеллигентской, дворянской среды). Аналогичные пометы переходят автоматически в словарные статьи, описывающие традиционные вежливые обращения к лицам женского пола: *госпожа, сударыня*.

Особенно искусственно воспринимаются названные пометы в словарных статьях, описывающих заимствованные традиционно вежливые обращения: *Мадам*. Слово, присоединяемое к фамилии замужних женщин *аристократического, буржуазного круга* в знач. госпожа (дореволюц.); *Мадемуазель*. Слово, присоединяемое к фамилии девушки *аристократического, буржуазного круга*, в знач. барышня, девица; *Леди*. Жена лорда // В английском *буржуазном быту* вежливое обозначение замужней женщины в знач. госпожа, мадам.

Средства идеологизации названия лица — примитивное этимологизирование, вводимое в толкование (*Барышня* (устар.). 1. Девушка из *барской* семьи), а также прямая вульгарно-социологизированная оценка (*Совбарышня* (нов. истор. пренебр.). В первые годы Советской власти — о молодой служащей, *чуждой общественности...*).

Квазисинонимы *буржуазный, капиталистический, дворянский, аристократический* объединяются общим идеологическим значением «несоциалистический, классово враждебный». Появление хотя бы одного из них в толковании свидетельствует о некоторой инородности толкуемого понятия по отношению к советскому. Толкуемые слова получают отрицательную коннотацию.

Таким образом важнейшие нравственные понятия изгоняются из среды духовных ценностей социалистического (коммунистического) общества.

Существенной особенностью тоталитарного языка является полная или частичная трансформация семантики этической в семантику политическую. Слово *моральный* получает синоним *идейный* и сращивается с последним, образуя идеологему (квазиидеологему) *морально-идейный*. Наблюдается экспансия политики в сферу морали в самых неожиданных случаях. Например: *Воспитание*. 1. Систематическое воздействие на развитие ребенка; *Воспитательный*. Содействующий культурному и общественно-политическому развитию; *Воспитать*. 2. Воспитанием сделать, образовать. Вы должны *воспитать из себя коммунистов* (Лнн).

Сращивание этического и политического особенно ярко проявляется на уровне неосновных значений: *Вульгарный*. 3. Упрощенный до искажения. *Вульгарный марксизм, вульгарная экономия* (политическая экономия, оправдывающая капиталистическую систему). Новая лексическая сочетаемость закрепляет трансформацию этического в политическое, а одно из словосочетаний даже получает дополнительное толкование, указывающее на место частной идеологемы *вульгарная экономия* в системе политико-этических объектов.

Политизированные этические объекты, размещаемые в сфере «буржуазное», всегда характеризуются отрицательно. «Низкая» стилистическая окраска поддерживается лексической сочетаемостью. Некоторые метафоры как бы закрепляются за «буржуазным миром», маркируют его: *Гнилой*. 1. Разложившийся, разрушенный, попорченный гниением, тлением. 2. перен. Внутренне разложившийся, дошедший до стадии идейного, аморального разрушения (газет.). *Гнилые устои капитализма*. 3. перен. Нечестный, беспринципный. *Гнилой либерализм, гнилой компромисс*. Тенденциозно связанная с капитализмом, идея гниения становится квазиидеологемой (ср.: *загнивающие* в значении существительного и *загнивают* — в давнем устойчиво ироническом речевом употреблении). Знаменательно, что толкования переносных значений прилагательного *гнилой* в толковых словарях последних лет постепенно освобождаются от идеологической добавки». Лингвистические контексты, предлагаемые словарями, остаются в границах этического. Например: *Гнилой*. 3. перен. Общественно вредный; нездоровый. *Гнилые настроения* (СО, 1986). То же значение в «Словаре современного русского литературного языка» (ССРЛЯ, 1992, т. 3) иллюстрируется контекстом из Мамина-Сибиряка: «Виновата моя *гнилая натурушка* и ничто больше...» Однако одобренная Словарем Д. Н. Ушакова идеологема *гнилые устои капитализма* прочно внедрена в

языковое сознание и воспроизводится как готовая единица и в наши дни.

В словарных толкованиях идентификаторы *идейный, моральный* могут употребляться как дублиеты, что способствует не только трансформации, но и сращиванию этического и идеологического: *Банкротство. 2. переѣ. Идеѣная или моральная неспособность. Политическое банкротство правой оппозиѣии.*

Целый ряд эѣтических категорий в ТСУ получает тенденциозную идеологическую интерпретацию. Так, проявление категории терпимости, компромисса (ср. как следствие штамп *гнилой компромисс*), соглашения характеризуется, как правило, отрицательно. Между тем толерантность является эѣтической нормой, обеспечивающей целесообразное ненасильственное общение (Этикет у народов Передней Азии, 1988, с. 22—24; Ищенко, 1993; Словарь перестройки, 1992, с. 216).

В то время как слова *соглашение, компромисс* получают в ТСУ собственно лингвистическую интерпретацию (нейтральное толкование значения сопровождается краткими иллюстрациями, организованными по типу указательного минимума), слова *соглашательский, соглашатель, соглашательство, примиренческий, примирение, примиренчество* получают развернутую идеологическую интерпретацию: *Соглашательский* (полит. презр.). Прилагательное к соглашатель, свойственный соглашателю. Меньшевики своей *соглашательской* тактикой тормозили революцию, путали значительную часть рабочих, раскалывали рабочий класс. Истор. ВКП(б); *Соглашатель* (полит. презр.). Оппортунист, ведущий *политику соглашений, компромиссов* с реакционной буржуазией, политику предательства интересов рабочего класса; *Соглашательство* (полит. презр.). Соглашательская политика, деятельность соглашателя. «Экономизм» есть основная ячейка *соглашательства, оппортунизма*... Истор. ВКП(б); *Примиренчество* (полит.). Политика примирения с классовым врагом, сглаживания или скрытия классовых противоречий, пособничества деятельности оппортунистов, как правых, так и «левых», ведущая к разоружению в борьбе с оппортунизмом. Только в решительной борьбе как с «левым», так и с правым оппортунизмом и *примиренчеством* к ним, за генеральную линию нашей партии ВКП(б) обеспечила создание предпосылок для выполнения первой пятилетки в четыре года, разгром классового врага и победу социализма в СССР (из постановления XVII партконференции, 1932 г.). *Примиренчество* всегда являлось и является опасным оппортунистическим отклонением от генеральной линии партии, с к-рым большевистская партия всегда ведет непримиримую, беспощадную борьбу.

Помета *полит.* указывает на полный переход эѣтических понятий в политическую идеологическую сферу. Прилагательные

соглашательский, примиренческий, существительные с суффиксами лица *соглашатель, примиренец* становятся синонимами. Абстрактные имена *соглашательство, примиренчество*, синонимизируясь, получают общие синонимы *сговор, оппортунизм*.

Контексты, иллюстрирующие категорию соглашательства, передают ситуацию предательства интересов революционного рабочего класса. Политическое соглашение идеологически приравнивается к предательству.

Инициаторами, непосредственными участниками политического соглашения, как следует из словарных иллюстраций, становятся враги социализма: меньшевики, оппортунисты и их пособники, реакционная буржуазия, капиталисты, а также «отщепенцы» (ср.: *раскалывать рабочий класс*). Переговоры и даже разговоры с субъектами политического соглашения не одобряются (помета *неодобрит.*) революционной нравственностью: *Сговор*. 2. Соглашение в результате переговоров, разговоров (преимущ. *неодобрит.*). Соглашатели ведут политику *сговора* с капиталистами.

Компромисс, прежде всего политический, противопоставляется абсолютной большевистской бескомпромиссности, приравненной к принципиальности.

Идеологема *соглашательская политика* (политика соглашений и компромиссов) содержит коннотативные семы «недостойная», «предательская», «коварная», «трусливая», которые исключают политику соглашения из сферы коммунистической морали.

Особое идеологическое содержание приобретает категория гордости. Глагол *гордиться*, требующий обязательного объектного управления, а также прилагательное *гордый* и соответствующее отвлеченное существительное в Словаре толкуются нейтрально. Идеологизация, политизация этой этической категории происходит на базе толкований специфических объектов гордости, предписываемых коммунистической моралью.

Объект гордости — социалистическое отечество, его достижения, имеющиеся и будущие завоевания: *Отечество*. Страна, где родился данный человек и к гражданам которой он принадлежит. Мы защищаем социализм, мы защищаем социалистическое отечество. Лнн. (1918) // Страна, с к-рой все трудящиеся связаны общностью стремлений к подлинной свободе, к социализму. СССР — отечество трудящихся всего мира... Ср.: Страна. 3. Государство. Страна советов — опора дружбы народов. СССР — страна социализма.

Объект особой гордости — диктатура пролетариата, диктатура большинства над меньшинством. Не случайно в словарной статье слова *государство* особо интерпретируется идеологема *пролетарское государство*: «Государство особого типа, служа-

щее орудием подавления ничтожной кучки эксплуататоров широкими массами трудящихся и имеющее своим назначением построение бесклассового социалистического общества и полное уничтожение вечной эксплуатации. Все существовавшие до сих пор классовые государства являлись диктатурой эксплуатирующего меньшинства над эксплуатируемым большинством, между тем как *диктатура пролетариата* является диктатурой эксплуатируемого большинства над эксплуатирующим меньшинством. Стлн.» Как видим, объект гордости — первые в мире социалистические завоевания. Субъект гордости — советские люди и трудящиеся всех стран.

Категории этического пропускаются через оппозицию *созидание — насильственное разрушение*. Идея созидания связана со строительством нового общества и включает идею разрушения — новый нравственный канон нового общественного миропонимания.

Созидание социалистических ценностей (политический строй, партия, хозяйство, культура и др.) — высшая нравственная задача советского народа. Осуществление этой задачи возможно лишь через борьбу и при условии уничтожения всего несоциалистического. Приведем ряд идеологических словарных интерпретаций слов с семой созидания: *Строить*. 4. Делать, производить; 5. перен. Организовать, созидать, устраивать, налаживать ...Партию приходилось *строить* под огнем жестоких преследований царизма... Истор. ВКП(б). Интеллигенция *строит* вместе с рабочими и крестьянами новое социалистическое общество. Истор. ВКП(б); *Создание*. 1. Действие по глаголу создать. *Создание* крупного социалистического сельского хозяйства в СССР; *Создать*. 1. Сделать существующим, вызвать к жизни. На месте старой, отсталой даже в капиталистическом отношении, страны *создан* новый строй — социализм в основном построен. Молотов; *Создаваться*. Страд. к создавать. Марксистская социал-демократическая партия в России *создавалась* в борьбе в первую очередь с народничеством. Истор. ВКП(б).

Идея разрушения включает семы насилия и уничтожения. Объекты разрушения: власть, строй, класс, эксплуатация, враг (обобщенно), враждебные силы. Приведем соответствующие идеологические интерпретации: *Свергнуть*. 1. Сбросить вниз (книжн. устар.). *Свергнуть* памятник с пьедестала. 2. перен. Освободиться от чьего-н. владычества, лишив власти, могущества, низложив. Убийствами отдельных лиц нельзя было *свергнуть царское самодержавие*, нельзя было уничтожить *класс помещиков*. Истор. ВКП(б). Ленин всегда учил, что без революции рабочего класса невозможно *свергнуть капитализм*. Истор. ВКП(б); *Низвергнуть*. 2. перен. То же, что свергнуть. *Низвергнуть власть буржуазии*; *Свалить*¹. 2. (несов. сваливать) кого-

что. Свергнуть, лишить власти (разг.). Ленин указывал... что именно рабочий класс России в союзе с крестьянством *свалит царское самодержавие*... Истор. ВКП(б); *Сбросить*. 6. перен. Свергнуть, уничтожить (*власть* кого-чегò-н.)... Со времени Октябрьской революции народы нашей страны *сбросили* с себя *власть буржуазии*, освободились от гнетущих пут капитализма и потому стали способны на великие дела и чудеса творчества новой жизни. Молотов.

Обобщенное понятие врага возвышает и облагораживает идею разрушения, отчуждая ее от конкретного лица, от конкретики физического уничтожения, от образа крови. В тех случаях, когда физическое уничтожение истолковывается самостоятельно, возникают частные идеологемы. Так, частную оппозицию образуют идеологемы *красный террор* — *белый террор*. Красный террор, «наш террор», как следует из иллюстраций, — это справедливое возмездие за злодеяния белых, средство защиты. Объект (жертвы) красного террора подается в обобщенном плане, в то время как объект (жертвы) белого террора конкретизирован собственными именами вождей. Оценка, таким образом, связана не с террором как с физическим насилием, а с *красным террором* (справедливым, праведным средством подавления эксплуататоров) и *белым террором* (зверским физическим уничтожением вождей пролетариата): *Террор*. 1. Физическое насилие по отношению к политическим врагам. *Наш красный террор* есть защита рабочего класса от эксплуататоров. Лнн. Эсеры, убившие тт. Урицкого и Володарского и произведшие злодейское покушение на жизнь Ленина, за *белый террор* против большевиков были подвергнуты *красному террору*... Истор. ВКП(б).

Знаменательно употребление местоимения *наш* по отношению к красному террору и отсутствие местоимения при оппозиционном члене идеологической оппозиции: оправдание насилия идеей принадлежности к социалистическому, большевистскому, пролетарскому примитивизирует аксиологические выводы: все *наше* оценивается только положительно. Принадлежность к *нашему* делает излишним содержательный анализ концепта (ср. более позднюю идеологему *советское* — *значит отличное*).

Особый объект разрушения — идеологически враждебная теория, мнение, суждение, точка зрения. Необходимость насильственного уничтожения «ненашей» идейной позиции — идеологическая догма. Борьба с «ненашими» идеями — нравственный долг советских людей: *Разбить*. 9. Опровергнуть, сокрушить, доказать несостоятельность чегò-н. Итоги пятилетки *разбили* тезис социал-демократов о том, что невозможно построить социализм в одной отдельно взятой стране. Стлн. Только *разбив* идейные взгляды народников, можно было расчистить почву для

создания марксистской рабочей партии в России. Истор. ВКП(б). *Разбить* доводы противников. *Разбить* аргументы. *Разбить* неверие.

Все *наше* незыблемо, нерушимо. Атрибуты *незыблемый, нерушимый* механически соединяются со всем советским, а соответствующие прилагательные иллюстрируются в ТСУ тенденциозно идеологизированными контекстами: *Незыблемый* (книжн.). Устойчивый, неподвижный, твердый // *Неколебимый, неизменяемый*... Социалистическая собственность на орудия и средства производства утверждена как *незыблемая основа нашего советского общества*. Стлн.; *Нерушимый* (книжн.). Такой, что не может быть нарушен или разрушен, твердый, крепкий. Сила нашей страны, ее крепость, ее прочность состоит в том, что она имеет глубокое сочувствие и *нерушимую поддержку в сердцах рабочих и крестьян всего мира*. Стлн.

Все «ненаше» подвержено ослаблению, разрушению: *Разложиться*. 6. перен. Дезорганизоваться, дойти до внутреннего распада, упадка. *Армия врага разложилась*.

Нравственно-политическая задача укрепления завоеваний социализма соединяется с задачей ослабления основ капитализма: *Расшатать* // перен. Поколебать, привести в неблагоприятное; ненадежное состояние (книжн.). *Расшатать устои капиталистического общества*.

В целом конструируется идеологема *буржуазная мораль* с синонимом *аморальный* и антонимом *советская* (коммунистическая) *мораль*.

Материалы ТСУ обнаруживают характерные для тоталитарного языка особенности освоения этического. Назовем главные из них.

— Трансформация этического в политическое; политизация этического;

— Противопоставление советской морали и морали буржуазной, сопровождающееся аксиологической поляризацией;

— Изгнание из советской морали ряда традиционных этических норм;

— Исключение из сферы нормативного общения многих традиционных этикетных норм;

— Идеологическое оправдание экстремизма, насилия.

В результате идеологической переработки семантическая языковая сфера этического утрачивает свою автономность. Ее расширение и содержательное обогащение связываются в основном с политической сферой. В то же время сфера религиозной семантики, отодвинутая тоталитарным языком в пассивный запас, фактически не взаимодействует с этической сферой при отборе и освоении этических идеалов.

Сфера, связанная с художественным творчеством и шире — с искусством, культурой — идеологизируется менее прямолинейно. Не все единицы подвергаются идеологической коррозии.

Стержневой для сферы художественного творчества является идеологема *социалистическое по содержанию и национальное по форме*, прилагаемая к любому культурному, творческому объекту. Содержание и форма признаются фундаментальными категориями марксистско-ленинской диалектики, определяющими природу и специфику искусства во всех областях его существования: *Содержание*. 4. То, что составляет сущность кого-, чего-н. Период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, *социалистических по содержанию и национальных по форме*. Стлн. *Форма и содержание — категории материалистической диалектики*.

Из словарного определения следует безусловный примат содержания над формой. Обратная зависимость приводит к отдельным проявлениям формализма или формализму.

Характеризатор *формалистическое*, используемый в словарных толкованиях, несет устойчивую отрицательную оценку и граничит с характеризатором *буржуазный* и его вариантами. *Формалистическое* — значит «ненаше», враждебное, чуждое советской идеологии, находящееся за пределами народного искусства: *Супрематизм* (искус.). *Формалистическое* направление в живописи периода империалистической войны 1914—1918 гг., отрицавшее необходимость рисунка, изображения предметов и сводившее живопись к изображению различно окрашенных плоскостей; *Имажинизм* (лит.). Литературная школа, одно из *мелкобуржуазных* направлений в русской поэзии 20 в., считавшее богатство словесных образов существом поэзии; *Формализм*. 2. Направление (в искусстве, искусствоведении, литературоведении и других науках), *идеалистически отрывающее форму от содержания*, теорию от практики, сводящее действительность к абстрактным формам и схемам. *Борьба с формализмом...*

Философская «добавка» — *идеалистический отрыв формы от содержания* — влечет за собой появление идеологемы *борьба с формализмом*. Здесь функцию отрицательной оценки обеспечивает именно философская «добавка», хотя в сфере искусства, культуры для отрицательной оценки того или иного направления, а также метода в ТСУ используется специальный характеризатор — *упадочный*: *Модерн* (книжн.). Новый, современный (об *упадочных* стилях конца 19 и нач. 20 в.); *Модернизм* (искус.). *Упадочное* течение в искусстве и литературе в конце 19 и на-

чале 20 в., враждебное реализму, с чертами декадентства и отчасти мистицизма; *Декадентство*. Литературно-художественное направление в конце 19 в. и начале 20 в., отличавшееся *упадничеством*, крайним эстетизмом и индивидуализмом, предшествовавшее символизму и отражавшее собой настроение некоторых групп интеллигенции в эпоху *упадка* капитализма. Упаднические направления в искусстве характеризуются как ненародные и буржуазные по природе: *Символизм*. Направление в искусстве конца 19 и начала 20 в., выражавшее *упаднические* и реакционные настроения *буржуазии*, в художественных образах создававшее символы мистических переживаний и представлений (лит., искус.).

Сопроводителями идеологического характеристизатора искусства *упадническое* служат идеологемы-конкретизаторы *индивидуалистическое, реакционное, мистическое*. В этом же ряду находится характеристизатор *религиозное*, выводящий концепт за пределы собственно художественных ценностей: *Толстовство и толстовщина*. *Религиозно-этическое* учение писателя Л. Н. Толстого, основанное на отрицательном отношении к цивилизации и на христианских идеях непротivления злу насилием, представлявшее собой плод идеализации патриархального крестьянского быта и хозяйства. Вот именно идеологией восточного строя, азиатского строя является *толстовщина* в ее реальном историческом содержании. Лнн. Четверть века тому назад критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения вопреки *реакционным утопическим чертам толстовства*. Лнн.

Идеологизация художественного осуществляется не только с помощью философских и собственно идеологических «добавок», но и посредством полного отождествления художественного и идеологического (идеологема *художественная идеология*). Например: *Футуризм*. Направление в искусстве, стремившееся создать новый динамический стиль, разрушавший все традиции, каноны и приемы старого искусства (возникло в начале 20 века в Италии как *художественная идеология* воинствующей империалистической буржуазии; в России получило развитие, главным образом, среди мелкобуржуазной, анархически настроенной интеллигенции как протест против существующего строя и общественных отношений).

Носителями упаднического течения, его апологетами являются, как правило, буржуазия (реакционная, империалистическая, мелкая буржуазия) и «часть» интеллигенции.

Трансформация художественного в политическое обозначена как тенденция, но не как закономерность. Более того, некоторые направления искусства и литературы толкуются в Словаре ней-

трально, без использования идеологических «добавок»: *Акмеизм* (лит.). Одно из направлений в русской поэзии в десятых годах 20-го в., противопоставлявшее себя символизму.

Тенденция перехода художественного в политическое тем не менее действует и захватывает не только единицы со специализированными пометами *искус., лит.: Попутчик*. 3. Писатель, примкнувший к большевикам в их борьбе, но не понимавший ряда особенностей социалистической революции и строительства в восстановительный период. Успехи социалистического строительства превратили *писателей-попутчиков* в полных сторонников партии и советской власти.

Единственным имеющим идеологическое право на существование художественным методом признается реализм, а для советской литературы — социалистический реализм: *Реализм*. 3. В искусстве и литературе: направление, ставящее себе целью точное и полное воспроизведение объективной действительности в ее типических чертах (лит.). *Социалистический реализм* является основным методом советской литературы, направленным на показ действительности в ее революционном развитии и имеющим целью воспитание трудящихся в духе социализма. Как видим, художественный метод наделяется идеологической (политической) функцией: эстетическая категория смыкается с политической.

Социалистический реализм в целом противопоставлен всем (и каждому в отдельности) нереалистическим направлениям литературы и искусства, которым нет места при социализме. Оппозиция *социалистическая — буржуазная культура (искусство)* является сквозной в художественной сфере. Буржуазная культура (искусство) во всех ее разновидностях объявляется реакционной, обреченной на вымирание, гибель, достойной насильственного уничтожения: *Цивилизация*. 2. Вообще общественная культура, достигшая высокой степени развития, а также общество, являющееся носителем этой культуры. 3. Употр. как обозначение современной европейской культуры. *Цивилизация, свобода и богатство при капитализме вызывают мысль об обожравшемся богаче, который гниет заживо и не дает жить тому, что молодо*. Лнн.

Социалистическая культура (искусство) характеризуется как процветающая, сильная, полнокровная: *Творчество* (книжн.). Действие по гл. творить в 1 знач. Теперь в нашей стране сделано все для того, чтобы *ключом било народное творчество на просторах многонационального Советского Союза...* Молотов.

Идеологическое освоение тоталитарным языком художественной семантической сферы сопровождается определенными процессами. Назовем наиболее характерные.

— Формирование рядов оппозиций *содержание — форма; содержательный — формалистический; народное — антинародное; реалистическое — нереалистическое (упадническое); художественное — антихудожественное* на фоне общей оппозиции *социалистическое — буржуазное (искусство)*;

— Идеологизация, политизация художественного с помощью философских и политических «добавок»;

— Трансформация художественного в политическое, охватывающая концепты и ряды концептов, но не разрушающая всю систему.

Семантическая сфера художественного, испытывая сильное давление философской и политической сфер, сохраняет, по данным ТСУ, относительную автономию.

Итак, наше исследование показало, что тоталитарный язык имеет свой словарь, с помощью которого осуществляется основная функция тоталитарного языка — функция идеологического предписания. Тоталитарный язык служит не только «руководством к восприятию социальной действительности» (Сепир, 1934, с. 71) — он членит эту действительность на идеологические сферы и вырабатывает примитивные принципы оценки.

В словарь тоталитарного языка входят лишь те элементы, которые соответствуют выработанным официальной языковой политикой предписаниям. С этой точки зрения сомнительно включение в словарь тоталитарного языка лексики узников ГУЛАГа, а также нецензурной лексики (Хомяков, 1993, с. 239). Скорее всего данные разряды лексики можно оценить как факты антитоталитарного, неофициального языка (Вежбицка, 1993, с. 107), как факт «языковой самообороны».

Мы полагаем, что процесс идеологизации (политизации), захватывающий лексическую семантику, регулярные идеологические «добавки», формирование прямой аксиологической поляризации на базе «сквозных» оппозиций позволяют охарактеризовать словарь тоталитарного языка как словарь идеологем. В наиболее общем виде идеологему можно определить как мировоззренческую установку (предписание), облеченную в языковую форму. Ложные суждения, лежащие в основе ряда идеологем, служат базой для развития мифов и внедрения их в общественное сознание.

Существование зафиксированного, кодифицированного словаря идеологем тоталитарного языка подтверждает реальность и действенность целенаправленной языковой политики, возможность которой, в частности, отрицал Ф. де Соссюр (Якубинский, 1986, с. 80—81).

Словарь идеологом ориентирован на формирование языкового сознания примитивного человека. Примитивный человек должен испытывать чувство превосходства и не стремиться к сложным мыслительным операциям, требующим размышления (Выготский, Лурия, 1993, с. 74—75). Эту стратегию позволяют осуществить вводимые ТСУ в активный речевой оборот прецедентные тексты, облекающие то или иное идеологическое предписание в речевую форму. Ю. Н. Караулов дает следующее определение прецедентным текстам: ...«тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Караулов, 1987, с. 216).

ТСУ вводит в оборот прецедентные тексты нового типа — высказывания первых лиц советской страны (Кронгауз, 1993, с. 162). Каждый из таких текстов реализует определенную идеологему или соединение идеологем (квазиидеологем). При этом каждая идеологема вырастает из особого сочетания слов — сочетания, маркирующего эпоху социалистической революции и построения социализма, и не всегда семантически соответствующего толкуемому слову.

Безаналоговыми для лексикографической практики являются источники прецедентных текстов в ТСУ. Попытаемся их сгруппировать. Источник прецедентного текста определяет идеологический авторитет в общем виде. Способ подачи прецедентного текста и вид отсылки внедряют в речевую практику механизм пропагандирования догм в опоре на идеологические авторитеты.

1. Речи, произнесенные В. И. Лениным, его труды, письма, отдельные высказывания:

1.1. Иллюстрация сопровождается лишь указанием на авторство, как, например, иллюстрация к существительному *революционер*: Быть *революционером* значит ломать все вредное, отжившее самым решительным, самым беспощадным образом. Ленин.

1.2. Иллюстрация сопровождается указанием на авторство и год. При этом год вводит читателя в контекст политической жизни, политических событий (предполагается, что читатели и авторы Словаря имеют общую пресуппозицию): *Обман*. — Буржуазные партии господствуют в громадной степени благодаря *обману* ими масс населения, благодаря гнету капитала... Ленин (1919).

1.3. Иллюстрация иногда сопровождается указаниями на автора и представляет собой название его труда: *Левизна* // Показной анархический мелкобуржуазный радикализм (в этом значении слово *левизна* употр. в кавычках). Детская болезнь «*левизны*» в коммунизме. Ленин (заглавие произведения Ленина 1920 г.).

1.4. Иллюстрация сопровождается указанием на авторство, год (дату), содержит полное название труда (речи, письма, высказывания и др.). Ситуация в этом случае наиболее полно включается в идеологическое содержание (Волошинов, 1929, с. 27): *Своеобразие*. Отвлеч. сущ. к своеобразный, присутствие чего-н. своеобразного в ком-чем-н. *Своеобразие* текущего момента в России состоит в переходе первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Ленин (Апрельские тезисы, 1917 г.); *Совдеп* (нов. истор.). Совет рабочих, солдатских (позднее — красноармейских) и крестьянских депутатов. Пусть педанты или люди, неизлечимо напичканные буржуазно-демократическими, или парламентарными, предрассудками, недоуменно качают головой по поводу наших *Совдепов*, останавливаясь, например, на отсутствии прямых выборов. Ленин. («Письмо к американским рабочим», 1918 г.).

1.5. Иллюстрация представляет собой изречение Маркса или Энгельса в истолковании В. И. Ленина, в ленинской интерпретации*: *Религия*. — *Религия* есть опиум народа, — это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе религии. Ленин; *Натурфилософия*. — Энгельс обвиняет старую *натурфилософию* в том, что она заменяет «неизвестные еще ей действительные связи» (явлений природы) «идеальными, фантастическими». Ленин. Подобное введение в словарную статью прецедентных текстов (двутекстов) создает иллюзию полного единомыслия, подготавливает формирование идеологем *Маркс — Энгельс — Ленин — основоположники научного коммунизма; марксизм-ленинизм*. Не случайно в словарную статью *основоположник* вводится соответствующий стереотип: *Основоположник* (книжн.). Основатель, создатель какого-н. учения, теории. *Основоположники марксизма*.

2. Речи, произнесенные И. В. Сталиным, труды, беседы, воспоминания И. В. Сталина:

2.1. Иллюстрация сопровождается лишь указанием на авторство. Например: *Расчихвостить* (или расчихвостить). — *Рас-*

* Этот прием — своего рода уловка составителей, осознающих некорректность иллюстрации значения слова нерусскоязычным контекстом.

чихвостить и вырвать с корнями все и всякие буржуазные теории, пытающиеся развенчать завоевания Октябрьской Революции и растущее колхозное движение. Сталин.

Если толкуется понятие и соответствующая идеологема с основой *ленин-*, источником прецедентного текста (а иногда и ряда текстов) является та или иная речь (труд) Сталина: *Ленинец*. — Мы — партия марксистов-ленинцев. Сталин; *Ленинизм*. — *Ленинизм* есть марксизм эпохи империализма и пролетарских революций. Точнее: *ленинизм* есть теория и тактика революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности. Сталин. *Ленинизм* нельзя ни отделять от марксизма, ни тем более противопоставлять марксизму. Сталин.

2.2. Иллюстрация сопровождается указанием на авторство и год, к которому относится прецедентный текст: *Рычаг*. 3. перен. Я хотел бы обратить ваше внимание на колхозы и особенно совхозы, как на *рычаги*, облегчающие дело преобразования сельского хозяйства на базе новой техники, производящие у крестьян революцию в головах и помогающие освободиться от косности, от рутины. Сталин (1928).

2.3. Иллюстрация сопровождается указанием на авторство и название труда (речи и др.): *Социал-империалист* (полит. презр.). Социал-демократ, социалист, проводящий политику социал-империализма. Путь развития и укрепления пролетарских партий проходит через их очищение от оппортунистов и реформистов, *социал-империалистов* и социал-шовинистов. Сталин («Об основах ленинизма»).

2.4. Иллюстрация сопровождается указанием на авторство, название речи (труда и др.), год или точную дату: *Расклевать*. 2. перен. Мы победили не только усилиями рабочего класса СССР, но и благодаря поддержке мирового рабочего класса. Без такой поддержки нас давно *расклевали* бы. Сталин («О задачах хозяйственников», 1931 г.); *Подхалимничать* (разг. презр.). — Если старые вредители шли против наших людей, то новые вредители, наоборот, лебезят перед нашими людьми, восхваляют наших людей, *подхалимничают* перед ними для того, чтобы втереться в доверие. Сталин (доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников»).

2.5. Иллюстрация представляет собой изречение Ленина, Маркса и/или Энгельса в интерпретации Сталина или же догматическое введение идеологического императива с достаточно произвольной отсылкой на указанные авторитеты: *Социализм*. 3. Название различных буржуазных и мелкобуржуазных учений о реформе капиталистического общественного строя. Еще в «Манифесте коммунистической партии» бичевали Маркс и Энгельс примитивный утопический *социализм*, называя его реакционным

за его проповедь всеобщего аскетизма и грубой уравнительности. Сталин; *Строить*. 5. Организовать, созидать, устраивать, налаживать. *Стройте* новую жизнь, новый быт, новую культуру — по Ильичу. Сталин; *Сокровищница* (книжн.). 2. перен. Богатый запас, скопление чего-н. ценного, высоко ценного. Изложить ленинизм — это значит изложить то особенное и новое в трудах Ленина, что внес Ленин в общую *сокровищницу* марксизма... Сталин. Новое, внесенное Лениным в *сокровищницу* марксизма, базируется целиком и полностью на принципах, данных Марксом и Энгельсом. Сталин. Как видим, каждое из этих имен может использоваться как самостоятельный прецедентный текст.

Необходимо отметить, что в одной словарной статье могут соседствовать прецедентные тексты, источниками которых являются речи (труды) и Ленина, и Сталина: *Национализм* (полит.). — Марксизм выдвигает на место всякого *национализма* интернационализм... Ленин... Уклон к *национализму* есть приспособление интернационалистской политики рабочего класса к националистской политике буржуазии. Уклон к *национализму* отражает попытки «своей», «национальной» буржуазии подорвать советский строй и восстановить капитализм. Сталин.

Концептуальное сходство идеологически насыщенных высказываний и постоянное соседствование их авторов подготавливает почву для создания идеологемы *Сталин — это Ленин сегодня*.

Высокая концентрация иллюстраций из речей и трудов Сталина, сталинские интерпретации точек зрения Маркса, Энгельса, Ленина и непосредственный контакт высказываний Сталина с высказываниями Ленина продлевает ряд собственных имен идеологических авторитетов (первых лиц): Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин.

На базе этого ряда собственных имен создается идеологема *первоисточника* — первоначального источника теории коммунизма. Ср.: «Работать над *первоисточниками*, изучая непосредственно сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина» (ТСУ, т. 3).

3. Непосредственно к «первоисточникам» примыкают иллюстрации, извлеченные из речей и трудов видных деятелей партии. Наиболее активно используются высказывания В. М. Молотова. При этом чаще всего встречаются три разновидности сопутствующих указателей источника:

3.1. Иллюстрация сопровождается указанием на авторство: *Подъем*. — В Советском Союзе идет возрождение многочисленных национальностей, идет *подъем* хозяйственных сил и национальных культур всех народов. Молотов.

3.2. Иллюстрация сопровождается указанием на авторство и название речи (труда): *Перерожденец*. — Нам понятны злоба

и беспринципность этих на все готовых буржуазных *перерожденцев*, ненавидящих нашу партию и всех честных строителей социализма с яростью, достойной ренегатов. Молотов (речь на Чрезвычайном VIII съезде Советов); *Эксплуататор* (или... уа..). Предприниматель, капиталист, собственник средств производства, присваивающий себе плоды готового труда. Острейшая классовая борьба между *эксплуататорами* и эксплуатируемыми составляет основную черту капиталистического строя. Молотов (вступительная речь на XVIII съезде ВКП(б)).

«Второй ряд вождей» — Г. В. Плеханов, К. Е. Ворошилов, Литвинов — не образует значительного прецедентного фона; прецедентные тексты фиксируются как единичные иллюстрации с компрессированным паспортом: *Славянофильство*. Националистическое течение русской общественной мысли середины 19 в., выражавшее интересы крепостнического дворянства и утверждавшее, в противовес западничеству, что Россия самобытна в своем историческом развитии и что патриархальная славянская культура должна прийти на смену культуре Запада с его капиталистическими отношениями и классовой борьбой. *Славянофильство* Хомякова, Киреевских, К. Аксакова и других было философией русской истории, созданной идеологами помещичьего сословия под сильнейшим влиянием фронта классовой борьбы на Западе. Плеханов; *Самоотверженность*. Отвлеч. сущ. к самоотверженный; то же, что самоотвержение. Люди Красной Армии показывают образцы *самоотверженности*, героизма, военного мастерства. Ворошилов.

Собственные имена названных политических деятелей «второго ряда» системно не употребляются в функции самостоятельных прецедентов, а их речи и труды не интерпретируются как «первоисточники».

4. Иллюстрации, извлеченные из Конституции СССР: *Пропаганда*. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной *пропаганды* признается за всеми гражданами. Конституция СССР.

5. Иллюстрации, извлеченные из Устава ВКП(б): *Политбюро* (нов.). — Центральный комитет организует: для политической работы — *Политическое бюро*... Устав ВКП(б).

6. Иллюстрации, извлеченные из постановлений партийных съездов, пленумов, конференций с указанием года или полной даты. *Народничество*. — Марксизм у нас вырос и окреп в борьбе с *народничеством*... как злейшим врагом марксизма, и на основе разгрома его идейных положений, средств и методов политической борьбы (индивидуальный террор, исключаящий организацию массовой партии). «О пропагандистской работе в ближайшее время» (постановление ЦК ВКП(б) 1935 г.); *Примиренчество*. — Только в решительной борьбе как с «левым», так и с

правым оппортунизмом и *примиренчеством* к ним, за генеральную линию нашей партии ВКП(б) обеспечила создание предпосылок для выполнения первой пятилетки в четыре года, разгром классового врага и победу социализма в СССР (из постановления XVII партконференции, 1932 г.); *Сословие*. 1. Сложившаяся на основе классовых отношений феодализма общественная группа, классовая организация с закрепленными законом наследственными правами и обязанностями (истор., дореволюц., загр.)... Все существовавшие донныне в России *сословия* и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины, упраздняются (декрет ЦИК 23 ноября 1917 г.).

7. Иллюстрации, извлеченные из программных документов: *Подкуп*. — Этот систематический *подкуп* практиковался и практикуется особенно широко в сильнейших империалистических странах, находя свое наиболее яркое выражение в идеологии и практике рабочей аристократии (из Программы Коминтерна). Программные идеологические установки, внедряемые в языковое сознание, в основном имеют партийный характер. Это подтверждается интерпретацией второго основного значения слова *программа*, а также иллюстрациями значений прилагательного: *Программная*. 2. Изложение основных положений и целей деятельности политических партий, общественных организаций или отдельного государственного общественного деятеля. *Программная* и устав ВКП(б). *Программный*. — Обсуждение программных вопросов на партийном съезде. «Что делать?» Ленина — *программный* документ большевизма. *Программная* речь. *Программное* выступление. С учетом сделанного уточнения все прецедентные тексты, дающие санкционированные политикой партии мировоззренческие установки, являются программными.

8. Иллюстрации, извлеченные из «Истории ВКП(б)», обладают высокой частотностью:

8.1. Иллюстрация сопровождается лишь указанием на источник: *Раста*. — ВКП(б) *росла* и крепла в принципиальной борьбе с мелкобуржуазными партиями внутри рабочего движения. История ВКП(б).

8.2. К иллюстрации прилагается указание на содержание источника типа «о ком-, о чем»: *Подрыв*. — Поставив целью *подрыв* большевистской партии, они неизбежно должны были скатиться на путь *подрыва* советского государства, ибо партия большевиков и государство неотделимы в Советской стране. История ВКП(б) (о троцкистах и зиновьевцах).

8.3. Иллюстрация представляет собой интерпретацию (чаще всего оценочную) деяния, труда, высказывания, точки зрения основоположника (основоположников) марксизма-ленинизма. Наиболее типичные глаголы, вводящие канонические прецеден-

ты: *учить, говорить, считать, называть, указывать*. Имена основоположников марксизма и названия их трудов используются в функции самостоятельных прецедентных текстов. Например: *Старый*. 7. Прил., по знач. связанное с принадлежностью к прежнему, отжившему или отживающему общественному строю; противоп. *новый*... Чтобы победить *старый* мир и создать новое бесклассовое общество, пролетариат должен иметь свою собственную рабочую партию, которую *Маркс и Энгельс* называли коммунистической партией. История ВКП(б). *Спутник*. 2. перен. То, что сопутствует чему-н., находится или появляется вместе с чем-н. *Ленин указывал*, что войны — неизбежный *спутник* капитализма. История ВКП(б); *Сознавать*. 1. несов. к *сознать*. *Маркс и Энгельс учили* пролетариат *сознавать* свои силы, *сознавать* свои классовые интересы и объединяться для решительной борьбы с буржуазией. История ВКП(б); *Тезис*. 1. Положение, утверждение, выставляемое и потом доказываемое в каком-н. рассуждении. *Апрельские тезисы Ленина давали гениальный план* борьбы партии за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. История ВКП(б); *Шовинизм* (полит.). Крайний национализм, проповедующий ненависть, презрение к другим народам и разжигающий национальную вражду. Тов. *Сталин указывал*... на два антипартийных уклона в национальном вопросе: великодержавный (великорусский) *шовинизм* и местный национализм. История ВКП(б).

Извлечения из «Краткого курса» не всегда стилистически безупречны: *Политический*. — Будучи политически разбиты большевистской партией, потеряв верную почву в рабочем классе, троцкисты перестали быть *политическим* течением и превратились в беспринципную карьеристскую клику *политических* мошенников, в банду *политических* двурушников. История ВКП(б). Ненормативная лексическая сочетаемость свидетельствует о нарушениях точности речи. Последнее, однако, не мешает авторам Словаря использовать высказывание в функции образцового: при конкуренции идеологического канона и культурноречевой аномалии побеждает первое.

9. Иллюстрации, извлеченные из «Истории гражданской войны»: *Перерастание*. — Апрельская конференция нацелила партию большевиков на борьбу за *перерастание* буржуазно-демократической революции в социалистическую. История гражданской войны.

10. Иллюстрации, извлеченные из революционных песен, в том числе переводных (последнее является запретом для толковых словарей русского языка и, следовательно, выступает как определенная уступка идеологии): *Произвол*. — Падет *произвол* и восстанет народ, великий, могучий, свободный (из революционного похоронного марша); *Плутократ*. — Мшенье и смерть

всем царям, *плутократам*, близок победы торжественный час. Революционная песня «Варшавянка».

11. Революционные лозунги с указанием источника и сферы бытования: *Пролетарий*. «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*» (лозунг в Коммунистическом Манифесте Маркса и Энгельса, являющийся лозунгом всех коммунистических партий и помещенный на гербе СССР и на гербах всех республик СССР).

12. Иллюстрации, извлеченные из произведений революционных писателей и поэтов. Каждое высказывание, как правило, афористично передает идеологическую информацию: *Пролетарий*. — С Адама буржую *пролетарий* не мил. Маяковский; *Подкуп*. — Буржуи сейчас же двинули в ход предательство, *подкуп* и золото. Маяковский; *Разновидность*. 2. перен. — Он не походил на профессионалиста — шатуна по святым местам, эту худшую *разновидность* неисчислимой «бродячей Руси». М. Горький.

Иногда несколько прецедентных текстов М. Горького используются в одной словарной статье: *Самооценка* (книжн.). Оценка самого себя, рассмотрение своих собственных достоинств и недостатков. Трудовая, бойкая жизнь сильно приподняла ее *самооценку*. М. Горький. Мертвые люди, потерявшие всякое уважение к себе, лишенные способности к *самооценке*. М. Горький.

Иллюстрации из произведений М. Горького представлены в ТСУ широко и не всегда выполняют идеологическую функцию, хотя последняя для них характерна — в отличие от прецедентных текстов из М. Шолохова, для которых идеологическая функция является скорее исключительной: *Элемент*. 5. Контрреволюционер, вредный человек. Брешешь, как *элемент*. Шолохов.

13. Особо следует отметить прецедентные тексты, употребляющиеся в качестве иллюстраций, без указания на источник. Они представляют собой словосочетания (в их числе метафорические и экспрессивные: *сокрушить врага; сокрушить власть капитала; в свете марксизма; верный солдат революции; счастливые народы Советской страны; свора буржуазных журналистов; свобододобивые патриоты; сыны Советской страны; гордые соколы Советской страны; свободные граждане великой Советской страны; свободный советский народ*); предложения («Кандидаты блока коммунистов и беспартийных на выборах в Верховный Совет собрали почти 100% голосов»; «Рассмотреть вопрос в свете очередных политических задач»; «Общественное бытие, говорит Маркс, определяет сознание людей»; «Соглашатели всегда ведут политику сговора с капитализмом»; «В тесной связи рабочего класса с крестьянством залог всех наших побед» и др.). Прецедентное ядро таких предложений составляют простые и осложненные клишированные словосо-

четания, на базе которых легко образуются нужные варианты, в том числе лозунги. Например: «Проголосуем за блок коммунистов и беспартийных»; «Блок коммунистов и беспартийных — в Верховный Совет нового созыва» и др. В состав подобных предложений могут входить компрессированные прецедентные тексты, например, имена классиков марксизма-ленинизма.

Анализ иллюстративного материала в ТСУ позволяет сделать ряд обобщений.

— Механизм идеологизации словаря осуществляется с помощью особых операторов — прецедентных текстов.

— Прецедентный текст, который прилагается ТСУ в качестве иллюстрации к значению слова, может содержать данное слово в качестве концептуального ядра. В этом случае наблюдается прямая идеологизация семантики.

— Прецедентный текст, который прилагается ТСУ в качестве иллюстрации к значению слова, может содержать данное слово в качестве концептуальной периферии. В этом случае наблюдается косвенная идеологизация семантики.

— Прецедентный текст может подаваться ТСУ в готовом для обыденного речевого употребления виде и в границах контекста, уточняющего идеологическое предписание.

— Все без исключения прецедентные тексты предписывают направление оценки и саму оценку. В этом смысле они могут быть названы аксиологическими прецедентами (Сорокин, 1994, с. 209).

ГЛАВА 2. СВЕРХТЕКСТ ИДЕОЛОГЕМ

Ленин не был дураком, когда... советская власть осуществляла план монументальной пропаганды. Он пытался создать советскую мифологию, в чем был большим умницей... было создано мощнейшее, пускай дьявольское, мифотворчество...

Эрнст Неизвестный

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Для выявления глубинных смысловых пластов тоталитарного языка (Купина, 1983, с. 104—105; Купина, 1989, с. 7—12) попытаемся опереться на гипотезу, в соответствии с которой списки идеологем, зафиксированные ТСУ, могут быть рассмот-

рены как сверхтекст (Купина, 1992, с. 11; Человек. Текст. Культура, 1994).

Сверхтекст — совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта и адресата, особыми критериями нормального и аномального. Рассматриваемый сверхтекст обладает категориальной спецификой.

Сверхтекст идеологом советской эпохи, эпохи тоталитаризма, представляет собой целостное единство. Категориальная целостность обеспечивается идеологическим монизмом (Гаджиев, 1992, с. 15), единством точки зрения, модальной установки.

Сверхтекст идеологом можно охарактеризовать как относительно закрытый сверхтекст. 1985 год, или начало перестройки, маркирует начало конца тоталитарного языка советской эпохи. Разрушение тоталитарного языка сопровождается столкновением идеологического монизма с плюрализмом и на первых порах знаменуется противоречием между идеологией тоталитаризма и идеологией перестройки, которая стимулирует появление своего особого словаря (Словарь перестройки, 1992).

По характеру коммуникативной рамки сверхтекст идеологом можно охарактеризовать как сверхтекст с обобщенной прямой линией, декларативной авторской позицией.

Если под адресатом понимать «сознание, с которым автор вступает в диалог» (Лымарь, 1991, с. 65), то можно сказать, что сверхтекст идеологом ориентирован на обобщенный характеризованный тип адресата (с формирующимся сознанием нового, тоталитарного типа).

С точки зрения структурной определенности, сверхтекст идеологом в рассматриваемом варианте представляет собой соединение текстовых образований неканонического типа, структурированных однотипно.

Остановимся на характеристике сверхтекстовых категорий.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Пространство и время находятся в непосредственной зависимости от содержания идеологом (Топоров, 1983, с. 228). Впитывая в себя стандартизированное идеологическое содержание, пространство и время «вступают в диалог, границы их совмещаются и накладываются» (Григорьев, Северская, Фатеева, 1992, с. 21).

Моделирование идеологического пространства отличается примитивностью и отражает тоталитарную модель мира (Лотман,

1988, с. 274). Ощущается идеологически заданная «потребность связать язык со средой обитания» (Арутюнова, 1988, с. 315).

Центр идеологического пространства — Советский Союз. Прямые лексические сигналы: *СССР; Советский Союз; Советская страна, страна советов; советская земля*.

Идеологизированный пространственный объект (Советский Союз) мыслится как незыблемая твердыня в продленном настоящем. С ретроспекцией (специальная помета *дореволюц.*) связана *царская Россия; Россия 19 в.; Россия 18 в.* и т. п. Отмеченные темпорально-локальные указатели обрастают типовыми идеологическими «добавками»: *крепостное право, классовые противоречия, эксплуатация человека человеком* и др. Соединяясь, подобные идеологемы характеризуют государственное устройство России как несправедливое. *Россия* противопоставляется топониму *Советский Союз*.

Переход от пространства России к пространству Советского Союза скачкообразен и отражает динамическую модель пространства (Яковлева, 1993). Этот переход сопровождается созданием новых мифов. Миф как «форма рассуждения, выходящая за рамки рассуждения тем, что она хочет порождать ту истину, которую провозглашает» (Иванов, 1984, с. 29), очень удобен для тоталитарного языка как языка догм.

Проводником мифов являются прецедентные тексты, сопровождающие пространственные и темпоральные языковые указатели.

Ключевой пространственный указатель *Советский Союз*, словно губка, впитывает в себя мифы: *Чудо. — СССР — страна чудес; Прямой. — Только в СССР обеспечены подлинно прямые выборы; Пропасть. — В СССР исчезает былая культурная пропасть между городом и деревней. Советский. — Советский Союз является единственной страной в мире, которая не знает кризисов и промышленность которой все время идет вверх. Сталин; Советский. Ни одной пяди советской земли не уступим врагу.*

Идея исключительности, миф об исключительности (только в СССР; единственная страна в мире) соединяется с идеей замкнутости. Замкнутое пространство передается прямыми лексическими сигналами: *границы, рубежи, пределы, рамка; окружать, окруженный; со всех сторон*.

Замкнутость предполагает потенциальную агрессию капиталистического окружения, посягающего на границы страны Советов и, как следствие, — состояние постоянной бдительности и готовности к обороне и борьбе. Например: *Рамка. 6. перен. Пределы, границы чего-н. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Стлн; Окружение. — Пока существует капиталистическое окружение,*

будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств... Стлн; *Окруженный*. 2. Такой, которого окружает кто-н. или что-н. *Мы окружены со всех сторон врагами*, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Лнн.

«Оковы пространства», «принудительные пределы пространства» (Соловьев, 1914, с. 269), ограниченного Советским Союзом, — важнейший компонент тоталитарной модели мира.

Советский Союз — единственная в мире страна победившего пролетариата в целом противопоставляется капиталистическим странам. Оппозиция единичности — множественности покрывает ряд идеологических противопоставлений: *здесь — там; наше — «наше», советское — буржуазное* (капиталистическое, империалистическое); *справедливое — несправедливое; не подверженное кризисам и безработице — подверженное кризисам и безработице; лишенное классовых противоречий — раздираемое классовыми противоречиями; исключительное — обыденное* и др. Противопоставление пространства социализма и пространства капитализма в настоящем статично.

Пространственные сигналы *капиталистические страны* (государства), *страны капитала*, *страны капитализма* и соответствующие предложные формы с местным значением отягощаются мифологемами, противоположными по содержанию тем, которые связаны с обозначением Советского Союза: *Политзаключенный* (нов.). *В капиталистических странах* — лицо, находящееся в тюремном заключении за революционную деятельность; *Позиция*. — *Позиции* пролетариата в странах капитала укрепляются; *Противоречие*. — ...Стабилизация капитализма подготавливает новый взрыв *противоречий*, новые кризисы в странах капитализма. Истор. ВКП(б); *Промышленный. Промышленный кризис в странах капитала*.

Те или иные формы собственности, хозяйствования связываются с капиталистическими странами, получают закрепленную сферу пространственного обитания: *Ферма*. 2. *В капиталистических государствах* — частное сельскохозяйственное предприятие на собственном или арендном участке, хутор.

Более частные локальные указатели, относящиеся к пространственной идеологеме *страны капитала*, получают в сверхтексте идеологическое атрибутивное сопровождение и таким образом вовлекаются в идеологическое пространство. Например: *Погром*. 1. Организованное правительством, господствующими классами реакционно-шовинистическое выступление, массовое избиение толпой какой-н. группы населения, сопровождающееся убийствами, разорением и грабежом имущества. Еврейские погромы в царской России, в панской Польше, в боярской Румы-

нии, в фашистской Германии. Армянские погромы в султанской Турции.

Идеологическая диверсия, исходящая со стороны стран капитала, проникающая в пространство Советского Союза, признается вредоносной и подлежит уничтожению. Идеологическое влияние со стороны Советского Союза на страны капитала признается благотворным, подлежит распространению и внедрению: *Самоопределиться* (книжн.). Осознать себя, свои классовые, общественные интересы, определить свое собственное существование самостоятельно, найти свое особое место в мире, в обществе. А рабочему классу Америки абсолютно необходима такая борьба мнений и такая критика для того, чтобы он мог сделать выбор между различными течениями и *самоопределиться*, наконец, как самостоятельная организованная сила внутри американского общества. Стлн.

Идеологическое содержание пространственного символа *Советский Союз* полностью соответствует «главной организующей идее» тоталитарного мышления — идее «единства большого общества» (Ахизер, 1993, с. 14).

Оппозиция *Советский Союз — страны капитала*, охватывающая весь презентивный план, содержит внутреннюю потенцию к уничтожению в плане футуральном. Будущее неизменно связано с победой социализма и коммунизма во всех странах мира и предполагает утопическое «умозрительное» пространство победившего коммунизма или «квазипространство» (Яковлева, 1993); *Самодовлеющий* (книжн.). Обладающий собственным, самостоятельным содержанием, значением, достаточно значительный сам по себе... Революция победившей страны должна рассматривать себя не как *самодовлеющую* величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы пролетариата в других странах. Стлн («Об основах ленинизма»).

Для воплощения идеи победы революции и торжества коммунистических идей во всем мире служат новые слова. Например: *Советизировать*. 2. Внедрить (внедрять) советскую идеологию, мировоззрение и понимание практических задач советской власти.

Таким образом, статическая пространственная оппозиция *Советский Союз — страны капитала* отражает тоталитарную модель мира в осязительном продленном настоящем. Преодоление оппозиции связывается с агрессией, борьбой за победу коммунизма в неопределенном будущем.

Время в свертхтексте не отличается сложной структурой. Точкой его отсчета является революция 1917 года. Все, что происходило до революции, охватывается пометой *дореволюц.* Все, что происходит после 7 ноября (25 октября) 1917 года, напол-

няет настоящее «цепью исторических моментов». Будущее мыслится как эра коммунизма.

Единица отсечения времени — эпоха, период, фаза. Одна эпоха закономерно сменяет другую: эпоха капитализма — эпоха социализма и эпоха коммунизма. Время, как и пространство, испытывает давление идеологии и мифологизируется: *Советский*. 1. Прил. к совет в 6 знач., прилаг., по знач. связанное с социалистической организацией власти Советов и общества *эпохи диктатуры рабочего класса* (нов.); *Скачкообразный*. — Развитие капитализма в *эпоху империализма* происходит крайне неравномерно и *скачкообразно* (нареч.). Истор. ВКП(б).

Формация давит на время, укрупняет его. Параллельно с темпоральным сигналом *эпоха* используются сигналы *фаза, период* и предположно-падежные формы: *при империализме, при капитализме, при социализме*. Например: *Социализм*. 1. Первая фаза коммунизма, общественный строй, основой производственных отношений которого является общественная собственность на средства производства в условиях диктатуры пролетариата и уничтожения эксплуататорских классов и при котором осуществляется распределение по труду... *Социализм* — это есть первая стадия коммунизма. Лнн. От капитализма человечество может перейти непосредственно только к социализму... Истор. ВКП(б); *Паразитизм*. 2. Существование за счет задержек дальнейшего общественного развития. Паразитизм и загнивание капитала *при империализме*.

Естественное течение времени подменяется «периодизацией». Ср.: *Период*. 2. // Промежуток времени, характеризуется тем или иным социально-политическим, культурно-историческим явлением, отдельная часть какого-н. исторического процесса; *Периодизация*. Деление на периоды... «История ВКП(б), одобренная в 1938 г. ЦК ВКП(б), разделена на 12 глав, соответственно той *периодизации*, которая была предложена т. Сталиным в его письме составителям учебника истории ВКП(б).

Время становится объектом особой гордости: *Расцвет*. 2. перен. Лучшая пора, высшая степень развития чего-н., подъем... Период диктатуры пролетариата и строительство социализма в СССР есть период *расцвета* национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме. Стлн.

Время неумолимо: оно несет гибель эксплуататорам и победу эксплуатируемым: *Торжество*. 2. Победа чего-н. (книжн.). *Торжество* ленинизма. Период гражданской войны и интервенции явился периодом политической гибели этих партий (эсеров, меньшевиков, анархистов, националистов) и окончательного *торжества* коммунистической партии в Советской стране. Истор. ВКП(б). *Торжество* пролетарского дела.

Сверхтекст идеологом покрывает время, как бы сотворенное

Октябрьской революцией. Революция, как ни странно, замедляет течение времени. Оно измеряется только исторически значимыми моментами: днями, месяцами, годами: *Совет*. 5. — В первые же дни революции (1917 г.) появились *Советы*. Истор. ВКП(б).

ТСУ изобилует конкретными указателями дат: фиксируется год, а иногда и число, вбирающее в себя «исторические» факты, революционные изменения в жизни страны: *Переход*. 1. Действие по гл. перейти — переходить. *Переход* на сторону революционных войск. *Переход* в наступление. В 1929 г. произошел решительный *переход* от политики ограничения кулачества к политике ликвидации его как класса на основе сплошной коллективизации; *Субботник*. 1. Добровольное и бесплатное коллективное выполнение в сверхурочное время общественно-полезного трудового задания, происходившее первоначально по субботам (нов.). / Впервые эта форма социалистического труда была осуществлена рабочими Московско-Казанской железной дороги в Москве 10 мая 1919 г./.

Время и миф срастаются: *Поворот*. 3. перен. Полное изменение в направлении, развитии чего-н., перелом. Коренной *поворот* деревни к социализму можно считать уже обеспеченным. Стлн (1930).

Особой «дозой» измерения времени в советский период становится пятилетка: она убыстряет ход реального времени (пятилетка в четыре года), обеспечивает расцвет Советской страны в «небывало короткие сроки»: *Пятилетка* (нов.). Пятилетний план развития народного хозяйства в СССР. В итоге осуществления *пятилетки* в области промышленности, сельского хозяйства и торговли мы утвердили во всех сферах народного хозяйства принцип социализма, изгнав отсюда капиталистические элементы. Стлн (Итоги первой пятилетки, 1933 г.)... *Пятилетку* в четыре года; *Совхоз* (нов.). Социалистическое государственное сельскохозяйственное предприятие... Задача пятилетки по сельскому хозяйству состояла в том, чтобы объединить разрозненные и мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства... в крупные коллективные хозяйства... а свободные земли покрыть образцовыми государственными хозяйствами. Стлн («Итоги первой пятилетки»):

Убыстряют ход времени новые санкционированные почины: *Разнестись*. 1. Быстро распространиться. Стахановское движение *разнеслось* по всему лицу нашего Союза не постепенно, а с какой-то невиданной быстротой, как ураган. Стлн.

Каждый момент жизни знаменуется беспримерными достижениями: *Сельскохозяйственный*. Прил. к сельское хозяйство. Мы создали самое крупное в мире *сельскохозяйственное* производство. Стлн. Основное звено колхозного движения, его преоб-

ладающую форму в данный момент, за которую теперь надо ухватиться, представляет *сельскохозяйственная* артель. Стлн (1930).

Членение времени относительно революционного момента закреплено лексически: *октябрьский* — *дооктябрьский* — *пооктябрьский*. Дооктябрьское время сжимается. Оно сигнализируется прямыми указателями с идеологическими проводниками: *старое время*; *дореволюционное время*; *19 в.*; *царское время*; *крепостной труд периода феодализма*. Время может сигнализироваться пространственным указателем: *Черносотенец*. В *царской России* погромщик-реакционер, член одной из крайних монархических организаций, прозванных черной сотней; *Черносотенный* (полит.). Прил. к черная сотня. Крупные *черносотенные* помещики в блоке с крупными капиталистами хозяйничали в стране и в *Государственной думе*. Истор. ВКП(б).

Ретроспективный план иногда фиксируется датой: *Социалист-революционер* (полит.). Член открыто враждебной марксизму кулацкой контрреволюционной партии, образовавшейся в 1902 году в России из остатков народнических групп и боровшейся против Октябрьской социалистической революции вместе с иностранными интервентами; *Солидарность*. — От экономических стачек и стачек *солидарности* рабочие стали переходить к политическим стачкам... (после 9 января 1905 года). Истор. ВКП(б).

Иногда в границах прецедентного текста вербализуется темпоральная оппозиция, примитивизирующая идеологические противоречия, закрепляющая их как закономерные: *до* — *после*; *тогда* (прежде) — *теперь*. Например: *Разрозненный*. — *Прежде разрозненные* индивидуальные хозяйства *теперь* объединяются в колхозы. За настоящим — всегда стоят успехи, достижения, победы. Точные даты иногда фиксируют «отдельные неудачи».

Ряд *октябрьский* — *пооктябрьский*, в отличие от ряда *октябрьский* — *дооктябрьский*, не образует оппозиции. *Пооктябрьское* — скорее продленное настоящее время, «рожденное» революцией, изменившее старый мир: *пооктябрьская* литература, *пооктябрьское* хозяйство и др. Образ растянутого пооктябрьского времени наслаивается на семантику несовершенного вида, экспансия форм которого наблюдается в современных текстах (Капулов, 1991).

Для тоталитарного языка характерно манипулирование будущим временем, вбирающим в себя миф о коммунизме: *Путь*. 7. Направление деятельности... Коммунизм — *путь* борьбы и побед.

Борьба — непереносимое звено в движении времени: *Сила*. — Для кого мало наших открытых предупреждений, тот узнает об этом в свое, ему положенное время. И тем победоноснее, тем

значительнее в международном смысле будут наши успехи в этой грядущей борьбе с силами внешней агрессии, чем больше и чем плодотворнее мы поработаем над коммунистическим воспитанием в нашей стране. Молотов.

Особый способ манипуляции — включение будущего в настоящее: *Развернутый*. — Мы вступили в полосу *развернутого* строительства коммунизма; *Экономика*. 1. Хозяйственный уклад, хозяйственный строй, хозяйственная жизнь общества, его производство и распределение. Советская *экономика*. Капиталистическая *экономика*. Отсталая крестьянская *экономика* в прошлом. Закрепляя социалистическую основу нашей *экономики*, Конституция облегчает наше дальнейшее движение к коммунизму. Молотов. Другими словами, коммунизм уже присутствует в настоящем.

Можно говорить о наличии в сверхтексте хронотопа дороги. Образ дороги связан с однонаправленным целеустремленным движением к светлому коммунистическому будущему. Фразеологизация словосочетаний *путь к социализму, путь к коммунизму* содействует восприятию настоящего момента как особого времени с включенным будущим. Путь к коммунизму мыслится в границах растянутого времени: *Путь*. 7. Направление деятельности, направление развития чего-н., образ действий, жизни... Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) прошла долгий и славный *путь*... Истор. ВКП(б). Путь к коммунизму — это путь постоянной и одновременно победоносной борьбы: «Коммунизм — путь борьбы и побед» (см.: *Путь*). По дороге к будущему движутся лишь носители революционной коммунистической идеологии под руководством партии. Все инакомыслящие устраняются с пути. Например: «Нам с меньшевиками не по дороге» (см.: *Дорога*).

В целом движение времени в сверхтексте идеологом (в сверхтексте мифологом) есть движение однонаправленное — движение к коммунистическому будущему. Такая организация времени способствует формированию характерного для тоталитаризма «тоннельного» мышления.

СОБЫТИЕ И ФАКТЫ

При условии разграничения события и факта (Арутюнова, 1988, с. 7) отмечаем, что главное событие, зафиксированное анализируемым сверхтекстом, — Великая Октябрьская социалистическая революция: *Тряхнуть*. 1. Однокр. к трясти. — 16 (3) июля городской пролетариат, стихийно поднявшись на демонстрацию, *тряхнул* правительство соглашателей. 7 ноября (25 октября) он

свергнул его и установил диктатуру рабочего класса и беднейшего крестьянства. Лнн.

Как уже отмечалось, именно это событие определяет темпоральную структуру сверхтекста, включающего «Октябрь-эпоху» и «Октябрь-событие» (Пантин, 1993, с. 20). «Октябрь-событие» определяет формирование «сквозной» оппозиции *революционный — контрреволюционный* и ее вариантов.

Относительно «Октября-события» комбинируются многочисленные факты, мотивированные революционной целесообразностью. Все они так или иначе связаны с идеями насильственного разрушения (уничтожения) и созидания.

Революция «штурмует» твердыни и низвергает их. Сигналы насильственного уничтожения — глаголы с семами насилия и разрушения: *подавить, разрушить, уничтожить, сокрушить, разбить, разорить, раздавить, развеять*; глаголы с семами насилия, лишения: *лишить, снять, экспроприировать, убрать, ликвидировать* и др. Возникает зафиксированный ТСУ словообразовательный ряд, передающий идеологему насильственной ликвидации кого-н., чего-н.: *Ликвидатор, ликвидаторский, ликвидационный, ликвидация, ликвидированный, ликвидировать, ликвидироваться, ликвидность, ликвидный*.

Факт ликвидации всегда объясняется «Октябрем-событием», включающим в себя систему идеологических догм и мифов: *Ликвидировать* (книжн.). Произвести / производить ликвидацию *чего-н.* Только Октябрьская революция поставила себе целью — уничтожить всякую эксплуатацию и *ликвидировать всех и всяких эксплуататоров и угнетателей*. Стлн. Если в толковании отмечен неодушевленный объект ликвидации в соответствии с грамматическим управлением, в прецедентном тексте ликвидация охватывает семантически одушевленный объект. Идеологическая «добавка» связана с нейтрализацией оппозиции одушевленности — неодушевленности при реализации насильственного действия. Безразличие к одушевленности подкрепляется множественным числом (эксплуататоры, угнетатели), с помощью которого объект укрупняется, а семантическая доля «человек» отодвигается на периферию идеологической семантики.

Отбор фактов, фиксирующих объекты насильственного уничтожения, отражает глобальность «Октября-события» и исторических фактов «Октября-эпохи»: государственный строй: класс, группа сопротивляющихся, закон, нормы, правила, система хозяйствования, экономическая структура, «твердыни капитализма», все, что относится к дореволюционному: *Разрушить*. 2. Разорить, привести в полную негодность, уничтожить. Чтобы упрочить Советскую власть, надо было *разрушить*, сломать старый, буржуазный государственный аппарат и на его месте создать новый аппарат Советского государства. Истор.

ВКП(б); *Подавить*. перен. Прекратить, усмирить вооруженной силой. Советская республика в один день *подавила* восстание юнкеров 11 ноября 1917 г. в г. Петрограде. *Подавить* мятеж; *Снять*. 12. перен. Лишить чего-н., уволить от чего-н., отстранить (офиц.). Чтобы свергнуть капитализм, необходимо было не только *снять* с власти буржуазию, не только экспроприировать капиталистов, но и разбить вовсе государственную машину буржуазии... Стлн.

Факты насилия интерпретируются как историческая и социальная закономерность: *Прецедент*. Случай, поступок в прошлом, служащий примером или оправданием для последующих поступков того же рода. Богатый исторический опыт учит, что добровольно до сих пор ни один класс не уступал дорогу другому классу. Нет такого *прецедента* в мировой истории. И коммунисты усвоили этот исторический опыт. Стлн; *Привилегия*. — Мы уничтожили национальные *привилегии* и установили национальное равноправие. Стлн.

Сверхтекст регулярно представляет факты разрушения-уничтожения как условие созидания: *Развернутый*. 2. перен. Организованный, предпринятый в широких размерах, широко использованный (нов.). XVI съезд есть съезд *развернутого* наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества как класса и проведения в жизнь сплошной коллективизации. Стлн. Коллективизация — итог созидания — возникает в результате уничтожения «кулачества как класса». Военная метафора (фронт) героизирует, возвышает миф.

ТСУ активно фиксирует факты насильственного разрушения «твердынь капитализма» и с еще большей активностью — факты утверждения «твердынь социализма». Факты (квазифакты) мифологизируются: *Твердыня*. 2. перен. Оплот, опора, укрепленная позиция чего-н., кого-н. (книжн. ритор.). Империализм привел не только к тому, что революция стала практической неизбежностью, но и к тому, что создались благоприятные условия для прямого штурма *твердынь* капитализма. Стлн; *Укрепить*. 4. перен. Стать устойчивым, не подверженным никаким колебаниям, утвердиться. Колхозы окончательно *укрепились* и стали на путь зажиточной жизни. Истор. ВКП(б). В деревне окончательно *укрепился* колхозный строй. Истор. ВКП(б); *Утвердиться*. 1. Укрепить, твердо обосноваться. Общественная социалистическая собственность на средства производства *утвердилась* как незыблемая основа нового, социалистического строя во всех отраслях народного хозяйства. Истор. ВКП(б).

Прецедентные тексты могут повторяться. Например: *Строй*. 3. Система общественного устройства, режим. В деревне окончательно укрепился колхозный *строй*. Истор. ВКП(б). Повтор — средство внедрения мифа в общественное сознание.

Целенаправленно внедряется миф *об успехах и достижениях советского государства* (строя, народа). Мифы о достижениях могут сопровождаться статистическими данными: *Частный*. ...Мощная социалистическая индустрия в семь раз превысила довоенную продукцию и полностью вытеснила частную промышленность. Истор. ВКП(б); *Темп*. 2. перен. Степень скорости осуществления, выполнения чего-н. ...По *темпам* роста наша социалистическая промышленность стоит на первом месте в мире. Стлн. Статистика усиливает сему достоверности. Этой же цели служит реализация идеологем, опирающихся на русский менталитет, в том числе идей-концептов соединения, коллективизма. Например: *Сомкнуться* // перен. Соединиться, образовать общность, смычку. Кооперация *сомкнулась* с социалистической индустрией; *Создаться*. 1. Стать существующим, возникнуть в действительности. В недрах крестьянства *создалось* массовое движение за колхозы... Стлн.

Истинность фактов достижений подкрепляется прямыми лексическими сигналами: *успех, победа, достижение* и поддерживается лексическим выражением настоящего времени: *теперь, сейчас и др.: Социалистический*. 1. Прил. к социализм в 1 знач., основанный на принципах социализма, существующий в условиях социализма. Победа *социалистической* системы во всех сферах народного хозяйства является теперь фактом. Стлн; *Прямо*. — Успех Советской власти, успех нашей партии *прямотаки* замечательный! Лнн.

Той же цели служит использование «точки зрения со стороны»: *Ударный*. 3. Передовой по выполнению планов, норм, по овладению техникой и производственной дисциплине, проводимый на основе ударничества (нов.). Рабочие на Западе говорят, что рабочий класс СССР является *ударной* бригадой мирового пролетариата. Стлн.

Миф о достижениях, успехах страны Советов внедряется на фоне мифа *об упадке и загнивании капитализма*. Последняя мифологема может формулироваться прямо или присутствовать имплицитно, как в приведенном ниже примере: *Разорение*. 1. Состояние по гл. разориться — разоряться. Мы имеем теперь новую социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и *разорения* и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни. Стлн.

Факты, связанные с дореволюционным прошлым России, как уже отмечалось, отбираются в ТСУ тенденциозно: это факты, так или иначе связанные с революционными событиями разных лет и «Октябрем-событием». Они вносят в свертхтекст отрицательную коннотацию. Почти полное отсутствие фактов из многовековой истории России отражает установку тоталитарного язы-

ка на искоренение национальных традиций и формирование новой социальной общности — народа, у которого отсутствует историческая память. Это последнее вносит в картину мира образ государства, приобретшего силу молодости, — первого, молодого, единственного в мире (Медушевский, 1993, с. 13).

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Основная точка зрения (Успенский, 1970), охватывающая сверхтекст, определяющая отношение к действительности, событию, фактам и участникам строительства нового общества, отражена в интерпретации слова *стратегия*: *Стратегия*. 2. перен. Искусство руководить действиями какого-н. коллектива для достижения общих, главных целей в борьбе с противником. Революционная *стратегия* пролетариата. *Стратегия* и тактика ленинизма есть наука о руководстве революционной борьбой пролетариата. Стлн. Отношение к действительности определяет ленинизм, отражающий интересы революционных масс, в первую очередь — пролетариата. Ленинизм как практический марксизм включает позицию Маркса и Энгельса: *Свет*¹. 7. — В свете марксизма. Точки зрения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина персонифицируются. Мы уже говорили о метаязыковых знаках, вводящих прецедентные тексты из «первоисточников», — это «двухтексты» (Вежбицка, 1978, с. 403), речь в речи, высказывание в высказывании (Волошинов, 1929, с. 76). Точка зрения Маркса, Энгельса подается, внедряется через высказывание Ленина; точка зрения Ленина — через высказывание Сталина; точка зрения Сталина — через высказывание Молотова, точка зрения Молотова — через цитату из Истории ВКП(б). В этой цепочке закреплена иерархическая лестница вождей, воздвигнутая сверхтекстом идеологом (примеры см. в разделе «Прецедентные тексты»).

Упоминание имени автора первоидеи сопровождается неизменно положительной коннотацией: *Светлый*. 4. перен. Радостный, веселый, приятный (книжн., поэт.). Имена Ленина и Сталина рождают *светлые* надежды во всех уголках мира. Молотов.

Персонифицированная точка зрения чрезвычайно редко выражается от первого лица, как, например, при разъяснении идеологического смысла слова *уклон*: *Уклон*. 4. перен. Отход, отклонение от основной, главной линии во взглядах, политике, которое может вылиться в определенное течение, направление. *Уклон* не есть еще готовое течение. Уклон это есть то, что можно поправить. Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно. Это, на мой взгляд, и выра-

жается русским словом «уклон». Лни (речь об единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне, 1921 г.). Использование идеологии «первоисточника» в соответствии с лестницей иерархии и отсылка к автору первоидеи — более типичный случай: *Самоопределение* // Выявление народом своей воли по вопросу о национальном государственном устройстве (полит.). Ленинская постановка вопроса о праве наций на *самоопределение* вплоть до отделения. Стлн.

Лестница иерархии вождей позволяет установить преемственность точки зрения на уровне персоналий (Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин — крупная фигура в окружении Ленина и/или Сталина) и выявить механизм укрупнения точки зрения: ВКП(б) — выразитель взглядов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Все прецедентные тексты, извлеченные из Истории ВКП(б), проводят точку зрения, отражающую генеральную линию партии, политику партии, которая стоит на страже интересов «широких народных масс». Точка зрения партии — это точка зрения защитника, радетеля, стратега и тактика, негибаемого борца за высшую правду против мировой буржуазии. Местоимения вбирают в себя идеологические смыслы: *мы* — «партия и народ»; *наша* — «принадлежащая народу и партии»: *На страже* (книжн. ритор.). Охраняя и защищая. *Наша* задача — стоять *на страже* мира и быть готовым к любым заговорам и покушениям извне. Молотов. Заметим отсутствие требуемого нормой разъяснения после местоимения *наша*.

«Напряженность, присущая большевистской модели мира, подчинена монологу правды и является воплощением ее нравственной и организационной сути, той интерпретации правды-истины, которая в данный момент господствует в партии. По этой модели партия должна быть вечной скалой в хаосе вечной анархии сил зла, которые несет буржуазия...» (Ахизер, 1993, с. 14).

Миф о единстве партии и народа способствует формированию и закреплению коллективной обобщенной точки зрения. Человек как таковой, отдельная личность носителем точки зрения не выступает. Семиотическая рамка «Я — здесь — сейчас» (Баранов, 1993, с. 153) варьируется: «Мы — здесь — сейчас». *Мы* — это народ и марксистская партия Ленина — Сталина); *здесь*, то есть в первом социалистическом государстве; *сейчас*, то есть в период строительства социализма (коммунизма).

Обобщенно-партийная, марксистско-ленинская, революционная точка зрения, отражающая мировоззрение масс, противопоставлена в целом буржуазной точке зрения, «ошибочной и вредной для дела революции» (см.: Социал-демократический), «отрицающей основы... марксизма» (см. Ультиматум).

Буржуазная точка зрения может распространяться извне, импортироваться странами капитала, но может исходить и от

«прямых защитников капитализма», выступающих «против первой в мире пролетарской диктатуры» внутри первого в мире государства рабочих и крестьян (см.: Социал-демократия).

Точка зрения носителей буржуазной идеологии конкретизируется: *буржуазные историки, буржуазные ученые, буржуазные философы...* Например: *Пугачевщина* (истор.). Ненаучное название; данное *буржуазными историками* крестьянскому восстанию 1773—1775 гг.; *Разинщина* (истор.). Ненаучное название, данное *буржуазными историками* революционному движению крестьянства... Данная точка зрения всегда критикуется (обличается) с позиций революционного марксизма-ленинизма и сопровождается отрицательными коннотациями. Противоборство точек зрения — особенность сверхтекста. Победа в споре всегда на стороне революционного марксизма, который утверждает истину в противовес преднамеренной лжи реакционной буржуазии. Например: *Свобода*. — Энгельс говорит: «Гегель первый правильно представил соотношение *свободы* и необходимости»... 2. Положение, при котором отсутствуют ограничение и стеснение, связывающие общественно-политическую жизнь и деятельность какого-н. класса или всего общества. *Свобода* в буржуазном обществе является *свободой* только для господствующих эксплуататорских классов. «*Свобода, равенство и братство*» (лозунг французской буржуазной революции 1789 г. — лозунг формальной буржуазной демократии). Да, — отвечаем *мы*, — *ваша* свобода, господа англичане, французы, американцы, есть обман, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала. Лнн.

Оппозиция *мы — вы, у нас — у них, наша — ваша* пронизывает сверхтекст. *Наше* — это то, что выражает и поддерживает всегда благородную позицию народа-монолита; *ваше* — это все то, что выражает позицию горстки эксплуататоров.

Советский народ и его официальные представители, включая полицейские органы, всегда едины в своих оценках и намерениях: *Разведка*. 3. Общее название органов, ведающих охраной государственной безопасности, борьбой со шпионажем и вредительством. В капиталистическом мире органы *разведки* являются наиболее ненавистой частью государственного аппарата для широких масс трудящегося населения, поскольку они стоят на страже интересов господствующей кучки капиталистов, у нас же наоборот — органы советской *разведки*, органы государственной безопасности стоят на страже интересов страны и поэтому они пользуются заслуженным уважением, заслуженной любовью всего советского народа (без источника).

Фразеологизация словосочетаний *заслуженная любовь, заслуженное уважение* создает перспективу свободного сочетания отглагольных существительных *любовь* и *уважение* с неодуше-

ленными объектами, в том числе — с наименованиями политических организаций: *заслуженные любовь и уважение к партии, государству, «органам советской разведки, органам государственной безопасности»*.

Наличие единой обобщенной точки зрения позволяет охарактеризовать свертхтекст идеологем как модальную целостность.

СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Главные тенденции, сопровождающие формирование типового субъекта в свертхтексте идеологем, — тенденция к обобщенности и тенденция к трансформации семемы и семы «человек».

Тенденция к обобщенности способствует возникновению образа коллективного субъекта — народа. Народ — субъект, которому приписываются предикаты *гордый, радостный, счастливый, уверенный, могучий, героический*. При нейтрализации семы «национальность» наблюдается актуализация семы «социальная общность». В этой связи отметим активность словосочетания *народы Советской страны: Счастливый*. 1. Такой, которому благоприятствует счастье, удача, полный счастья. *Счастливые народы Советской страны*; ср.: Страна советов — опора дружбы народов СССР, страна социализма.

Образ братского единства и миф *о братстве народов* проходит через весь свертхтекст: ...Изменился в корне облик народов СССР... и наладилось, таким образом, настоящее *братское сотрудничество народов* в системе единого союзного государства. Стлн. (см.: Сотрудничество).

Будущее свертхтекстовое время связывается с идеей всемирного братства народов: *Стремиться*. 2. Настойчиво добиваться, стараться достичь чего-н. Мы *стремимся* к тесному объединению и полному слиянию рабочих и крестьян всех наций мира в единую всемирную Советскую республику. Лнн.

Синонимом слова *народ* становится субстантивированное причастие *трудящиеся: Свидетельство*. 2. То, что подтверждает, удостоверяет какой-н. факт, какое-н. событие. Принятие новой Конституции — *свидетельство уверенности трудящихся СССР в своих силах*. Молотов.

Трудящиеся (дублет *труженики*) — это рабочие и крестьяне (синоним — *колхозники*): Только у нас, в Советской стране, существует правительство, которое стоит горой за рабочих и крестьян-колхозников, за всех *трудящихся* города и деревни. Стлн. (см.: Стоять).

Советский народ объединяет только трудящихся и представ-

ляет собой общность, изгоняющую всех, кто принадлежит к классам с клеймом «эксплуататор». Особую частотность приобретают в этой связи сигналы-ограничители *только, без: Труженник*. Тот, кто трудится, трудящийся. На наших полях работают *труженники без помещиков, без кулаков*. Стлн.

Трудящиеся противопоставлены *буржуазии* (капиталистам; капиталистам и помещикам), которой приписываются предикаты *эксплуатирующая, агрессивная, разжиревшая, зажравшаяся, подлая, трусливая, коварная* и др. *Буржуазия* все портит, все саботирует, чтобы сорвать рабочую революцию. Лнн. (см.: Саботировать); Она (русская буржуазия) боялась, что царизм... может пойти на сепаратный мир с немцами. Истор. ВКП(б). (см.: Сепаратный); Даже наиболее совершенные формы демократии в буржуазном государстве на деле весьма ограничены и до крайности сжаты рамками фактического господства *буржуазного меньшинства* над народом. Молотов (см.: Сжать).

В социалистическом (советском) государстве народ — свободный господин; в капиталистическом государстве народ — давлен буржуазией, составляющей правящее меньшинство: *Народ*. 3. В эксплуататорском государстве — *основная масса населения* (преимущ. крестьяне) *в противоположность правящему классу*. *Буржуазия обманывает народ* всякими «позитивными» национальными программами. Лнн.

(Советский) народ и буржуазия — субъекты противостояния. Противостояние охватывает также ряды субъектов, объединенных соответственно идеологемами *народ, буржуазия*.

Капиталисты, помещики и буржуазия в целом — субъекты действий, совершаемых во вред трудящимся. Например: Посмотрите на *капиталистов: они стараются разжечь национальную вражду в «простом народе», а сами отлично обделывают свои делишки*. Лнн. (см.: Разжечь).

Советский народ — носитель нового мировоззрения, новой идеологии. Идеологема *советский народ* конкретизируется: *советский человек, простой человек, советские люди, советский гражданин, советская интеллигенция, советская профессура* и др. Приведенные словосочетания стремятся к семантической неразложимости, которая стимулирует закрепление идеологических штампов (см., например: Добренко, 1990, с. 248).

В прецедентных текстах идеологизированное словосочетание-штамп *советский человек* редко замещает грамматическую позицию субъекта, однако содержание идеологемы разъясняется и уточняется неоднократно. Например: *Советский*. 3. Соответствующий мировоззрению и практическим задачам рабочего класса, преданный *советской* власти (нов.). Вполне *советский* человек. *Советски* настроенный (в данном случае — неглагольные конструкции).

Названные словосочетания реализуют однотипное значение «лицо как носитель советской идеологии», или, говоря современным языком, «лицо (масса лиц), подвергшееся идеологическому облучению». Ср.: *Профессура* (книжн.). 2. собир. — *Советская профессура* призвана высоко держать знамя марксистско-ленинской передовой науки.

Человек страны Советов мыслится как типичный (такой, как все) член новой социальной общности, как товарищ и гражданин. Слово *товарищ* включает новое значение, демонстрирующее отмеченную трансформацию: *Товарищ*. 2. Член советского общественного коллектива, человек, принадлежащий к советскому обществу, всякий, кто вместе с другими участвует в общей советской работе (нов.). Дело было поручено трем партийным и трем беспартийным *товарищам*. 3. // Обращение к человеку такой же среды.

Семантику социального равенства (Крысин, 1989, с. 162) поддерживают местоимения *всякий, каждый*. Сема человеческой индивидуальности угасает: *Каждый гражданин СССР* обязан беречь и укреплять общественную и социалистическую собственность (см.: *Собственность*). *Гражданин* — субъект, обязанный выполнять волю социального большинства. Субъект *гражданин СССР*, наследуя предикаты, приписываемые субъекту *народ*, противопоставляется субъекту-лицу-носителю буржуазной идеологии, представителю мира капитала. Например: *Чинуша* (разг. презр. и пренебр.). Последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного *чинуши*, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства. Стлн.

Лицо, испытывающее влияние буржуазной среды, объявляется идейным врагом. Такое лицо не может быть субъектом созидания социализма: *Перерожденец* (нов. презр.). Человек, переродившийся под влиянием буржуазной среды, оторвавшийся от масс и идейно ставший на сторону врагов социалистического строительства.

Таким образом, выбор субъектом ценностных ориентиров задается идеологией, а оценка оказывается системно обусловленной, предписанной (Арутюнова, 1984; Банару, 1987; Вольф, 1985; 1986; Тугаринов, 1968).

Субъекты противостояния — классы как творцы истории. Историческое событие — Октябрьская революция осуществлена пролетариатом, рабочим классом, которому присваиваются предикаты *господствующий, революционный, передовой, героический, сознательный, трудовой, борющийся, победивший и побеждающий* и др.: *Пролетариат*. 1. Передовой революционный класс наемных рабочих, пролетариев, находящихся в политическом угнетении и экономическом порабощении при капитализме и

ставший под руководством ВКП(б) в СССР господствующим классом, осуществляющим свою диктатуру. Революцию совершил *пролетариат*, он проявил героизм, он проливал кровь, он увлек за собой самые широкие массы трудящихся и беднейшего населения. Лнн.

Рабочий класс — субъект борьбы и созидания. За ним — историческое будущее: *Социальный*. 2. Реорганизующий общественные, производственные отношения в обществе. Только содержащий все общество класс пролетариев в силах произвести *социальную* революцию. Лнн.

Эксплуатирующие классы — субъекты борьбы — обречены на гибель: *Сцена*. 5. перен. Поле деятельности, поприще (книжн.). Классы, которые должны сойти с исторической *сцены*, последними убеждаются в том, что их роль окончена. Стлн. Уничтожение классов путем ожесточенной классовой борьбы *пролетариата* — такова формула Ленина. Стлн. (см.: Пролетариат).

Тенденция к обобщенности проявляется в насаждении идеологии (фактически, мифологии) *сплочения (сплоченности) рабочего класса и крестьян; рабочего класса, крестьян и интеллигенции; рабочего класса и партии; рабочего класса Советского Союза и мирового пролетариата*: Ленин... впервые выдвинул идею революционного *союза рабочих и крестьян*, как главного средства *свержения* царизма, помещиков и буржуазии. История ВКП(б) (см.: Свержение). Рабочие и крестьяне — обобщенный субъект уничтожения старого мира и эксплуататорских классов. Знаменательно в этой связи появление сложного прилагательного *рабоче-крестьянский* (нов.): «Прил., по значению связанное, в условиях советской власти, диктатуры пролетариата, с организацией революционной государственной власти, осуществляемой рабочими и крестьянами... *Рабоче-крестьянское правительство. Рабоче-крестьянская Красная армия. Рабоче-крестьянская милиция*».

Идея обобщенности находит свое воплощение в идеологии *массовости*: *массы, миллионные массы, широкие народные массы, крестьянские массы, массы трудящихся* и др. Массы составляют единое целое с партией и властью: *Сплочение*. 2. Действие и сост. по глаг. сплотиться — спланиваться. На смерть Ленина рабочий класс Советского Союза ответил еще большим *сплочением* вокруг ленинской партии. Истор. ВКП(б). ...*Сплочение миллионных масс народов СССР* вокруг Советской власти. Стлн. Аналогичную функцию выполняет идеология *трудового населения* и ее варианты: *трудовое крестьянство, трудовая интеллигенция*. Здесь идея созидания закреплена за постоянным атрибутивным сопроводителем *трудовой*; наименование субъекта содержит сему массовости: *Трудовой*. 3. Живущий заработком от своего труда, физического или умственного. *Трудовой человек*

чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. Стлн. *Трудовое население. Трудовое крестьянство... Трудовая интеллигенция.* Трудовой человек — представитель трудового населения, носитель общей идеологии, создатель социализма.

Масса неоднородна. Она состоит из «слоев» и «частей»: *Слой.* 3. перен. Часть общественного класса и общественной группы. Низший *слой* маленького общества... живет... иначе, чем аристократия. М. Горький. Каждый новый *слой* еще не включенных в работу рабочих и крестьян, это — наши вернейшие друзья и союзники. Лнн.; *Средний.* 2. По своим свойствам или признакам промежуточный между двумя крайними величинами. *Средний* крестьянин (середняк; социол.). *Средний* крестьянин стоит посередине между богатым и пролетарием, — поэтому он и называется *средним*. Лнн. *Среднее* крестьянство (середняки; социол.).

Каждый слой прямолинейно оценивается с точки зрения идеологической надежности. Идеологически надежный слой всегда соединяется с рабочим классом и становится субъектом неизменно победоносной борьбы и/или созидания социалистических ценностей. Идеологически враждебный слой отторгается и изгоняется из новой социальной общности советских людей. Многослойным оказывается крестьянство: *Середняк.* 1. Крестьянин, владеющий средствами производства, не эксплуатирующий чужого труда и по социально-экономическим признакам стоящий между бедняком и кулаком (нов. социол.). Мы разбили кулаков и помогли беднякам стать хозяевами своего труда внутри колхозов, стать *середняками*. Стлн. *Середняк* есть союзник рабочего класса. Стлн. Мы повернули *середняка* на путь социализма. Стлн.

Своеобразие этой революции состояло в том, что она была произведена *сверху*, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке снизу, со стороны миллионных масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы за свободную колхозную жизнь. Истор. ВКП(б) (о победе сплошной коллективизации и о ликвидации кулачества как класса) (см.: *Сверху*).

Ликвидация кулачества, инородного классового слоя, осуществляется при участии рабочего класса: *Поход* // перен. Организованное выступление против кого-н., организованные действия для борьбы с чем-н. или за что-н. (нов.). Для организации бедноты и успешной борьбы с кулачеством, располагавшим излишками хлеба, был организован поход рабочих в деревню.

Многослойна интеллигенция, сама по себе выступающая как прослойка. Внутри интеллигенции всегда обнаруживаются идеологически враждебные части: *отсталая масса интеллигенции; часть старой интеллигенции; беспартийные специалисты; неко-*

торые интеллигенты. Ср.: Основная масса интеллигенции перестала саботировать и начала работать с Советской властью; После Октябрьской революции *определенная часть технической интеллигенции* не захотела участвовать в строительстве нового общества, противилась этому строительству, *саботировала* его. Стлн. (см.: Саботировать).

Носители интеллекта, как правило, вызывают подозрение в идеологической незрелости, неюльности: Было бы глупо и неразумно рассматривать теперь чуть ли не каждого специалиста и инженера старой школы, как непойманного преступника и вредителя. Стлн. (см. Специалист). На интеллигента — представителя неосознанной «части» возлагается обязанность идейного самовоспитания: «Не пролетариату, а некоторым интеллигентам в нашей партии недостает самовоспитания в духе организации и дисциплины... Лнн.» (см.: Самовоспитание).

Идеологически незрелый «слой» есть и в составе пролетариата. Ср.: *Несознательный* // Лишенный ясного сознания долга, лишенный классового самосознания. — Равнодушие *несознательных рабочих*, — отчасти и крестьян — все чаще и чаще сменяется вспышками политического брожения и активного протеста... Лнн (в 1905 г.).

Зафиксированный ТСУ языковой материал показывает, что тенденция к обобщенности субъекта пересекается с тенденцией к формированию семантики субъектной неопределенности и безличности. «Реальный действитель как бы отходит на второй план, иногда совсем исчезает из поля зрения... самоустраняясь тем самым от ответственности за производимое действие» (Караулов, 1991, с. 25). Например: *Был организован поход...; Некоторым интеллигентам... недостает...; Наступать на кулачество — это значит сломить кулачество, ликвидировать его как класс.* Стлн. (см.: Сломить); *Пролезть в члены правления* (см.: Пролезть).

Доля неопределенности есть и в том, что субъектом борьбы и созидания выступают наименования организаций, структурных подразделений: партия, комсомол, ЦК, советы.

Народ, массы, класс оказываются ведомыми, руководимыми. Миф *Партия — руководитель всех наших побед*, варьируясь, проходит через весь свертхтекст: *Руководство*. — Только *руководство* компартии обеспечило победу пролетарской революции и построение социалистического государства рабочих и крестьян. Молотов; *Партия есть основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата* (см.: Система). Словосочетание *партийное руководство* тяготеет к устойчивости. Идея связи, сплоченности проходит через прецеденты с субъектом *партия*: *Партия* есть воплощение связи передового отряда рабочего класса с миллионными массами рабочего класса. Истор. ВКП(б);

Можно признать как правило, что пока *большевики сохраняют связь с широкими массами народа*, они будут непобедимыми (см.: *Связь*); *Коммунисты, действующие совместно с беспартийными трудящимися!* Организуйте дружный блок для общего и святого дела... Молотов (см.: *Святой*); *Партия Ленина — Сталина и Советская власть раскрепостили женщину...* (см.: *Раскрепостить*). Ср. также: *партия и комсомол; партия и рабочий класс; блок коммунистов и беспартийных.*

Партия — спаянная организация. *Спать*. 3. перен. Прочно, неразрывно соединить в одно целое (ритор). *Спать* членов партии незыблемой преданностью делу революции. Члены партии — «лучшие сыновья и дочери советского народа, преданные делу социализма» (см.: *Пополняться*). «Партия требует от своих членов активной и самоотверженной работы по осуществлению программы и устава партии. Устав ВКП(б)» (см.: *Самоотверженный*).

Однако идея «части», «слоя» охватывает и партию. Метафора *чистить (чистка)* обозначает процедуру идеологической стерилизации партии, ликвидации идеологически враждебных элементов: *Чистить*. 3. перен. Подвергать проверке с целью освободить или освободиться от вредных, ненужных, чуждых элементов, отделить здоровое от негодного. *Чистить* партийную организацию; *Чистка*. Действие по глаг. чистить (проверка работников советских учреждений). Партия организовала... широкую кампанию за борьбу против бюрократизма, дав лозунг проведения *чистки* партийных, профсоюзных, кооперативных и советских организаций от чуждых и обюрократившихся элементов. Стлн. *Чистка* осуществляется партией с позиции учения Маркса — Ленина — Сталина; *Руководиться*. 1. Направлять свою деятельность сообразно чему-н., в зависимости от чего-н., поступать согласно с чем-н. Партия большевиков *руководится* великим учением Ленина — Сталина.

Партия — руководящий субъект идеологической борьбы. Субъекты противостояния — партии и политические направления: *ВКП(б)* росла и крепла в принципиальной борьбе с мелкобуржуазными *партиями...* (см.: *Растить*). Оппозиция единичности — множественности акцентирует *уникальность* партии большевиков, *мужественность, героизм, бесстрашие, стойкость...* Названные и подобные предикаты содействуют одушевлению партии и созданию мифа о партии, внедряют оценку резкого отрицания партийного плюрализма. В прецедентных текстах встречаем ограничители: *только* партия большевиков; *...кроме* партии. *Партии* — субъект, действующий в дооктябрьский период, в момент совершения революции и пооктябрьское время (меньшевики, эсеры, социал-демократы и др.). Тенденция к общению и неопределенности проявляется в замещении субъ-

екта *партии* и видовых наименований номинациями типа *опportunисты, контрреволюционные силы; силы реакции* с включенным смыслом «враждебные партии».

Особо разрабатывается идея внутрипартийной враждебной группировки. На первый взгляд, тенденция к обобщенности в этом смысле вытесняется тенденцией к определенности (*троцкисты, бухаринцы, зиновьевцы*), но это далеко не так: имена Троцкого, Бухарина, Зиновьева, выступающие как внутренняя форма соответствующих прилагательных, ощущаются скорее как знак знака (А. А. Потебня), как символ предательства и раскола. Денотативная отнесенность остается размытой. В денотативном пооктябрьском пространстве каждый человек (нерасчлененное человеческое множество) может получить клеймо троцкиста. Сема «человек» вытесняется под давлением идеологии *политической ненадежности*. В прецедентных текстах позицию субъекта замещают существительные с семой неопределенного количества и словосочетания с включенной характеристикой «антипартийный»: *группа, жалкая группа, группа раскольников, контрреволюционная группировка, левые (правые) уклонисты, оппортунистическое меньшинство, банда, фашистская агентура* и др. Аналогична роль именных отрицательных экспрессивов в форме множественного числа, замещающих позицию субъекта: *злодеи, шпионы, предатели*, а также *троцкисты, бухаринцы* (ср.: *ленинцы, верные ленинцы*). Например: *Подрывная работа шпионов и диверсантов из троцкистско-бухаринской фашистской банды ликвидирована.* (см.: Подрывной); *Видя угрозу раскола со стороны меньшевиков, большевики принимают меры обуздания раскольников, мобилизуют местные организации на созыв III съезда, издают свою газету «Вперед».* Истор. ВКП(б) (см.: Раскол); *Работать // перен. Действовать в пользу кого-чего-н., проявлять какую-н. деятельность в чьих-н. интересах. Время работает на нас. Троцкистско-бухаринская шпионская банда работала на врагов трудящихся, на капиталистов; Разбитые идейно и разгромленные организационно сторонники троцкистско-зиновьевского блока растеряли последние остатки своего влияния в народе.* Истор. ВКП(б). (см. Растерять); *Пролезть. 2. перен. Добиться почетного или выгодного положения, приспособляясь и лукавя, хитря, обманывая (разг. презр.). Проявлять большевистскую бдительность, чтобы двурушники, враги советского народа не пролезли в партию; Троцкизм был разновидностью меньшевизма и превратился в фашистскую агентуру* (см.: Разновидность).

Поскольку *народ и партия едины*, антипартийное действие отождествляется с антигосударственным и антинародным: «В лице троцкистов международный капитал приобрел верных слуг, идущих на шпионаж, вредительство, террор и диверсии

для поражения первой страны социализма, для восстановления капитализма» (см.: Слуга).

Ликвидация партией антипартийных группировок оценивается как победа всего народа. Описание фактов физического уничтожения людей, входящих в такие группировки, наполняется устойчивой положительной коннотацией. Прослеживается наивная зависимость: «антипартийный» не есть «человеческий». Например: *Приговор*. 1. Решение суда по уголовному делу (право). *Приговор* Верховного суда СССР по делу о троцкистско-бухаринских злодеях был встречен *единодушным одобрением всего советского народа*.

Идея слияния партии и народных масс осуществляется с помощью уравнивания, унификации точек зрения и однотипного соотношения в цепочке *субъект — предикат*. Так, *народ, партия* — субъекты борьбы, созидания и параллельно *разрушения, ликвидации, ликования, возмущения* и др.

Слияние, спаянность партии и народа оказывается квази-идеологемой: внутри свертхтекста возникает оппозиция *сверху — снизу*. Причем массы (народ) всегда занимают положение снизу, а партия — сверху. Например: *Сигнал*. 2. перен. Предупреждение о чем-н. нежелательном, что может совершиться, предостережение (нов.). Большевицкая партия требует чуткости к сигналам, идущим *снизу*, в порядке самокритики.

Итак, партия стоит над народом и выступает как сила, руководящая массами; народ — руководимая, ведомая сила, с энтузиазмом воспринимающая все идеологические предписания партии, в том числе те, которые связаны с уничтожением народа. Ликвидация *группы, части, слоя, класса, меньшинства, некоторых, кое-кого* оставляет в целости нерасчлененное множество — *массу*, безразличную к индивидуализации, персонификации, массу, которая остается таковой и при условии уничтожения отдельного лица (группы лиц).

Тенденция к обобщенности-отвлеченности проявляется и в образе врага. *Враг* — неперсонифицированный субъект нападения, агрессии, разрушения. Обобщение образа врага ярко проявляется в идеологемах *классовый враг, общий враг, никакой враг*. *Враг угрожает, атакует, сопротивляется, шпионит, подличает, обманывает, вводит в заблуждение*, но везде получает *решительный отпор*: *Смочь*. Получить возможность что-н. сделать. *Никакой враг не сможет сломить наш Советский Союз*. Молотов; *Сокрушительный* (книжн.). Причиняющий гибель, уничтожение, разрушительный. *Те, которые* попытаются напасть на нашу страну, — *получат сокрушительный отпор*, чтобы впредь не повадно было им совать свое свиное рыло в наш советский огород. Стлн.; *Классовый враг* бешено *сопротивляется социалистическому наступлению*. Стлн. (см.: Сопротивляться). Образ

врага усиливает идею *массовости и сплочения*: *Сплотиться. Объединиться, вступить в единение с кем- чем-н. Сплотиться против общего врага.*

Идея индивидуализации человека оказывается несущественной в контексте постоянной борьбы с врагом и грандиозного строительства нового общества.

В свертхтексте все же «действуют» персонифицированные субъекты. Это творцы коммунистической идеологии, каждый из которых *говорит, указывает, учит, замечает, ставит задачи, предупреждает*, а также *руководит, возглавляет, открывает пути, ведет вперед, спланирует...* Перечень собственных имен, замещающих в прецедентных текстах позицию субъекта, невелик: *Ленин, Сталин, Молотов* (единичные примеры), *Горький* (единичные примеры). В двутекстах (А. Вежбицка) — *Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин*. Оппозиционный фон также не отличается разнообразием: *Троцкий, Бухарин, Зиновьев*; в единичных двутекстах — некоторые имена философов и ученых: *Гегель, Кант, Фрейд*; чаще — имена оппозиционеров (*Троцкий, Бухарин* и др.) с неперенными характеристиками. Например: *Ленин ставил перед «Союзом борьбы» задачу связаться теснее с массовым рабочим движением и политически руководить им. Истор. ВКП(б) (см. Связаться); В боях против троцкизма тов. Сталин сплотил партию вокруг ее ЦК и мобилизовал ее на дальнейшую борьбу за победу социализма в нашей стране. Истор. ВКП(б) (см. Сплотить); Товарищ Горький... крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира... Лнн. Имя Либкнехта неразрывно связано с историей немецкого рабочего движения. Лнн. (см. Связать). Ср.: Подручный. 4. В знач. сущ. Помощник, пособник (разг. и пренебр.). Заговорщик и убийца фашист Бухарин — презренный подручный Иуды Троцкого.*

Имя собственное в позиции субъекта возможно лишь при упоминании пролетарских вождей или известных идеологических противников. Во всех остальных случаях индивид сливается с массой. При этом примерно с 1938 года «были закреплены как иконообразные ипостаси формально равноправных вождей Октября» (Максименков, 1993, с. 30).

Мы рассмотрели субъектную организацию свертхтекста идеологием. Характерные типы субъектов: обобщенный, неопределенный, коллективный, групповой. Исключительное положение занимает субъект-лицо — вождь. В целом для свертхтекста свойственна редукция человеческой индивидуальности, находящейся за пределами системы социалистических ценностей.

Анализ показывает, что на уровне свертхтекста словарь идеологием перерастает в комбинацию мифологием — наиболее устойчи-

чивых единиц советской идеологии. Сверхтекст идеологем — опорная система речевой среды, сверхтекст-основа, система-источник и одновременно образец для производства новых мифов.

ГЛАВА 3. РЕЧЕВЫЕ РЕАКЦИИ

Мы говорим «Ленин» — подразумеваем «партия», мы говорим «партия» — подразумеваем «Ленин». И так 70 лет — говорим одно, а подразумеваем другое...

Анекдот

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Тоталитаризация языка осуществляется не сразу. Идеологические стандарты и мифы формируются постепенно, причем не только по линии *язык — речь*, но и по линии *речь — язык*. Речь выступает как сфера реализации идеологических предписаний и одновременно как среда, в которой они вырастают и из которой переходят в язык. Вместе с тем речь — это среда, формирующая анти тоталитарные реакции, которые, однако, ощутимы лишь в оппозиции с идеологемами и прецедентными текстами. В речи синхронно сосуществуют две тенденции. Одна из них проявляется в реализации и развитии предписанных языковой политикой (Аврорин, 1970, с. 10; Швейцер, 1976, с. 146) идеологем и их подсистем; другая — в противодействии мировоззренческим штампам и ритуалам. Обе эти тенденции отчетливо прослеживаются в сверхтекстах разного типа. Некоторые из них будут рассмотрены.

НОВЫЙ МЕНТАЛЬНЫЙ МИР

(АГИТАЦИОННАЯ ПОЭЗИЯ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО)

Сверхтекст особого типа — «агитки» В. Маяковского (Маяковский, 1955—1959) с заданной коммуникативной рамкой. Автор — активный проводник, пропагандист нового пролетарского

партийного миропонимания. Адресат — народ с необученным политическим сознанием, являющимся объектом идеологического манипулирования.

Агитационные стихи В. Маяковского показывают, что языковая политика не только регулирует отбор лексики, диктует правила сочетаемости и системы оценок, но и оказывает влияние на структурные отношения (Аврорин, 1970, с. 10).

В. Маяковский активно использует прецедентный фон и производство прецедентов. В качестве прецедентного фона выступают традиционные прецедентные единицы: русские пословицы и поговорки, частушки, отдельные фрагменты из сказок, народных песен, городских романсов; используются интонационные структуры последних. Характерно, что все нереволюционное, дореволюционное подвергается осмеянию и приговаривается к уничтожению:

Железо куй, пока горячее.

Жалеть о прошлом — дело рачее. (Т. 2, с. 93) *.

Деформация известной пословицы сопровождается деформированием участка традиционной картины мира (Чумак, 1994, с. 72).

Соединение сигналов прошлого и настоящего в одном линейном пространстве всегда служит средством усиления настоящего:

Три битых брели генерала,
Был вечер печален и сер.
Все трое, задавшие драла
Из РСФСР. (Т. 3, с. 18).

Интонация жестокого романа (вид прецедентного текста), традиционное для русского фольклора число *три* и конфликтная стилистическая сочетаемость (*битые генералы; генералы брели; генералы, задавшие драла*), новейшая аббревиатура (РСФСР) в сильной позиции — лишь некоторые приемы, изгоняющие из обихода опорные для национального сознания прецеденты. Активно вводятся прецеденты нового времени. В их числе лозунги и символы:

Комета с хвостом — «вся власть Советам»
Несется над старым и новым светом.
Буржуй, не удержишь! Напрасно не тужься!
Беги от красной кометы в ужасе.
И скоро весь мир пойдет, конечно,
За красной звездой пятиконечной. (Т. 3, с. 19).

Кавычки — знак ссылки на источник. Отсылочный аппарат имеет и другие средства, например, упоминание имени вождя, которому принадлежит высказывание:

* Лесенка при цитировании стихов не воспроизводится.

Слова Ильича помни твердо:
«Кооперация — смычка деревни и города». (Т. 6, с. 190).

Имя вождя может употребляться как самостоятельный прецедентный фон:

Ленина знамя
всегда с нами. (Т. 6, с. 183).

На плакатах воспроизводятся тексты постановлений, резолюций, указов, подлежащих освоению и выполнению, фрагменты из выступлений вождей — новейший прецедентный фон.

Тексты постановлений и указов трансформируются в рифмованную агитационную речь, которая служит средством популяризации:

16 февраля Президиум ВЦИК постановил:
Изъять у храмов драгоценные камни, золото и серебро.
Передать это ЦК Помгола и немедленно обратить
На помощь голодающим все церковное добро. (Т. 4, с. 193).

Авторскому тексту может быть предпослан идеологически насыщенный эпиграф с указанием источника:

Ср.:

Надо уничтожить болезни!
Средств у республики нет — трат много,
Поэтому в 1922 году в пользу голодающих
все облагаются специальным налогом.
Налогом облагается все трудоспособное население:
Все мужчины от 17 до 60
и все женщины от 17 до 55 лет.
Никому исключений нет. (Т. 4, с. 190).

Эпиграф определяет направление и содержание агитации:

Из газет: «Во Франции
образована Красная Гвардия».

Используемый в эпиграфе прецедентный текст задает тему агитационного стиха:

Кто сказал А,
Скажет и Б.
Клемансо,
предсказываем и будущее тебе. (Т. 3, с. 20).

Перед нами три громадных затруднения, которые мы должны преодолеть: хлеб, топливо и опасность эпидемий.

Из речи Ленина

Опасности мы не умели постичь,
опасность над нами стояла...
Но вот РК партия кликнула клич —
и падают три генерала...
Но зорко, товарищ, беду стереги,
опять у ворот она стала:
тиф, голод и холод — лихие враги —
вот новые «три генерала»... (Т. 3, с. 42).

Модель *высказывание вождя/мнение партии* — авторский текст определяет способ речевого тоталитарного мышления (предусматривающий вторичность авторского текста, который должен представлять собой кальку с партийного прецедента), и одновременно вытесняет феномен языковой творческой индивидуальности. В этой связи отметим, что высказывание вождя, взятое в качестве эпиграфа, часто служит основой развернутой политической метафоры:

Мы должны быть начеку, мы ни в
коем случае не можем считать, что
от войны мы уже застрахованы...

Ленин. Из речи на 8 Съезде

Мы подбили капитализму одну щеку,
но ручки сложа нельзя сесть, —
будем начеку!

Еще живет капитал, еще может попробовать лезть! (Т. 3, с. 262).

Высказывание вождя, воспринятое как намек, может служить оправданием призыва к насилию:

Надо выйти из чрезвычайного обилия
платформ, оттенков и оттеночков.

Ленин, X съезд.

Товарищи, наши враги по всему свету.

И в России множество гадов.

Роскошь эту

бросить бы надо. (Т. 3, с. 336).

В целом новейшие прецеденты — это не только фон, но и образец, производящая основа прецедентов производных, прецедентов, которые В. Маяковский стремится внедрить в мыслительный и речевой обиход народа. По содержанию «агитки» В. Маяковского оказываются вторичными. Они лишь тиражируют авторитетные с идеологической точки зрения суждения. Объектом манипулирования таким образом является не только читатель (народные массы), но и сам поэт. Система же «агиток», рассмотренная как сверхтекст, позволяет поставить вопрос о механизмах идеологемопроизводства в границах семантических схем тоталитарного языка.

Пространство и время

В агитационной поэзии В. Маяковского, как и в опорном сверхтексте мифологем (см. гл. II), формируется ряд пространственных наименований с включенной семантикой: «новый», «советский», «социалистический», «пролетарский», «революционный».

Пространственный указатель часто употребляется с соответствующим атрибутивным сопроводителем, но и в свободном виде он актуализирует обозначенную семантику, которая поддерживается в этом случае идеологически (политически) насыщенным контекстом:

Развевались флаги ало
по России-матушке.
Больше всех попам попало,
матушке и батюшке. (Т. 2, с. 90).

Наиболее частотны наименования *Россия, республика, отечество*, аббревиатура *РСФСР*. Оппозиционно соотносятся словосочетания *новый мир — старый мир*. Топонимические сигналы имеют тенденцию к противопоставлению на идеологической основе:

То, что годилось для царских Петербургов,
Мы вырвали с корнем из красных Ленинградов. (1929 г.; Т. 9, с. 198).

Новый мир или *Советская Россия* — страна, очищенная от всего непролетарского, несоциалистического:

Очисть от белых Россию тщательно! <...>
и гладким и чистым
социалистическое отечество
станет окончательно! (Т. 3, с. 60).

Местоимения также впитывают в себя идеологическое содержание: *у нас* (то есть в социалистическом государстве) — *у них* (то есть во всех других, несоциалистических странах). Социалистическое пространство потенциально имеет тенденцию к расширению:

Господин аптекарь, пришлите бром.
Дело в Европе пахнет Октябрем. (Т. 3, с. 12).

Частные пространственные сигналы (*завод, фабрика, село, город* и др.), идеологизируясь, приобретают семантический ограничитель «только для тех, кто принял новую идеологию»:

Богомольных прогульщиков с Электрозавода вон.
Не меняй гудок на колокольный звон. (Т. 10, с. 210).

Этот ограничитель характерен для всех пространственных единиц зоны «у нас».

Пространство покрывается революционным временем, а революционное время впитывает в себя пространство нового мира. Как и в опорном свертке мифологем, точкой (моментом) отсчета времени является Октябрь. Событие (Октябрьская революция) обуславливает взаимодействие *прошлого* (дооктябрьского), *продленного настоящего* (гражданская война, борьба с голодом, разрухой, эпидемиями, религией, мещанством и др., строительство новой жизни), *будущего* (коммунистическое завтра).

Октябрь у Маяковского включает семантику постоянного движения вперед, наступления:

Октябрь идет, пора торопиться.
Вперед... (Т. 2, с. 89).

Октябрь подавляет все другие (ранее равноправные) временные отрезки. Это время для простого народа, уничтожающее тех, кто ранее господствовал. Физическое уничтожение «буржуев» Октябрь превращает в благородный «труд», приносящий удовлетворение:

Матрос Потрудился в октябре я,
день и ночь буржуев брея. (Т. 2, с. 89).

А красные шествуют всюду победно. (Т. 3, с. 16).

Буржуев в тисках когтя,
вражье упорство ломай.
Буржую и в мае октябрь,
пролетарию и в октябре май. (Т. 3, с. 88).

Именно Октябрь оправдывает грандиозные изменения в картине мира, переводит русский ментальный мир в советский. Время в этом мире (*время трудовое и время боевое*) имеет свое измерение.

Особой единицей *боевого времени* становится *Октябрьская годовщина* — момент торжества революционных идей и побед. Каждая годовщина — итог добытого в борьбе, старт к новым достижениям и новой борьбе за время и пространство для революционно настроенных масс. Ср.:

В Октябрьскую годовщину пусть ширится клятва:
Добить врага революции проклятого! (Т. 3, с. 169).

Надо, чтобы в день празднования четвертого (юбилея — Н. К.)
Советская Россия
Не смущала буржуя мертвого. (Т. 3, с. 172).

Боевое время может измеряться и ситуативными единицами, например, *фронтowej неделей*:

Из рук красноармейца белым не выйти.
Еле душа в теле.
Чтоб его окончательно добить,
придавите
силой фронтowej недели! (Т. 3, с. 74).

Боевая победа — это всегда физическое истребление классово враждебных сил.

Трудовое время может измеряться ситуативными единицами: *месячник, трудовая неделя, партийная неделя*. Трудовое время перекрещивается с временем боевым. Например:

Если ж на зов партийной недели
придут миллионы с фабрик и с пашен —
рабочий быстро докажет на деле,
что коммунистам никто не страшен. (Т. 3, с. 7).

• В текстах встречаются и конкретные даты, фиксируются реальные факты, в их числе ликвидация людей, освобождение от классово враждебных «элементов»:

Чтоб к партии рабочих
буржуи
и не подходили близко,
с 1 августа
В Российской коммунистической партии
пересмотр личного состава,
проверка
и очистка. (Т. 3, с. 367)

Основной единицей измерения трудового времени, как и в опорном сверхтексте мифологем, является заполненная созиданием *пятилетка*. Пятилетка продлевает настоящее и приближает коммунистическое будущее:

Вызов за вызовом, по заводам лети!
Вступай в соревнование, за коллективом коллектив!
Встают заводы, сильны и стройны.
Рабочий океан всколыхнулся низом.
Пятилетка — это рост благосостояния страны,
Это пять километров по пути в коммунизм. (Т. 10, с. 204).

Коммунистическое будущее осязаемо: оно мыслится как продолженное настоящее. Дорога к коммунизму — это дорога тех, кто участвовал в революции, дорога всех трудящихся:

Красным золотом, солнце, брызги, —
мы навстречу идем
новой жизни! (Т. 3, с. 72—73).

Вы,
красноармеец,
крестьянин
и рабочий —
светлой Коммуны волхвы! (Т. 3, с. 68).

Коммунизм неотвратим: «...все к коммунизму ведут пути».

Как видим, пространственно-темпоральная структура в основном отражает модель, заданную опорным сверхтекстом мифологем, создающую новый (советский) взгляд на мир.

Субъектно-объектная организация

Субъектом нового времени, по замыслу автора, может стать лишь тот, кто участвует в коллективной борьбе и созидании. Это обнаруживается в цепочке многочисленных обращений, заключенных в рамки побудительных конструкций: Эй, *прачка*

(крестьянин, рабочий, пролетарий, красноармеец, уралец, грузин, матрос и др.). Например:

Эй, крестьяне,
рабочие,
в ногу!
На широкую выйдем дорогу! (Т. 3, с. 72).

Характерно, что объектом политической агитации не является интеллигент: адресат агитационного свертхтекста — так называемый простой народ. Агитация ведется в направлении сплочения, объединения людей: от отдельного лица — к массам:

Рабочие единицы!
Первого мая надо объединиться. (Т. 6, с. 183).
Еще напор, —
победа близка,
сомкнитесь последним усилием!!! (Т. 3, с. 73).

Принцип обобщенности, коллективного начала в общем деле (борьбе) соответствует русской идее соборности и, следовательно, опирается на традиционную ментальность.

Форма объединения чрезвычайно проста: это класс. Класс вытесняет нацию, делает ее ненужной:

У нас один рабочий класс
и нет никаких наций... (Т. 9, с. 200).

Вытеснение наций из картины мира — существенный поворот на пути трансформации русского ментального мира в советский.

Классовое деление, введенное в картину мира как определяющее, задает субъектно-объектные структурные связи. Пролетариат призван уничтожить буржуазию:

В мире два класса:
пролетариат
и буржуазия.
И армия не может (не) быть классовой:
Каждый белогвардеец — брат буржую,
Каждый пролетарий — пролетарию (свой). (Т. 3, с. 203).

Прямые и метафорические призывы к физическому истреблению буржуазии — лейтмотив агитационного свертхтекста:

Всей буржуазной и белой тле
Подарим по новенькой пеньковой петле. (Т. 3, с. 54);

Разговоры — ерунда,
разговоры — нуль!
Язык рабочего —
язык пуль! (1920) (Т. 3, с. 107);

Прачка! Буржуя иди прополаскивать!
Чтоб был белее, в Неве промой-ка! (Т. 2, с. 90);

Речь одна в положеньи таком —
не языком вертеть,
а штыком! (Т. 3, с. 107).

Оппозиция *пролетариат* — *буржуазия* охватывает и крестьян:

Товарищи! Крестьяне бывают разные:
есть крестьяне бедняки-пролетарии,
есть середняк крестьянин,
а есть кулак-буржуй.

Коммунисты — друзья бедняка-пролетаря,
друзья середняка.

Только с кулаками их не примиришь никак.
Этих мироедов, доведших крестьян до суммы,
из каждой деревни гоним мы. (Т. 3, с. 140);

Хлеб-соль ешь —
а панов режь. (Т. 3, с. 126);

Пролетарий деревни, пролетарию
города руку протяни. (Т. 3, с. 132);

Крестьяне и рабочие! Винтовка с нами,
Покончим с буржуазными псами. (Т. 3, с. 139).

Чистота субъектно-объектных позиций и взаимодействий соответствует социально-ролевому принципу и должна неуклонно контролироваться:

Надо, чтобы рабочий контроль
проверил, каждый ли выполнил роль. (Т. 3, с. 89).

...пролетариат стеною станет, непобедим... (Т. 3, с. 110);

Как и в опорном свертхтексте мифологем, сражающийся трудовой народ, пролетариат, героизируется:

Знамя вздымай,
над миром скрестя
молот рабочих
и серп крестьян. (Т. 6, с. 184).

Руководящим субъектом признается партия большевиков, которая «дает рабочему голову». Партия — вдохновитель и организатор всех побед пролетариата:

Коммунисты — руководители политики.
Под знаменем РКП победил пролетариат. (Т. 3, с. 371).

Руководящая функция партии прослеживается в настоящем и захватывает будущее время:

Только большевики под красными парусами
к Коммуне правят рабочий мир. (Т. 3, с. 84).

Другими словами, внедряется миф о *вечности партии*, не зафиксированный нами в опорном свертхтексте.

Партия мыслится как коллективный субъект:

Что единица?
Ерунда единица!
Надо
В партию коммунистическую объединиться! (Т. 3, с. 123).

Объединение в партию и сплочение вокруг партии — залог революционных побед пролетариата:

Чтоб враг революцию пылью не вытер,
партийные ряды крепите. (Т. 3, с. 160);

Надо, чтоб в партию был пролетарий сплочен. (там же).

Как и пролетариат, партия преследует одну цель: уничтожение буржуазии. Искоренение последней неизбежно. В. Маяковский внедряет образ агонии и физической расправы над буржуазией:

У нас с буржуем только такие разговоры быть могут:
винтовку к горлу и на грудь ногу. (Т. 3, с. 203);

Капитал в агонии.

Над всей вселенной загорятся красные огни. (Т. 3, с. 260).

Коллективный субъект укрупняется и обобщается. Коллективный объект (буржуазия) наделяется отрицательными человеческими свойствами (трусость, склонность к панике, жадность, глупость). Истребление и полное уничтожение буржуазии — азбучная истина, введенная В. Маяковским в цикл «Советская азбука»:

Тот свет — буржуям отдых сладкий
Трамваем Б без пересадки. (Т. 2, с. 94);

Большевики буржуев ищут.
Буржуи мчатся верст на тыщу. (Т. 2, с. 92).

Крепнет Коммуна под пуль роем.
Товарищи! Под винтовкой силы устроим! (Т. 3, с. 439);

...Нам буржуев надо молотом додавить. (Т. 3, с. 260).

Формы физического насилия сочетаются с формами экономического и политического насилия, чему способствует регулярная метафоризация:

Всех врагов, не добытых дубьем,
теперь рублем наверно добьем. (Т. 6, с. 181);

Белогвардейщина лезла царями быть.

Пришлось на штык нанизаться ей.

Этих как врагов добить? —

Партийной организацией. (Т. 3, с. 160).

«Эффективный» способ политического насилия — *чистка*. Идеологема *чистки* — одна из центральных в тоталитарном языке — активно разрабатывается В. Маяковским. Ряд однокоренных образований *чистить*, *счистить*, *очистить*, *чистка*, *очистка* конкурирует с единицами, имеющими семы удаления, вымещения: *выгнать*, *выкинуть*, *изгнать*, *смыть*, *вон* и др. Отметим, что идеологема *чистки* входит в замысел агитационного свертхтекста:

Помните — мы работали
без красок,
без бумаги...
с единственной целью —
отстоять Республику Советов,
помочь
оборотне,

чистке,
стройке. (Т. 10, с. 211).

Объектом чистки является *враг* «во всех вариантах»: *буржуи, белогвардейцы, богачи, кулаки, попы, верящие в бога, погромщики, а также злостные: лентяи, разгильдяи, спекулянты, симулянты* и др. Ср.:

Только белогвардейской своре
выгодно рабочий класс поссорить.
Грязные пятна, погромщики и антисемиты
будут с предприятий счищены и смыты. (Т. 10, с. 207);

Высшая степень обобщения объекта — *враг*. Образ врага проходит через весь агитационный свертхтекст. Миф о *происках врагов* («враг везде», «враг рядом») мотивирует агитацию за бдительность:

Товарищи, бдительны будьте —
О происках врагов не забудьте! (Т. 3, с. 427).

Миф о *непобедимости, несокрушимости пролетариата* поддерживает призывы к беспощадной борьбе с коварным, но трусливым врагом:

Враг надломлен,
враг бежит
от наших ударов смелых!
Разбившись об твердость советских скал,
враги подчинятся силе! (Т. 3, с. 73).

Лейтмотив жестокого насилия, сочетающийся с упоением победой, ликованием, насыщает свертхтекст. Особую частотность приобретают глаголы и фразеологизмы с семой насилия: *бить, добить, давить, додавить, недодавить, заставить, принудить, покончить, резать, ломать, ударить, очистить, убить, гнать, расправляться, отобрать, взять за жабры, схватить за горло* и др. Жанровый фактор обуславливает активность императивных форм, которые дают особый эффект, соединяясь с лексической семантикой насилия:

Рабочий, не смотри Антанте в рот.
Ртом Антанта, наверное, только врет.

Выври язык, чтоб не лила елей. (Т. 3, с. 118);
Расправься со всеми буржуазными псами,
да так, чтоб и хозяева попрятались сами. (там же);

Глаголы движения обнаруживают тенденцию к наращиванию семы насилия:

Если корчат буржуи коммунистическую роль,
усиль, товарищ, свой контроль.
И точно проверив, как работают они,
возьми их под жабры и к ответу притяни. (Т. 3, с. 334).

Иди на вредителя лавой атак. (Т. 10, с. 214).

Лейтмотив насилия поддерживается именами, обозначающими

разные виды оружия, и смежными наименованиями: *винтовка, штык, пуля, молот, дубье, патрон, свинец* и др.:

Прогульщика-богомольца выгоним вон!

Не меняй гудок

на колокольный звон! (Т. 10, с. 201);

В общей работе к дисциплине привыкни.

Симулянта

разоблачи и выкинь.

Не опаздывай ни на минутку.

Злостных вон! (Т. 10, с. 202).

Варьирование образа врага продлевает процессы борьбы и насильственной чистки, выводит их далеко за пределы советского отечества:

Мы подбили капиталу одну щеку... (Т. 3, с. 262);

Мы добились русских белогвардейцев. Этого мало:

еще живет чудовище мирового капитала. (Т. 3, с. 200).

Мировой капитал — субъект-агрессор, стремящийся завоевать пролетарскую страну. В агитационном свертхтексте разрабатывается миф о кризисе мирового капитализма и его гибели:

Катят вниз буржуи с горки.

Забастовали в Нью-Йорке.

Утлый челн буржуев тонет.

Ждут «всеобщей» в Вашингтоне. (Т. 3, с. 22).

На этом фоне активно внедряется миф о *мировом коммунизме*, который должен наступить в осязаемом реальном будущем времени:

Все к большевизму ведут пути,

не уйти из-под красного вала... (Т. 3, с. 448).

Цель коммунистов — «коммуны здание возвесть» (вариант предыдущего текста «Наша цель — коммунизм»).

Мы видим, что из заданных опорным свертхтекстом мифологем тенденций, в организации субъектно-объектных отношений реализуется тенденция к обобщенности субъекта и объекта. Коллективный субъект борьбы, труда и способный к варьированию обобщенный объект — приметы тоталитарной картины мира. Тенденция к деиндивидуализации находит в поэзии В. Маяковского благодатную почву; не находит активного развития (скорее всего под влиянием фактора жанра) тенденция к формированию неопределенного субъекта.

Даже эскизный анализ агитационного свертхтекста обнаруживает речевые реакции, которые характерны для свертхтекста, существующего в границах тоталитарного языка:

— реализация узуально закрепленных идеологем;

— реализация структурных связей, установленных между идеологемами;

— реализация комплекса мифологем. В их числе: *миф о все-
силлии объединения (коллективизма)*; *миф о неустранимости,
непобедимости революционного пролетариата*; *миф о кризисе,
крахе капитализма*; *миф о (мировом) коммунизме*; *миф о про-
исках врага*; *миф о стирании национальных различий*;

— активное образное развитие отдельных мифов (регуляр-
ная метафоризация, гипербола, частотность определенных ЛСГ,
словообразовательных цепочек, передающих соответствующую
идею);

— создание новых мифов в границах официальной идеоло-
гии, на фоне традиционных и новейших прецедентных текстов.

Необходимо учесть временной диапазон агитационного сверх-
текста, формировавшегося параллельно с «новоязом». В. Мая-
ковский гениально уловил системно-идеологические предпосыл-
ки нового языка, внедрил их в речь, разработал новаторский
опыт агитационной поэзии. Ошибка В. Маяковского, вероятно,
в том, что тоталитарные предписания он отождествил с рево-
люционными, и его поэзия оказалась в идеологической ловушке,
ибо, как тонко заметил И. Бродский, «...поэт, всегда знает, что
то, что в просторечии именуется голосом музыки, есть на самом
деле диктат языка; что не язык является его инструментом,
а он — средством языка к продолжению своего существования.
Язык же — даже, если представить его как некое одушевленное
существо (что было бы только справедливым), — к этическому
выбору не способен (Бродский, 1993, с. 67).

Творческая индивидуальность Владимира Маяковского не
выдержала испытания идеологическими примитивами и была
подавлена мировоззренческими стандартами.

Рассмотренные речевые реакции не выходят за границы то-
талитарных семантических схем. Они способствуют сдвигам в
традиционной картине мира, трансформации русского менталь-
ного мира в советский.

ПОПЫТКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЗАМКНУТОГО ПРОСТРАНСТВА (ЛАГЕРНАЯ ПОЭЗИЯ)

Как уже отмечалось, через опорный сверхтекст мифологем
проходит «сквозной» образ замкнутого пространства. В агита-
ционной поэзии Маяковского, которая формировалась вместе с
советским новоязом, этот образ редуцируется под влиянием
идеи мирового социализма (коммунизма) в осязаемом будущем
времени. Оппозиция *закрытое — открытое пространство* оказы-
вается несущественной: «красный вал», с точки зрения автора —
пропагандиста нового мировоззрения, неумолимо охватит «Ев-

ропы» и «Азии». Между тем данная оппозиция в сверхтекстоснове укрепляется по мере развития тоталитарного режима и вариантов этого режима. Она существует в языковом сознании советских людей вплоть до горбачевской перестройки. Реальное разрушение замкнутого пространства и в наши дни переживается народом как национальная трагедия. В этой связи особенно актуальным является коллективная попытка преодоления замкнутого пространства, рельефно представленная в лагерной поэзии советского периода.

Материалом для наших наблюдений послужили тексты, вошедшие в поэтический сборник «Зона» (Зона. Стихи, 1990).

В книгу вошли произведения 28 поэтов, которые стали жертвами репрессий: были арестованы, прошли через тюрьмы и лагеря. Многие из них не вернулись... *. Составитель и один из авторов сборника — поэт Н. Домовитов, пробывший в лагерях десять лет.

Мы рассматриваем лагерную поэзию как сверхтекст с обобщенной позицией (точкой зрения) автора — узника лагерей, стремящегося вырваться на свободу. Категория пространства естественно объединяет тексты лагерной поэзии в единое тематическое и модальное целое.

Все рассматриваемые тексты втягивают единое денотативное пространство — *места заключения*. Именно пространственные ориентиры становятся категориально-смысловым стержнем сверхтекста. В отличие от темпоральных, достаточно неопределенных ориентиров, они обладают определенностью и недвусмысленностью. Речевые единицы со значением пространства объединяются в поле, которое представляет собой сложно структурированное целое (Новиков, Преображенский, 1989, с. 33).

Ключевыми являются топонимические указатели — прямые или парафрастические названия мест расположения лагерей. Они складываются в цепочки топосигналов: *Колыма, Колымский край, Колымская трасса...; Магадан, столица Колымского края, где-то в поле возле Магадана; Сибирь, Сибирский край, сибирская степь и др.*

* Авторы стихов в порядке их представления в сборнике: Неизвестный автор (НА), Н. Клюев (НК), С. Клычков (СК), О. Мандельштам (ОМ), Н. Олейников (НО), А. Баркова (АБ), Е. Владимирова (ЕВ), Н. Заболоцкий (НЗ), И. Приблудный (ИП), Д. Хармс (ДХ), Б. Корнилов (БК), В. Шаламов (ВШ), А. Штейнберг (АШ), Ю. Домбровский (ЮД), П. Васильев (ПВ), О. Берггольц (ОБ), Я. Смеляков (ЯС), Б. Ручьев (БР), В. Боков (ВБ), М. Соболев (МС), С. Милосердов (СМ), Ю. Алешковский (ЮА), Н. Домовитов (НД), А. Клещенко (АК), Б. Чичибабин (БЧ), Н. Коржавин (НК), Ю. Даниэль (ЮД), С. Ломинадзе (СЛ), А. Жигулин (АЖ).

В текстах топоним может не варьироваться, употребляться как единственный указатель расположения лагерных зон: *Енисей, Кама, Амур, Печора, на Камчатке, в Туруханском крае, Ванинский порт, Салехард, под Улан-Удэ, от Владивостока до Джанхоя, на станции Тайга* и др. Локальное значение «место расположения лагерей» поддерживается даже в тех случаях, когда место топонима занимает словосочетание или слово, в значении которого есть семы «холод», «мороз», «лед», а также «дальний», «отдаленный», «неизвестный»: *на каменном полярном берегу; в краю глухих полярных зим; на застылом берегу; край жестоких выюг; в северной пустыне; в нелюдимом северном краю; дальний край; дальний суровый край; от жизни далеко; у края родины; в безвестье*. Слово *край* в языке лагерной поэзии охватывает значения «область, страна», «предельная линия».

В роли сигналов мест расположения зон выступают слова из гнезд *лес, тайга* и выражения с этими словами. Как актуальные в текстах выступают связанные с этими единицами эмпирические смыслы «густой, непроходимый», «замкнутый, суровый, темный»: *тайга, во мгле таежной, в сумраке таежном, в тайге глухой, ледяная тайга, таежный погост; черный лес, лесные болота*.

Менее частотны наименования с корнем *гор-*, связанные с обозначением мест расположения рудников: *гора, по горам, на горном перевале*.

Устойчивые пространственные смыслы можно свести к единому: «далекий, холодный, суровый, мрачный, скованный морозом, льдом Север» (шире — *жизнь, страна*).

Компонентный анализ универсального смысла «пространство» позволяет выделить общие для лагерного языка смысловые признаки. В роли категориальной выступает локальная сема «на Севере»; в роли устойчивых дифференциальных — семы «далекий», «скованный», «суровый». Включенный эмпирический смысл — «места расположения лагерей».

Характерный для тоталитарного языка в целом и для русского поэтического языка XX века в частности (Ковтунова, 1989, с. 37) принцип неопределенности проявляется в пределах оппозиции *зона — свобода*: формируются местоименные пары типа *здесь* (тут) — *там; оттуда* (отсюда) — *туда*. Один из членов противопоставления, как правило, оказывается невыраженным: Товарищ Сталин, будь спокоен, нас *тут* собаки стерегут (НД). *Тут* — в зоне, в заключении; (*там*) — на свободе, где властвует Сталин. *Отсюда* возврата уж нету (НА). *Отсюда* — из мест заключения — (*туда*), на свободу. *Там* никто тебя не любит, там никто тебя не ждет (НА). *Там* — на свободе, (*здесь*) — в заключении. Местоименная пара может покрывать одно замкну-

тое пространство: *Отсюда* возврата уж нету; Машины не ходят *туда* (НА). *Отсюда* — из зоны; *туда* — в зону.

Отмеченная группа речевых локальных указателей, в ядре которой располагаются топонимы, а на периферии — более общие сигналы пространства, через сему «скованный» и сему локальности связана с группой элементов, именующих места заключения. На первый план восприятия выдвигаются три тематических слова (Арнольд, 1971): *зона, лагерь, тюрьма* с общим значением «место содержания лиц, лишенных свободы». Ключевые денотаты (Новиков, 1983, с. 147—148), прямо связанные с этими словами, непосредственно «покрываются» ими. Последнее определяет особую значимость названных трех слов в границах свертхтекста. Их смысл многократно варьируется. Тематические слова попадают в немногочисленные атрибутивные сочетания, которые обогащают образное восприятие денотата: *опасная зона, закрытая зона, проклятая зона, наша зона, каторжный лагерь*. Абсолютной смысловой определенностью обладают однокоренные образования — ближайшие варианты двух опорных наименований (от слова *зона* производные наименования не зафиксированы): *лагерный, концлагерь, лагпункт, ГУЛАГ, ГУЛЖДС (ЮД), тюремный*.

Троп «зона» в границах целого свертхтекста, обобщаясь, воспринимается как характеризатор пространства *советская страна*.

Для группы единиц с единым смыслом «место содержания заключенных» общей является сема замкнутости. Замкнутость закрытого пространства — сквозная образная идея лагерной поэзии. Идея эта воспринимается как навязчивая, болезненная, когда включается в образ открытого пространства (*замкнутое открытое пространство*).

Образ замкнутого пространства передается через наименования с общим смыслом «намеренно огражденное, не имеющее выхода место»: *крепость, застенки, Лубянка, шарашка, острог, барак, камера, одиночка, карцер, предзонник, изолятор, лазарет, психбольница*, а также *подземелье, трюм, яма, чулан, короб*. В этот же ряд попадают слова *дом, комната* в сочетаниях *казенный дом, тюремный дом, наш дом, лагерный наш дом, комната ожиданий*. Неожиданно, с нашей точки зрения, почти полное отсутствие слова *дом* в тематическом блоке «свобода, воля». Мы зафиксировали лишь единичные употребления. Например, фразеологизированное сочетание *отчий дом* в составе сравнения: Всю неоглядную Россию наследуем, как *отчий дом*, мы — люди русские, простые, своим вскормленные трудом (БР). Оппозиция *тюрьма (зона, лагерь) — дом* для лагерной поэзии не является центральной. Она проявляется в смежных тематических блоках (*заключенные — родные, близкие, друзья*), но

прямо не вербализуется. Особой значимостью обладает высоко частотное слово *яма*, которое становится символом насильственной смерти и вечного заключения: в двухметровую черную *яму* автоматные пули столкнут (НД); Но *яма* ничего не говорит. Она лишь усмехается и ждет того, кто обязательно придет (ЮД); ...в *яму*, бородавчатую темь, скольжу (ОМ).

Характерна для лагерной поэзии тематическая переключка «замкнутое пространство — надзор»: ...эту *башню* у белых ворот (ЮД); в двери железной *кругленький глазок* (ЮА) и др. Пунктиром проходит переключка с тематическим блоком «песня», формируется образ песни-невольницы: Песня билась, *как птица в клетке* (СМ).

Образ замкнутого пространства передается через традиционные и нетрадиционные парафрастические обозначения места заключения: Петропавловский острый шпиль (АВ); под сводами темными, низкими (ЮД); вдали от человеческих нор и гнезд (АШ); деревянный бревенчатый ад (ЮД); кусочек фанеры и часовой (НД); в угодьях того МВД (БК); ...где людей, как семян в огурце (БР); темный холодный мешок (ИП); сидящему за каменной стеной (ЯС); крепость стуж (БР) и др.

Через весь тематический цикл проходит сема «железный», повторяясь в правильных и неправильных словосочетаниях с соответствующим прилагательным. Опорные существительные: *решетка, проволока, замок, цепь, кандалы*. Вклиниваясь в содержание тропов, сема «железный» перекрещивается с семами «заковать», «заключить», «закрыть» и семой холода. Образы решетки и проволоки, многократно повторяясь, укрупняются, символируются: железная решетка (ОБ); на окне *решетки*, на *дверях* (ОБ); сквозь *железные квадраты* (АЖ); в *паутину* рядясь (ОМ); тени в *клеточку скрещены* (СМ); узорною *решеткою* подернута земля (ОБ); По тюремным *решетчатым* сенцам, как хозяин, Лаврентий ходил (БР); *проволока за прутьями, проволочные* заграждения (БР); забор лагерный, *колющий* (СМ). Параллельно реализуются традиционные символы: *замок, цепи, оковы, под замком* (ВШ); Кровь моя опять заговорила, словно старый узник *под замком* (БК); Как выстрел, тут щелкнул *замок* (НД); Хочется мычать от всех *замков* и крепок (ОМ); *оковать, обручи* мороза (НЗ); тесный *наручник*, в стальных *наручниках* (АЖ); Я стонал в *клевцах* мороза (ВШ); *Железные цепи в железной* рубаше (ОМ).

Сема «железный» (металлический) через группу наименований «орудия труда» связывает тематический блок «место заключения» с тематическим блоком «труд». Приведем отдельные примеры: Приладив *кайла* к поясам, шли по горам (БР); В ночной тайге *кайлим* мы мерзлоту (ЮД); *лом* пудовый, острая *кирка* (БР).

Попутно заметим, что блок «труд» не является многокомпонентным, но находится в непосредственном контакте с рядами опорных сигналов денотативного пространства: *труд — человек, труд — женское, труд — каторга, труд — хлеб (еда), труд — спасение, труд — смерть*. В отличие от сверхтекста-основы, лагерный сверхтекст не имеет почвы для создания идеологемы *созидательного труда* и *мифа о труде как залоге построения коммунизма*. Последнее оказывается нерелевантным для лагерника. Ассоциативная цепочка идеологем *труд — страна — коммунизм*, которая прослеживается в агитационной поэзии В. Маяковского, для лагерной поэзии оказывается беспочвенной.

Образ замкнутого пространства усиливается с помощью семы «железный» (свинцовый, металлический) и транспонируется в тематический блок смерти: автоматные *пули* (НД); Может быть, *пуля* ударит в висок, а может быть, в бритый затылок (НД); *Пули*, что бьют наповал (НД); Начальник конвоя играет *курком* (НД); ...слова, как пудовые *гири*, верны (ОМ); *Гиря* смерти, увы, тяжелей, *гирю* жизни она перетянет (НД).

Неволя, заключение облекаются поэтами-лагерниками в кольцо металлического заграждения. Идея же свободы устойчиво связывается с избавлением от всего металлического, тяжелого, холодного, замыкающего пространство: *Режь* скорей проволоку (БР); Ту проволоку *смотали* (ЮД); Куда, товарищ Сталин, *сдавать* металлолом? (ЮД); Штыком *задевая звезду...* (ЮД); *Снял замок, открыл двери* (БР).

Образ замкнутости, закрытости приобретает «самовитость», становится самоценным, узловым образом сверхтекста. Он поддерживается многочисленными единицами с начальным (зек, зона), конечным (мороз лют), срединным (изоляторы, без закона) [3], приставочными образованиями (приставка за-), разработкой идеи замкнутости во всех без исключения тематических блоках цикла.

Приставка и предлог *за* приобретают в лагерной поэзии значение, близкое к корню. «За» стремится к узуально закреплённому смыслу: *запретная зона, загонят, зажать, закрыты двери* (НД); *замкнуты двери* (ОМ., ЯС); *заслонивший, замерзший, застава, замкнуть, заключенных, заключенные мысли, замуровать, заградить, заграждение, забор, за забором, за решеткой, за прутьями и др.*

Оппозиция *замкнутость — открытость*, выступая в роли образного фона универсальных оппозиций (*неволя — свобода, насилие — воля, смерть — жизнь*), становится универсальной в языке лагерной поэзии.

Смысл «замкнутость» вторгается в тематический блок «свобода» и не позволяет преодолеть оппозицию до конца: *созвездья*

Магадана (НЗ); Но это было море предо мной, зажатое средь берегов покатых (АШ); под небом холодным и чистым (ЮД); ледяное дыхание свободы (ЮД); замурованный льдами Амур (НЗ).

Преобразуется традиционный для русской поэзии образ дороги, приобретая своеобразное наращение: дорога замыкается зоной. Однонаправленность почти не знает исключений: Во все края бежит одна дорога (БК); Шли мы в зону (ЮА); Пролегла от Игарки дорога, что пробила мне сердце насквозь (ЮД). Не случайно в роли ближайшего синонима выступает слово *этап*: Мы шли этапом (ЕВ); Этапом шли навстречу злой судьбе (ЮА). Дорога мыслится долгой, мрачной, трудной, безотрадной: дорога-тупик, дорога-каторга, дорога-ловушка. В тематический блок «дорога» входят элементы с отрицательной коннотацией, а само слово *дорога* и его ближайшие синонимы, как правило, окружаются отрицательно заряженным контекстом: дорогою измучена (СМ); темная дорога, путь безотрадно тяжел (ИП); дороги, беды и года (АЖ); Посулила жизнь дороги мне ледяные (ПВ) и др.

Намечаются периферийные линии тематических переключек *дорога* (путь, этап) — *песня*; *Бог*: Твой путь воспеть (ОБ); Шел я к вахте босыми ногами, как Христос, и спокоен, и тих (МС).

Избавление от замкнутости сопряжено с возвращением в замкнутое. Не случайны многомерные связи, которые устанавливаются между тематическими константами *дорога* — *побег*, *преследование*, *насилие*, *смерть*: Смерть ходила по пятам (ВШ); Это кто-то убит при побеге (ЮД); Убит при попытке к бегству (ЮД); убиты в побегах (НД); вечно и всеми гоним (ИП); И я, прижавши ухо, бегу, бегу, бегу... (ВШ). Таким образом оппозиция *замкнутость* — *открытость* разрывается и разрешается в вечную «замкнутость» — смерть.

Универсальный для данного цикла смысл «замкнутое пространство» антропоцентричен. В центре замкнутого пространства — человек, в него заключенный. Ключевые слова, связанные с наименованиями лиц, находящихся в заключении, содержат узусальную сему заключения: *зек*, *ЗК*, *заключенный* (-ые), *заключенная*, *узник*, *арестант*, *каторжник*, (нумерованная) *каторжанка*, *пленный*, *замученный*. Характерная для тоталитарного языка тенденция к обобщенности субъекта проявляется, таким образом, и в лагерном языке. Многокомпонентный блок «заключенные лица» сложен по структуре. Его содержательный анализ не может быть дан в границах данного исследования. Отметим лишь противопоставленный приведенному ряд лексических элементов с общим смыслом «охраняющий замкнутость лагерного пространства»: *стража*, *стражник*, *охранник*, *конвой*, *конвойный*,

конвоир, часовой, надзиратель, коридорный, ночной обходчик, чекист и парафрастические выражения типа «трое славных ребят из железных ворот ГПУ» (ОМ).

Антропоцентризм замкнутого пространства срastaется с зооцентризмом, одновременно вырывается за пределы последнего и резко противопоставляется ему.

Узуальные для языка лагерной поэзии зоосемизмы — *зверь, волк, шакал, собака, пес, овчарка, кобель, медведь, олень, змей, змея, жаба*, а также названия птиц — *сокол, ворон, грач, ласточка* и некоторые метонимические образования — члены межтекстовой парадигмы.

Элементы ряда *человек — зверь* (животное) могут отождествляться и резко противопоставляться. Сравнить: (заключенный) *выл, как волк* (БР); *...не волк я по крови своей* (ОМ). Обратное отождествление: *...по-человечьи* страдающий бессонницей *медведь* (БР). Поэт-лагерник использует фольклорные символические параллели: *Рею* я облачным *соколом* (ИП); *Соколу* с ветром не справиться; *Я соколом взлечу* (БР) и др.

Достаточно устойчив ряд *тюремщик — зверь*: Конвоиры, словно псы, грубы (ЮА); Нет и нет в слюнявый рот шакала (ЮД).

Наименования животных активно используются в прямых и переносных значениях для создания образа преследования, а также охраны мест заключения и заключенных: *Товарищ Сталин, будь спокоен, нас тут собаки стерегут* (НД); *Лай собак* в рассветный час (АЖ); *...в вое кобелином*, гудящем за спиной (ВШ); *Овчарки* пугает *лай* (ОМ); переулков *лающих* чулки (ОМ); *Овчарки* рвутся с *жарким храпом* и злее бегают конвой (БК). Все единицы, связанные с наименованием собаки, получают резко отрицательную коннотацию: *Я до ареста так любил собак. И как теперь собак я ненавижу* (АЖ).

Образ замкнутого открытого пространства (Север) и замкнутого закрытого пространства (лагерь) укрупняется в образ зоны и противопоставляется в целом свободе в образе открытого незамкнутого пространства. Однако абсолютной свободы в картине мира поэта-лагерника нет. В границах свертхтекста оппозиция *заключение — свобода* не преодолевается. Так, цепь прямых номинаций *свобода, воля, освобождение, амнистия, помилование, реабилитация* сдерживается образами непринятой, непривычной, «не своей» свободы: Нам все-таки спела свобода победную песню свою (ЮД); Я полностью реабилитирован (АЖ) — Душа моя не приняла ни мира, ни освобожденья (ОБ); Я вышел из тюрьмы, а мне побеги, все побеги снятся (АЖ).

В текстах реализуются национальные константы смысла «свобода» — семы «простор», «открытость», «необозримость»: *в открытом пространстве* (АБ); *гордимся пространством* (ОМ);

российские просторы (АБ); моя страна громадна (БК); в мире вольном (БР). В то же время открытое пространство свободы сковывается, сжимается: *Открытый* город сумасбродно *цепок* (ОМ); *Жутко, дико в открытом* пространстве (АБ). Традиционный символ свободы и мечты *море* в ряде текстов также разрушается: голубая красота (БК); На вершок бы мне синего моря (ОМ). Я видел море Черное во сне (АШ) — *На море* спускался туман (НА); *море ...зажатое* (АШ).

Звезда — поэтический символ свободы и мечты — устойчивая единица языка лагерной поэзии: И так близко *до звезд* (ВШ); ...только *звезды*, символы свободы... (НЗ) и др. В то же время сигналы «замкнутого», лагерного регулярно разрушают цельность звездной свободы. Земное, сковывающее, металлическое врывается в космическое, небесное, звездное и, задевая последнее, посягает на свободу; *Сосна до звезды достает* (ОМ); *штыком задевая звезду...* (ЮД); *созвездья Магадана* (НЗ); *мертвых звезд* рассеянное тело (ЮД).

Мы полагаем, что центральная оппозиция цикла *замкнутость — открытость* (*заключение — свобода*) до конца не преодолевается. Переход *замкнутого в открытое* (как и обратный переход) — специфическое свойство глубинного смысла лагерной поэзии, отражающее точку зрения, характер мышления поэта-узника. Вместе с тем непреодолимость замкнутого — следствие давления тоталитарной системы на человека, обреченного жить в замкнутом пространстве и воспринимающего последнее как социально-психологическую норму (Леонтьев, 1974, с. 41). Лексические сигналы лагерного пространства могут быть истолкованы как метафорические обозначения тоталитарного государства. Аналогичный механизм метафоризации (в противоположной коннотативной рамке) наблюдается в анекдотах. Например:

- Кто такой Леонид Ильич Брежнев?
- Начальник лагеря.
- Какого лагеря?
- Социалистического.

Отраженная в лагерной поэзии модель пространства суть гиперболическая пространственная модель нового советского ментального мира. Сдвиг — от открытого пространства (традиционный ментальный мир) к пространству замкнутому (новый ментальный мир) — обнаруживает глубину тех изменений, которые реально происходили в общественной и духовной жизни русского общества и определялись, в частности, диктатом тоталитарного языка.

Тоталитаризм предполагает «ограничение свободы граждан социально-политической системы, господствующей и регулирующей все аспекты их жизни и все их действия» (Schlesinger, 1947, p. 67). Свобода высказывания, в свою очередь, ограничивается универсальными идеологическими догмами, регулируется ими. Сознательное разрушение этих догм, идеологических норм, предписаний тоталитарного языка связано с языковым сопротивлением. В наиболее открытом виде языковое сопротивление, как нам кажется, проявляется в политических анекдотах тоталитарной и частично посттоталитарной эпохи. Серьезное научное изучение анекдотов только начинается, но уже сейчас опубликованы сборники анекдотов, отражающие разнообразные возможности их систематизации.

В качестве исследовательского материала был использован сборник «История СССР в анекдотах (1917—1992)» // Составитель М. Дубовский. Смоленск, 1993. Совокупность анекдотов рассматривается как относительно закрытый сверхтекст, из которого извлекается идеологическая информация, характеризующая тоталитарную систему, и соответствующая оценочная информация. Анализ, как и в предшествующих разделах, имеет эскизный характер. Единица сверхтекста — отдельный анекдот, который может быть рассмотрен в постперестроечное время как анти тоталитарный прецедентный текст.

Особая значимость анекдотов определяется тем, что они отражают точку зрения народа. Позиция автора анекдота всегда остается обобщенной, даже если анекдот приписывается тому или иному лицу (например, М. Светлову, Н. Богословскому и др.).

Анекдотом называют короткую остроту в форме диалогической реплики, законченного диалогического единства, комического рассказа, каламбура и др. с неожиданной развязкой.

Афористичность и злободневность содержания, неременная «политическая крамола», языковой риск, гротескность — все это делает анекдот излюбленным «жанром современного, преимущественно городского, фольклора» (Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 29).

Мена вождей, сопровождавшаяся появлением того или иного варианта тоталитарной системы, знаменовалась очередным всплеском анекдотов, появлением новых циклов. Эта тенденция выявляет огромные духовные силы народа, способность к сопротивлению, нежелание подчиниться жестким предписаниям

языковой политики. В политических анекдотах разных циклов много общих семантических линий и мотивов. Мы не претендуем на их систематический анализ и обращаем внимание лишь на некоторые формы языкового протеста и те собственно языковые средства, которые, используясь регулярно, служат приемами деформации тоталитарных символов, штампов.

Прежде чем перейти к конкретному анализу, сделаем одно вкусовое замечание. Политические анекдоты — это анекдоты, отвечающие русской традиции, обнаруживающие тонкое чувство языка и детали. «Русский человек, — отмечает Роман Гуль, — вообще плохо смеется. Почти не умеет. В здоровом смехе нами всегда ощущается что-то грубое, режущее ухо. Такой «здоровый смех» — у Запада...» (Гуль, 1993, с. 201).

Говоря о русском юморе, мы ни в коем случае не трактуем «русское» в биологическом смысле. Еврейская, армянская и некоторые другие линии в свертхтексте политических анекдотов, безусловно, существуют как автономные; но каждая из них формирует особую точку зрения на «русский вопрос» и не разрушает стилевую доминанту целого. Объект смехового остается также традиционно русским*.

Смеховое строится в анекдотах на базе внутренней диглоссии и воплощается в образах хорошего вкуса (последнее, разумеется, не распространяется на неудачные анекдоты, которые, впрочем, быстро забываются и не внедряются в активное речевое общение).

Крушение символов советского счастья: деидеологизация и демифологизация

Антитоталитарный характер анекдотов проявляется в целенаправленной деидеологизации и демифологизации. Эти процессы охватывают весь свертхтекст и проявляются в переосмыслении аббревиатур; семантических преобразованиях ключевых слов тоталитарного языка; деформациях прецедентных текстов.

* Ср. у И. Губермана:

Вечно и нисколько не старея,
всюду и в любое время года
длится, где сойдутся два еврея,
спор о судьбах русского народа;

Гниение основ — анекдота основа,
а в нем стало явно видней,
что в русской комедии много смешного,
но мало веселого в ней.

Активизация аббревиации, столь характерная для языка советской эпохи (аббревиация стала новым для русского языка продуктивным способом словообразования: Русский язык и советское общество. Словообразование..., с. 66—100), сопровождается символизацией ряда аббревиатур, поддерживаемой прецедентными текстами типа *СССР — оплот мира; Слава КПСС* и под. С другой стороны, большое количество аббревиатур оказывается недоступным по содержанию для широкого круга лиц, а сами аббревиатуры (буквенные, звуковые, буквенно-звуковые), не отягощенные корнями, предоставляют возможность для множественных расшифровок.

Произвольная расшифровка аббревиатуры снимает официальную идеологическую коннотацию (Костомаров, 1994, с. 124); «обуславливает переход в принципиально иную понятийно-идеологическую систему» (Костомаров, 1994, с. 110).

Типовой способ произвольной расшифровки аббревиатуры — вопрос, организованный по модели *Что такое + аббревиатура:*

- Что такое *РСФСР*?
- Редкий случай феноменального сумасшествия России;
- Что такое *РКП(б)*?
- Россия кончит погромом.
- А *ВКП(б)*?
- Все кончится погромом.
- Ну, а «б» в скобках?
- Большим погромом.

Ответная реплика всегда содержит характеристику и оценку, которые выводят аббревиатуру из автоматизма идеологического восприятия. Системная семантика дистанцируется от контекстуальной, последняя задает устойчиво отрицательную коннотацию:

- Что такое *ВКП(б)*?
- Второе крепостное право (большевиков).

Ср. более поздний анекдот, содержащий полисемные реплики:

- Что такое *КПСС*?
- Коммунисты предали советскую систему.
- Глухие согласные.
- Кампания против Сахарова, Солженицына.

Часто такая коннотация, связанная с обозначаемым, выражается непосредственно в прямых репликах персонажа. В этом

случае аббревиатура употребляется в языковом системном значении:

- Алло, это КГБ?
- Нет, КГБ сгорел.
Снова звонок.
- Алло, это КГБ?
- Да сколько раз вам повторять: КГБ сгорел!
- А может, мне приятно это слушать.

Одним из способов деидеологизации аббревиатуры является семантическая трансформация в другую аббревиатуру, имеющую в сознании народа устойчивое символическое содержание. Ср.: ЧК, ГПУ, КГБ — «карательный орган»: Указы по переименованиям: ЦК КПСС — в ЧК КПСС; ...СССР — в КГБ (коммунистическое государство будущего). В последнем случае используется также прием произвольной дешифровки. Внутри конструкции возникает наложение системного и контекстуального значений. Результат их взаимодействия — восприятие СССР как полицейского карательного государства, организованного по типу КГБ.

В сверхтексте вырабатывается устойчивая сочетаемость наиболее частотных аббревиатур, реализующих системное значение. Например: вызывают в ГПУ // КГБ; вызывают в ЧК (всегда в неопределенно-личных конструкциях). Встречаются и сочинительные сочетания аббревиатур, подчеркивающие однородность функций соответствующих официальных институтов. Например: ЦК и КГБ решили проверить, каким образом все секретные сведения проникают за границу СССР... Глагол акцентирует контролирующую, точнее, разведовательную функцию не только КГБ, но и ЦК. Это весьма тонкий способ деидеологизации: фактически ЦК характеризуется как тайная полиция, хотя никаких формальных сдвигов в линейной цепочке не наблюдается. Подобное сходство функций, обозначенных аббревиатурами официальных органов, может обнаруживаться и в противительных конструкциях: аббревиатура замещает позицию субъекта; глагол указывает на то или иное насильственное действие субъектов, направленное на различные объекты:

- Из каких групп состоит население СССР?
- Из довольных и недовольных. Недовольными занимается КГБ, а довольными — ОБХСС.

Наиболее частотной аббревиатурой в сверхтексте является обозначение службы безопасности (ЧК, НКВД, ГПУ, КГБ). Это не является случайностью: Ленин, «Сталин и его окружение действовали не по «моделям» классиков марксизма... в ...реальной политике на первом месте стояли политическая воля, политическое насилие (переходящее в жестокий террор), с помощью которых они стремились решать все проблемы...» (Водолазов,

1989, с. 139). Тайный карательный орган, осуществляющий политику насилия, характеризуется в анекдотах как столп тоталитарного государства:

— Есть ли что-нибудь общее у кубинцев и кубанцев?

— Есть. *КГБ*. (Ср.: Кожевникова, 1993).

Миф о единстве силовых органов и народа, с одной стороны, развенчивается в анекдотах, а с другой — получает в них особую интерпретацию. Так, соответствующая аббревиатура часто помещается в чужеродный официальному языку контекст, соединяясь со словами *стучать, стукач, стук*. Контекстные партнеры содействуют формированию *контрмифа о единстве КГБ и доносчиков*:

Табличка на входе в КГБ: «Стучите!»

Свойственная тоталитарному языку «оценка непереносимая и открытая» (Добренко, 1990, с. 244) заменяется оценкой скрытой и ненавязанной, но не оставляющей сомнения в отношении к КГБ и стукачам (доносчикам, сексотам).

Сам факт существования политических анекдотов как глобального свертхтекста антитоталитарного содержания подтверждает, что русская культура (и, следовательно, народ) всегда, даже в самые тяжелые времена, была предана идее свободы личности (Лихачев, 1990, с. 3). Навязанные системой идеологические примитивы высмеиваются в анекдотах и доводятся до абсурда. Аббревиатуры, составляющие значительный пласт словаря идеологом, деидеологизируются. Последнее обуславливает и процесс демифологизации.

Процессы деидеологизации и демифологизации проявляются в преобразовании семантики ядерных элементов словаря идеологом и свертхтекста мифологом.

Семантические преобразования ключевых слов тоталитарного языка

Ключевые слова тоталитарного языка представляют собой такие лексические единицы, семантика которых является собственно идеологической. Эти слова отражают ценностные идеологические концепты тоталитарной системы. Их употребление строго цензурируется. Они входят в качестве составляющих в массив политических прецедентных текстов. Идеологическая семантика ключевых слов тоталитарного языка стремится к терминологичности, выверяется по первоисточникам и отвергает отрицательные коннотации. За каждым ключевым словом стоит миф (цепочка мифов), внедряемый официальной прессой, радио, телевидением, политическими речами, учебниками, научными

трактатами. Употребление ключевых слов тоталитарного языка в сниженных контекстах запрещается, и даже преследуется законом:

Американец, француз и русский поспорили — кто всех храбрее?

— Мы, американцы, по жребию разыгрываем десять машин, причем у одной из них нет тормозов, и мчимся по горной дороге... Потом один лежит в больнице, а остальные девять его навещают.

— А мы у себя во Франции собираемся вдесятером, разыгрываем десять девушек, причем у одной из них сифилис... Потом один ложится в больницу, а остальные девять его навещают.

— А у нас в России еще хлеще: рассказываем в компании политические анекдоты, причем все знаем, что один из нас стучач.

— А потом?

— А потом девять сидят, а один носит им передачи.

Семантическое преобразование ключевых слов тоталитарного языка в свертхтексте анекдотов проявляется прежде всего в мене коннотаций, при сохранении идеологической (сигнификативной и денотативной) семантики или при изменении последней. Противоречие идеологического и коннотативного создает комический эффект. Рассмотрим два ключевых слова — *социализм*; *коммунизм*.

Сын спрашивает отца:

— Папа, у нас уже построен *социализм* или будет еще хуже?

Миф о социализме как общественном строе, приносящем благоденствие, разрушается. Ощущаемая подтекстная идеологема социализм — первая стадия коммунизма деформирует миф о коммунизме как обществе, удовлетворяющем все потребности людей. Модальность достоверности, осознаваемая в самом тексте анекдота как объективная реальность в настоящем и будущем, усиливает эффект деформации. Ответная реплика не требуется.

Мена коннотаций происходит в результате помещения ключевого слова-идеологемы в собственно предметностный контекст, который способствует появлению эффекта сниженности:

На повестке дня колхозного собрания два вопроса: строительство сарая и строительство *коммунизма*. Ввиду отсутствия досок сразу перешли ко второму вопросу.

Миф о коммунизме — обществе материального изобилия — постоянно высмеивается: коммунизм как ценностный концепт выводится из сферы высокого:

— За что тебя из партии исключили?

....

— На политзанятии говорили, что *при коммунизме* будет много денег, мяса, масла, а один поправил: «Денег *при коммунизме* не будет». Я и спросил: «А мяса и масла тоже?..»;

— Будут *при коммунизме* очереди?

— Нет, так как стоять уже будем незачем.

Ср.: Взойдя на Пик *коммунизма*, альпинисты обнаружили полный *коммунизм*: там не было даже снега. — Каламбур, основанный на энантиосемии, передает ироническое отношение к официальной трактовке *мифа о коммунистическом изобилии*. Высмеивается и *миф о коммунизме как обществе всеобщей сознательности, основанном на так называемой общественной собственности*:

— Что такое *коммунизм*?

— Идешь по улице — стоят автомобили. Берешь даром любой и едешь. Видишь джинсы — берешь и едешь дальше. Выезжаешь на площадь, а там — пиво, бочки, и к каждой цепью кружка прикована. Это и есть *коммунизм*.

Семы «беспорядочный», «хаотичный», «непристойный» вводятся через предикат *бардак*, довольно часто соотносящийся с социалистической системой:

— Какая разница между публичным домом и *бардаком*?

— Публичный дом — это заведение, а *бардак* — это система.

Мена коннотаций вскрывает истинное отношение людей к коммунизму:

Плакат на здании артиллерийского училища: «*Наша цель — коммунизм*».

Имеет место наложение двух словарных значений слова *цель*: 1. То, к чему стремятся, чего хотят достичь; 2. Предмет, место, в которые надо попасть при стрельбе или метании. Возникает каламбур. Двусмысленность особенно ярко выступает на фоне официального лозунга, ставшего идеологическим предписанием, неким руководящим символом, жизненным ориентиром для советского народа.

Отношение к коммунизму «со стороны», страх, ужас, который внушает коммунизм, передается, например, в одном из анекдотов хрущевского времени:

Ехали Эйзенхауэр и Хрущев по автостраде. За ними погнались гангстеры. Хрущев написал записку и выбросил ее наружу. Гангстеры поймали записку, прочли ее и тут же умчались прочь. Эйзенхауэр спросил, что это Хрущев им написал.

— Я написал им, что эта дорога ведет к *коммунизму*.

Точка зрения «извне» формирует объективный взгляд на ситуацию.

Средством создания неофициальной (несанкционированной) коннотации ключевых слов служит ирония:

— Можно ли построить *коммунизм* в Израиле?

— Зачем такой маленькой стране такое большое счастье?

Логическая семантика слов *социализм*, *коммунизм* также претерпевает изменения:

СССР делится на четыре зоны:

Первая — Кремль — зона *коммунизма*.

Вторая — от кремлевской стены до границ Москвы — зона *развитого социализма*.

Третья — от границ Москвы до границ Советского Союза — зона *социализма*.

Четвертая — за границами СССР — зона нормального человеческого существования.

Коммунизм воспринимается как система привилегий для властей; *развитой социализм* — как система привилегий для жителей столицы; *социализм* — как отсутствие привилегий для всей (социалистической) страны. Каждое из ключевых слов в границах текста анекдота впитывает в себя коннотацию аномального, странного.

Миф о стадиях перехода от социализма к коммунизму как обществу всеобщего благосостояния, равенства и свободы разрушается под бременем введенных в анекдот фактов, а сами слова *социализм*, *коммунизм* приобретают противоположный смысл: *социализм* — насильственная государственная система, приводящая к физическому и духовному уничтожению граждан, к потенциальному «вымиранию»; *коммунизм* — царство мертвых, управляемое обожествленными вождями.

Миф о закономерных стадиях перехода от социализма к коммунизму трансформируется. Один из вариантов трансформации:

— Что такое *социализм*?

— Это самый долгий путь к капитализму, —

устанавливается закономерность, обратная известной догме: социализм толкуется как стадия развития капитализма.

Деформируется *миф об эффективности и целесообразности*

плановой экономики, планового социалистического хозяйства (производства):

— Какая разница между капитализмом и *социализмом*?

— Капитализм — это жесткая дисциплина в сфере производства и хаос в сфере потребления. *Социализм* — жесткая дисциплина в сфере потребления и хаос в сфере производства.

Социализм интерпретируется как неорганизованная система хозяйствования, ограничивающая материальные возможности людей. Семантическое преобразование осуществляется в антонимическом контексте.

Миф о том, что *при социализме все делается для блага человека*, высмеивается:

— Можно ли построить здание *социализма* в одной стране?

— Построить-то можно — жить нельзя.

Социализм в данном анекдоте воспринимается как антигуманная лживая политическая система.

Основной линией в механизме семантического преобразования ключевых слов является, как показывает анализ, приобретение ими смыслов, противоположных тем, которые кодифицированы словарем идеологом. Отдельный анекдот опровергает одну (или более) политическую догму, один (или более) миф, связанный с идеологическим концептом, подвергает осмеянию ценность санкционированной идеи. Лейтмотив недоверия к возможности построения коммунизма становится для свертхтекста сквозным и отражает объективную точку зрения общества. В оппозиции *идеологический миф — жизненная реальность* «побеждает» последняя. Даже приведенный материал обнаруживает особую активность разработки темы коммунизма, при том что не все аспекты социализма подвергаются осмеянию. Видимо, в картине мира советских людей, не перестающих быть советскими и в постперестроечное время, идеологемы *социализм, коммунизм* воспринимаются на фоне оппозиций типа *возможное — невозможное, реальное — нереальное, в меру справедливое — идеально справедливое* (по отношению к обществу, государственному строю, политической системе). Ср.: соцопрос для читателей «АиФ»: Как вы думаете, при каком строе ваша жизнь изменилась бы к лучшему? При капитализме — 36,5; при социализме — 31,5; при коммунизме — 8,0; затрудняюсь ответить — 24,0 (17 (706) Апрель, 1994).

Процесс семантического преобразования ключевых слов проходит на фоне активного использования разговорной, в том числе сниженной лексики, антонимии, сдвинутой лексической сочетаемости, введения тропов с ясной мотивировкой.

Тоталитарный язык располагает массивом политических прецедентных текстов, обеспечивающих в речи реализацию идеологем и мифов. Эти единицы входят в речь как канонические высказывания, отвечающие идеологическим стандартам. Средством языкового сопротивления является прием деформации прецедентных текстов. В сверткесте политических анекдотов реализуется несколько способов такой деформации. Попробуем их описать.

Моделирование структуры по фонетическим, словообразовательным и грамматическим образцам, заданным опорным прецедентным текстом: Лозунги пятилеток: «Догнать и перегнать!», «Догнуть и перегнуть!», «Догнить и перегнать». Деформация разрушает предписание «догнать и перегнать (Америку, Запад и др.)», а также миф о том, что по ряду показателей мы уже «догнали и перегнали...» Параллельно деформируется идеология «загнивание капитализма», а официальное идеологическое предписание «переворачивается».

— Каковы основные законы марксистской диалектики?

— Первый: количество переходит в стукачество.

Второй: битие определяет сознание.

Первичный смысл прецедентных текстов сохраняется, но в результате внутренней структурной деформации возникает второй смысловой пласт, захватывающий ситуации доносительства и насилия.

Лексическая замена одного из слов, словосочетания или части предложения: Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Центральном Комитете*. Прецедентный текст из Шекспира, деформируясь, выступает как суждение-приговор.

Воскрес Маркс и попросил дать ему выступить по радио. Добившись своего, он горестно произнес: «Пролетарии всех стран, извините!» Лексическая замена обуславливает деформацию прецедента, которая приводит к разрушению универсального идеологического предписания. В деформированном виде данный прецедентный текст активно используется в современной публицистике.

Иногда подобная деформация не разрушает, а лишь преувеличивает идею (предписание, миф), которая высмеивается, доводит ее до абсурда: ...«Пятилетку за две недели!»...

* Здесь имеет место употребление классического прецедентного текста — случай довольно распространенный в сверткесте анекдотов советского периода. Ср.: В Воронеж бог послал кусочек сыра...

Вставка элемента: Плакат у обкома: «Кто у нас не работает, тот не ест». Идеологема разрушается за счет вставки местоимения, относящегося к существительному *обком*. Левый контекст создает намек на привилегии обкомовских работников.

На политзанятиях: «Американские агрессоры вмешиваются во внутренние дела СССР во всем мире». — Вставка создает двусмысленность: ощущается намек на имперскую политику СССР.

Инверсия частей сложного предложения:

Рабинович, глядя на плакат «Ленин умер, но дело его живет!»:

— Лучше бы ты жил, а дело твое умерло!

Инверсия приводит к изменению суждения и формированию оценки непризнания ленинских начинаний.

Усечение:

— Слыхали, Ельцин вышел из ума...

— Спятил, что ли?

— Да нет, он вышел из ума, чести и совести нашей эпохи!

Усечение осознается в границах целого текста анекдота и в соединении с неусеченным прецедентом создает каламбур, доставляющий эмоциональное удовольствие.

Трансформация прецедентного текста в вопросительное предложение:

— Ленин и теперь живет всех живых? —

деформация подводит мифологему к разрушению, вносит иронию. Ср.:

Бывший клубный работник рассказывает, вернувшись после реабилитации:

— За что меня посадили? За самодеятельность — не так Маяковского декламировал: «Я знаю? Город будет? Я знаю? Саду цвести? Когда «такие» люди в стране советской есть!»...

Очевидны столкновения официальной и обыденной точек зрения.

Усложнение прецедентного текста за счет наращивания части сложного предложения:

...Мы идем к коммунизму семимильными шагами, и скотина, естественно, за нами не поспевает. Деформация в данном случае не ограничивается лексической вставкой: прецедентный текст расширяется за счет предложения со значением естественного следствия, которое и разрушает известный миф.

— Эти духи, наверно, импортные — с загнивающего Запада?

— Да, он загнивает, но какой запах!

Противительные отношения в соединении с уступительными

создают иронию, разрушают идеологему и соответствующий миф.

Заметка в одной буржуазной газетенке времен первой пятилетки: «Большевики героически преодолевают трудности, *которые сами же себе создают*». — Именно в таком виде деформированный прецедент вошел в современный язык. Острота в речи часто перефразируется с помощью лексической замены субъекта.

Семантическая «диверсия» правового контекста

Прецедентный текст употребляется в недеформированном виде. Правый контекст в виде предложения, цепочки предложений, диалогической реплики (если анекдот организован по типу диалогического взаимодействия) неожиданно вводит смысл, взрывающий идеологический фундамент соответствующего прецедента. Приведем примеры:

Коммунизм — это советская власть плюс электрификация. Отсюда следует: *советская власть* — это *коммунизм минус электрификация*. Или: *электрификация* — это *коммунизм минус советская власть*.

Семантическая «диверсия» осуществляется средствами «наложения» математических законов на вербальную логику. Взрываются три идеологемы: *коммунизм, советская власть, электрификация*, являющиеся ключами соответствующего мифа *о сущности коммунизма*. Аналогичный прием, но не в столь чистом виде присутствует и в следующем анекдоте:

— Что из себя представляет генеральная линия партии?

— *Периметр пятиконечной звезды. То правый уклон, то левый уклон, и каждая ее точка — если не точка великого перелома, то обязательно точка перегиба.*

Особый стилистический эффект создается с помощью метафоризации математических терминов.

Разрушение мифа достигается на базе бытового переосмысления суждений, представленных в прецедентных текстах, неожиданных, но всегда простых поворотов мысли, приводящих к деидеологизированным сообщениям:

Ср.: Рабинович вышел на демонстрацию с плакатом «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Парторг кричит:

— Вы что, Рабинович, издеваетесь? Вы же старик! Когда вы были ребенком, Сталин еще не родился!

— *Вот за это ему и спасибо!*

Модальность достоверности суждения, выраженного прецедентным текстом, разрушается.

Политические прецедентные тексты употреблялись в речи автоматически. Регулярность их употребления способствовала быстрому старению внутренней формы, основ переноса, аналогий. Именно поэтому деформации, основанные на переосмыслении лексики прецедентных текстов с позиций обыденного здравого смысла, доставляли особое удовольствие и создавали эффект неожиданности:

Вопрос на «чистке»:

— Были ли колебания в проведении генеральной линии партии?

— *Колебался вместе с линией.*

Семантическая «диверсия» левого контекста

Начало анекдота разрабатывает семантику обыденной вещи на базе конкретного существительного. В финал анекдота в готовом виде вводится политический прецедентный текст с возвышенной коннотацией, в составе которого имеется соответствующее слово. Происходит столкновение двух семантических планов, результатом которого является крушение официального идеологического стандарта. Например:

Крестьянин заходит в скобяную лавку:

— У вас есть трехдюймовые гвозди?

— Нет.

— А пятидюймовые?

— Тоже нет.

— А какие есть?

— Никаких нету.

— Верно сказал товарищ Ленин: *«Революция и никаких гвоздей!»*

Семантическое столкновение может обуславливаться фразой, выводящей прецедентный текст из стандартного для него пространства ситуаций. Например: Плакат *у дороги, ведущей к кладбищу*: «Верной дорогой идете, товарищи!» Плакат *в ОБИРе*: «Отечество славлю, которое есть, но трижды — которое будет».

В приведенных примерах комическое «принадлежит одновременно к двум совершенно независимым сериям событий и может быть истолковано сразу в двух... смыслах» (Бергсон, 1992, с. 64). В сознании воспринимающего возникает «двухголосый текст» (Вежбицка, 1978, с. 403), причем голос здравого смысла звучит твердо и убедительно.

Мы представили типичные (но далеко не все) способы деформации прецедентных текстов, приводящие к крушению официальных идеологем и мифов. Прием деформации политических прецедентов — действенный способ языкового сопротивления в условиях тоталитарной системы.

Процессы демифологизации, деидеологизации проявляются в специфике сверхтекстовых категорий, в характере композиции сверхтекста политических анекдотов. Остановимся на некоторых специфических свойствах категорий анализируемого сверхтекста.

Опорные ситуации нового ментального мира и деритуализация

В сверхтексте политических анекдотов зафиксированы цепочки ситуаций, отражающих характер нового ментального мира. Сигналом ситуации обычно является первая фраза анекдота, отдельное слово или словосочетание. Приведем перечень ситуаций, отражающий общие смещения, связанные с целостным представлением о стране Советов. Систематизация ситуаций не претендует на полноту и может быть дополнена в процессе анализа циклов анекдотов, не находящихся в поле нашего внимания.

На базе ситуаций нового ментального мира в границах сверхтекста политических анекдотов формируется гротескный образ страны победившего социализма.

Страна революции: революция свершилась; Петроград, 1917 год; 7 ноября, демонстрация; 7 ноября, на колхозном собрании...

Страна насилия: глухая ночь, стук в дверь: Рабиновича вызывают в ЧК (КГБ и др.); в казарме; в тюремной камере; в лагере; на Лубянке; в колонии; комиссия задает вопросы; во время (после) проверки; чистка; на чистке; после чистки; в отделе кадров.

Страна с диктатурой партии: на партийном собрании; в райкоме; вызывают в райком (обком); на заседании партбюро; в ЦК; на парткомиссии; принимают в партию; исключают из партии; на чистке; на съезде партии; на пленуме; XIII (и др.) съезд; на заседании политбюро; на политзанятии.

Страна коллективизма: на субботнике; на митинге; на демонстрации; на собрании; на совещании; на комиссии; в коммунальной квартире; в очереди; на вечеринке.

Страна героев: на войне; послали в разведку; в логове врага; в наркомате обороны; перед сражением.

Страна передовиков труда: на съезде передовиков; вручают почетную грамоту...; на выставке достижений народного хозяй-

ства; выступает передовик производства (ударник коммунистического труда); передовой колхоз; создается новый колхоз; на стройке пятилетки; на строительстве.

В типовых ситуациях действуют ролевые герои (персонажи). Название персонажа (ей) в анекдоте часто служит сигналом того или иного фрагмента нового ментального мира: парторг; политработник; большевики; делегаты съезда; революционные матросы; передовик труда; колхозник; рабочий; двадцатипятилетний; заключенный (зэк); милиционер (чекист); охранник; следователь; судья и др.

Субъект, не принимающий новый ментальный мир, надевает маску персонажа, наблюдающего со стороны (американец, иностранный корреспондент (дипломат), зооперсонаж и др.); обывателя (Ваня, Маня, старый гуцул, Рабинович, жена и др.); человека, желающего войти в этот мир ради привилегий (Н вступает в партию); человека, соглашающегося с официальной установкой, чтобы не попасть в тюрьму; человека, попавшего не в свой мир (например, советский турист в Париже) и др.

Ситуации нового ментального мира могут вступать в противоречие с ситуациями дореволюционного мира, но это не является системной линией (например, продуктовые магазины при царе и в настоящее время). Ситуации нового ментального мира вступают в оппозицию с ситуациями капиталистического мира (в Париже, в Лондоне; на одном из заводов Форда; советский турист приехал в НьюЙорк и пришел в ресторан): *у нас — у них; здесь — там*. Эта оппозиция проходит через весь свертхтекст.

Можно говорить об устойчивых метафорах, изображающих тоталитарное государство в таких условных ситуациях, как *ад*; *социалистический ад*; *сумасшедший дом*.

Новый ментальный мир в свертхтексте анекдотов — это мир квазисимволов, обмана и лжи. Ложь трактуется прежде всего как официальная политика оболванивания народа. Приведем отдельные примеры, иллюстрирующие лживость официальных мифов и догм:

Дзержинский звонит Ленину:

— Владимир Ильич, завтра субботник, а у нас с вами *надувное бревно* украли.

Армянское радио:

— Что такое *наручники*?

— *Узы дружбы*.

Попутно отметим, что демифологизация догмы, связанной с *нерушимой дружбой народов СССР*, осуществляется разными средствами и составляет особую контридеологическую линию полити-

ческих анекдотов. Объект комического — лживость официальной прессы:

— Что такое слухи?

— Это то, что передано по Би-Би-Си и опровергнуто «Правдой», а потом подтвердилось.

Ср. условную ситуацию: ...Наполеон: — Если бы у меня была газета «Правда», мир бы до сих пор не узнал о моем поражении при Ватерлоо!

Высмеивается лживость официальной статистики!

— Чем закончатся выборы в Верховный Совет СССР через 10 лет?

— Не можем ответить, потому что точные данные этих выборов на днях украли из секретариата ЦК КПСС.

Ложь проникает в повседневную жизнь, во все ее сферы. Приведем отдельные примеры.

Ложь во спасение науки и научной карьеры: На защите диссертации по теоретической физике диссертант неоднократно *ссылался на какого-то Однокамушкина*. После защиты один профессор подошел и тихо спросил:

— *Кто такой Однокамушкин?*

— *Это Эйнштейн.*

Ложь во имя свободы: *Лучше стучать, чем перестукиваться;*

— Вы, товарищ, прямо скажите, не вилляя: *стоите ли вы за советскую власть?* — Конечно! *Лучше за нее стоять, чем сидеть.*

Ложь, как свидетельствуют анекдоты, становится необходимым средством языковой обороны в обыденной повседневной риторике и средством языкового идеологического наступления в официальной советской риторике.

Новый ментальный мир — это царство абсурда.

Абсурдно, например, вмешательство партии во все сферы жизни. Идеологема *руководящая роль партии* разрушается, наталкиваясь на многочисленные абсурдные ситуации. Приведем отдельные примеры:

Жена партработника родила девочку. Мужу сообщили об этом.

— *Почему девочку?* — негодует он. — *Вы разве не получали руководящих указаний из райкома?*

— *Может ли змея сломать себе хребет?*

— *Да, если она будет ползти, следуя генеральной линии партии.*

...Мне в лагере дали второй срок. Поручили мне

организовать хор. Так я собрал воров и проституток, и мы пели: «Партия — наш рулевой!»

Абсурдны так называемые достижения советского сельского хозяйства:

Чукча выступает на съезде передовиков сельского хозяйства, делится опытом: как у них в тундре картофель сажают...

Абсурдна и сама идеологема *передовик труда*; абсурдны основания для награждения и официального поощрения:

— Слыхали: директор нашей спичечной фабрики награду получил!

— Это еще за что?

— Диверсанты цистерну с бензином поджечь хотели на военном аэродроме, и не смогли! Спички не загорелись!

Абсурдны результаты плановой экономики и плановых репрессий:

— Как ощущаются результаты первых сталинских пятилеток?

— Лес рубили, щепки летели, дров наломали, а топить нечем.

Образное обобщение устанавливает вполне определенную точку зрения на новый ментальный мир.

Особый прием антитоталитарного языка связан с деритуализацией ситуации.

Ритуал — способ культивирования и возвышения идеологических стандартов — сопровождает организацию многих официальных ситуаций тоталитарной системы: *партсобрание, съезд, пленум, похороны вождя* и т. д. Включение подобной ситуации в низкий жанр анекдота — вызов тем традициям, которые вырабатывает тоталитарная система. Оценка ритуализированной ситуации всегда противоположна той, которая имеется в опорной системе. Например: Армянское радио:

— На какие категории граждан делятся советские люди?

— На красных и черных. Черные — это те, кто ездит в черных «Волгах», ест черную икру и получает товары с черного хода. Красные — это те, кто с красным носом ходит 1 Мая и 7 Ноября на Красную площадь с красным флагом.

Непременные атрибуты ритуализированной ситуации демонстрации на Красной площади — красные флаги и деталь красный нос на базе семантической оппозиции черные — красные и семантических вариантов прилагательного красный (принадлежащий к политическому движению + покрасневший от холода) де-

ритуализируют ситуацию, разрушают символы солидарности и ликования.

Анекдот, деритуализирующий ситуацию, высмеивает то или иное ритуальное действие, представляя его как ненужное, нелепое, обременительное, неестественное, насильственно навязанное. Например:

Заснувшему в автобусе наступили на ногу. Он проснулся и заплодировал.

— Что с вами, гражданин?

— Понимаете, когда я засыпаю на собрании, друг наступает мне на ногу, когда надо аплодировать.

Постоянно высмеиваются такие неперенные атрибуты советских ритуалов, как лозунги и плакаты. Например: Новый лозунг к XXVI съезду КПСС: «Ответим на красный террор белой горячкой». Лексическое наполнение стандартного лозунгового призыва доводит этот призыв до абсурда.

Замкнутое пространство и способы его преодоления

Замкнутое пространство, как мы пытались показать, — примета тоталитарного мира, отражающая его сущность. Тенденция к преодолению замкнутого пространства отличает сверттексты антитоталитарного языка.

Образ замкнутого пространства является сквозным в сверттексте политических анекдотов. Принципом отражения реальности здесь является установочная метафора, создающая обобщенный или атомарный образ пространства.

Обобщенный образ замкнутого пространства: СССР — тюрьма, зона, лагерь, камера:

— Что такое СССР?

— Это *камера*, в которой все совмещено: спальня, столовая, сортир, работа.

Такая аналогия разрушает миф о самом свободном государстве в мире.

Закрытое пространство предстает в образе сумасшедшего дома. Здесь также наблюдается высокая степень образного обобщения:

В сумасшедшем доме построили плавательный бассейн. Больные довольны, и инспектор слышит от них радостное:

— Мы же прыгаем в него! А скоро и воду обещали дать...

Реакция ликования в абсурдной ситуации автоматически переносится на аналогичные реакции в обыденной советской жизни.

Регулярно реализуется атомарный образ закрытого пространства. *Тюрьма, лагерь, камера, решетка* — прямые его сигналы. Замкнутость, изоляция — наказание за отступления от идеологических предписаний режима:

— В чем состоит кредо советского обывателя?

— Лучше смотреть на все сквозь пальцы, чем сквозь *решетку*;

В тюремной камере.

— За что *сидишь*?

— Да анекдот рассказал. А ты за что?

— А я слушал анекдот.

— Эй, друг, а ты?

— За лень. Был я на вечеринке, а там один рассказал политический анекдот. Домой шел, думал: донести — не донести, и не донес, поленился. А кто-то не поленился...

Здесь закрытое пространство (тюрьма) — возмездие за попытки инакомыслия и недоносительства.

Образ замкнутого пространства динамичен. Динамика часто основана на *мифе о победе коммунизма во всем мире*. Расширение пространства, однако, не преодолевает его замкнутости: Например:

Хрущев обратился к Кеннеди с просьбой продать зерно. Кеннеди продал, но спросил: «А когда вы распространите коммунизм по всей Земле — где тогда хлеб покупать будете?»

Коммунизм таким образом осмысливается как причина лишений и одновременно замкнутости.

Время не преодолевает замкнутость, а лишь усиливает ее:

Директор завода по производству колючей проволоки выступает перед учениками техучилищ, агитируя их идти работать на его завод:

— Наш завод за все время работы изготовил столько колючей проволоки, что ею можно опутать всю страну! А в новой пятилетке мы произведем столько проволоки, что ею можно будет опутать всю Землю.

Так миф о мировом коммунизме трансформируется в миф о мировой тюрьме.

Вариант мифа о мировой тюрьме (расширение замкнутого пространства) находим в цикле так называемых китайских анекдотов, отражающих эпоху ужесточения тоталитарной системы в Китае. Эти анекдоты имеют прямую аналогию с русскими сюжетами и содержат образ расширения географического и социального пространства:

Тюрьма. Открываются двери двух камер — Картер с Брежневым идут навстречу друг другу. Картер:

— Леонид, достаточно ли мы разоружились?

К ним подходит стражник-китаец:

— Хватит болтать! Назад в камеру!

На этом фоне любая идея расширения пространства осознается в границах, возводимых коммунистической идеологией (в данном случае — в ее китайском варианте):

После того, как Дэн Сяо Пин узнал о книге Брежнева «Малая земля», он тоже написал книгу «Мало земли».

Движение времени сопровождается варьированием закрытого пространства, но не его разрывом. Неожиданным для нас оказался вывод о том, что в анекдотах не преодолевается *миф о незыблемости советской системы*. Он может быть сформулирован прямо, безальтернативно:

Еврей подает заявление на выезд. Его спрашивают в ОВИРе:

— Какие причины вас побуждают к выезду?

— Первая: мой сосед по коммуналке говорит, что вот-вот кончится советская власть, и он тогда придушит меня и всю мою семью.

— Ну, *советская власть никогда не кончится!*

— *А вот это вторая причина.*

Недеформированный миф о незыблемости советской системы приводит к формированию идеи о невозможности разрыва замкнутого пространства внутри советской страны. Анекдоты, развивающие идею превращения СССР (замкнутое пространство) в свободную страну (открытое пространство) не складываются в циклы, а сама идея не приобретает характера лейтмотива. Образ замкнутого пространства создается с позиции человека, живущего в этом пространстве и не помышляющего разорвать его изнутри, сделать свое жизненное пространство открытым:

При Ленине было, как в метро: кругом темно, а впереди одна лампочка.

При Сталине — как в автобусе: половина сидит, половина трясется.

При Брежневе — как в самолете: один за штурвалом, остальных тошнит.

А при Горбачеве — как в такси: чем дальше, тем дороже.

Обращает на себя внимание тот факт, что все четыре аналогии основаны на образах замкнутого пространства, в которое помещен народ.

Еще одна причина непреодолимости замкнутого пространства — *миф о незыблемости КГБ* (смена аббревиатур несущест-

венна). Символ тайной полиции, насилия не разрушается временем:

Из интервью Андропова Армянскому радио:

— Какие перемены предвидятся во внешней и внутренней политике СССР?

— Кагебыло — кагебудет!

Динамика пространства во времени не сопровождается трансформацией в открытое пространство. Возможность преодоления замкнутости связывается главным образом с перемещением человека в другой (свободный) мир, находящийся за пределами СССР и социалистического лагеря. В свертхтексте анекдотов не деформируется *контридеологический миф о свободном Западе* (вообще «их мифы», как правило, не являются смеховыми объектами). Ср.:

Рабиновича пустили в туристическую поездку. Он присылает телеграммы отовсюду:

«Привет из свободной Болгарии. Рабинович.»

«Привет из свободной Румынии. Рабинович.»

«Привет из свободной Венгрии. Рабинович.»

«Привет из Австрии. Свободный Рабинович.»

Вербально-ассоциативная связь *граница — свобода* (освобождение) является постоянной. Свобода мыслится как преодоленная (по случаю; обманным путем; насильственно) граница, — преодоленное замкнутое пространство советской страны:

— Может ли советский человек свободно высказывать свое мнение?

— Да, если он пересек границу и не думает возвращаться.

Случается фигуральное представление образа границы:

Армянское радио:

— Почему советское руководство не хочет послать своих спортсменов на Олимпиаду в Лос-Анджелес?

— Боится, что они побегут дальше финиша.

Государственная граница СССР часто предстает как единственное препятствие преодоления замкнутости. Контридеологический *миф о полной свободе на Западе* развивается в советских анекдотах и служит базой для формирования идеи преодоления замкнутого пространства посредством уничтожения границ:

Открыл Горбачев границы. Просыпается на следующий день — нет рядом жены. Выходит на улицу — ни души! В Кремле — ни души! Кругом пустота... Вдруг звонит телефон:

— Михаил Сергеевич, как дела? Это Лигачев беспокоит...

— Егор Кузьмич, дорогой, что произошло?

— Говорил же я вам, Михаил Сергеевич: нельзя открывать границы... Все разъехались... Весь Союз...

— Вот это да! Так, значит, мы одни с вами остались?

— Почему мы с вами? Я из Швеции звоню!..

Уничтожение границ изображается в условной ситуации, а сама замкнутость пространства страны интерпретируется как насильственно навязанная. Естественный прорыв кольца в анекдотах советского периода не моделируется.

Серия анекдотов о террористах развивает ситуацию насильственного преодоления замкнутого пространства, при этом в облике террористов предстают люди разных национальностей и разного возраста:

В кабину пилота врывается тип с пистолетом:

— Лети в Лондон!

— Не могу, у меня в салоне старушка с гранатой сидит, так ей в Париж нужно!

Потребность преодоления замкнутого пространства ощущается в анекдотах на космическую тему. Идея прорыва замкнутости доводится до абсурда: Например:

Армянское радио:

— Почему Советский Союз не запускает космонавтов на Луну?

— Есть опасение, что они станут невозвращенцами.

Открытое космическое пространство порой представляется доступнее, чем земное, расположенное за пределами советских границ:

После лекции на тему «Когда можно будет проводить отдых на Луне?» лектору задали вопрос: «А когда можно будет проводить отдых в Швейцарии?»

Анализ показывает, что в свертхтексте политических анекдотов наблюдается лишь частичное преодоление замкнутого пространства, присутствующего, как представляется, в картине мира всех советских людей.

Время — вперед?

Свертхтекстовое время в абстракции от конкретных текстов повторяет модель свертхтекста-основы. Организующий центр времени, точка его отсчета — Октябрьская революция; глубокая ретроспекция ассоциируется с дореволюционным периодом (при царе); будущее время неизменно связано с дорогой к коммунизму.

Октябрьская революция — событие, как и в свертхтексте-ос-

нове определяющее темпоральную структуру, дегероизируется. Событие, фиксирующееся в тексте анекдота, вбирает в себя неприглядные факты:

Из репродуктора доносится: «Великая Октябрьская революция навеки освободила народ от цепей капитализма». Старушка — внизу:

— Точно, так и было! Помнится, пришли к нам тогда матросы, все перерыли и сняли с меня золотую цепочку...

Достоверность грабежей усиливается точкой зрения персонажа-очевидца. Революционный матрос предстает в образе воришки.

Октябрьская революция — антиутопия:

— Что дала Октябрьская революция простому народу?

— Раньше господа заходили в магазины с парадного входа, а простонародье — с черного, а теперь простонародье заходит в магазин с парадного входа, а господа — с черного.

Параллельно разрушается миф о бесклассовости советского общества.

Октябрьская революция — незначительный эпизод на фоне большой человеческой жизни:

Столетний горец встречает в горах своего друга.

— Послушай, помнишь, ты мне в семнадцатом году рассказывал о какой-то заварушке в Петрограде. Чем это все закончилось?

Октябрьская революция (переворот) — уголовное преступление, лишившее народ свободы:

— Сколько продержится советская власть?

— До 7 ноября 1927 года.

— Почему именно столько?

— А по нашему уголовному закону срок лишения свободы не должен превышать десять лет.

Октябрьская революция — роковое событие, которое не должно повториться:

Ленинград. Туристы осматривают крейсер «Аврора».

— Скажите, а почему у знаменитой пушки стоит часовой?

— Чтобы кому-нибудь снова не пришло в голову выстрелить.

Глубокая (дальняя) ретроспекция всегда окрашивается положительной коннотацией: *раньше, при царе* жизнь была сытой и свободной:

Революция свершилась. Коммунист восторженно убеждает свою мать:

— Ну, теперь у нас всего вдоволь будет: и еды, и товаров! И за границу пускать будут!..

Мать радуется в ответ:

— Ну совсем *как при царе!*

Дальняя ретроспекция всегда окрашена ностальгической то-нальностью. В приводимом ниже анекдоте сигналами времени в его историческом развитии служат топонимические наимено-вания одного и того же города:

Социологический опрос:

— Где вы родились?

— В *Санкт-Петербурге*.

— Где ходили в школу?

— В *Петрограде*.

— Где проживаете сейчас?

— В *Ленинграде*.

— Где хотели бы жить?

— В *Санкт-Петербурге*.

Новое время, начинающееся с залпа «Авроры», восприни-мается как время советское, бесконечно длящееся: советская власть никогда не кончится, при советской власти невозможны существенные перемены:

В 2000-м году американские туристы — бывшие со-ветские евреи — посещают Одессу:

— Смотрите, нигде ни одного еврея!

— Точно! Нет, постой, а вот эта?.. Простите, вы еврейка?

— Я еврейка? Я идиотка!

Сигналы настоящего — конкретные имена, даты, факты, имена вождей: *при Ленине, при Сталине, при Хрущеве, при Брежневе*. Имя вождя — единица измерения времени. Даты представлены нерегулярно. Часто их подменяют факты. Ср.: Убили Кирова; во время речи Сталина на XVIII съезде...; во время Ялтинской конференции; после смерти Сталина; в раз-руху 1954 года и др. Движение времени сопровождается посто-янным ухудшением положения народа при постоянном контроле *сверху* и наблюдении *снизу*:

Телефонные звонки.

20-е годы: «ГПУ? Наш сосед Рабинович ложками черную икру жрет. Присмотритесь к нему!»

40-е годы: «МГБ? Наш сосед Рабинович ложками сгущенное молоко жрет. Присмотритесь к нему!»

80-е годы: «КГБ? Наш сосед Рабинович три раза в день жрет. Присмотритесь к нему!»

Сигналы времени — аббревиатуры, обозначающие наименова-ния одного карательного органа в разные годы существования

советской власти.

Единицей измерения времени для советского народа является партийный съезд:

— Лева, как тебе кажется, дойдем мы до коммунизма?

— Ни в коем случае!

— Но почему?

— Так ведь у нас каждый съезд — поворотный.

Особый поворотный сигнал времени — XX съезд. Ср.:
На XX съезде, после XX съезда...

Единицей измерения советского времени является юбилей:

В психбольнице комиссия обследует идиота.

— Ваше имя? — Эээ...

— Фамилия? — Бээ...

— На что жалуетесь? — Мээ...

— А какой нынче год? — *Юбилейный.*

СССР имеет свое прошлое (ближняя ретроспекция) и настоящее. Советское время поворачивается вспять:

Прошлое и настоящее СССР: в прошлом *культ личности*, сейчас — *культ безличности*.

Ср.: Новый генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов выступает с новогодним поздравлением советскому народу 31 декабря 1982 года:

— Дорогие товарищи! Поздравляю вас с наступлением *нового 1937 года!*

Будущее время (коммунизм) подается в двух формах: как условно наступившее и как гипотетически возможное. Фиксируется срок наступления коммунизма. Содержательная сторона жизни изображается как продленное усугубленное настоящее:

Через сто лет. Коммунизм. Внук спрашивает бабушку:

— Что такое очередь?

— Ну это при социализме было. Люди становились в ряд, один за другим, и им выдавали масло и колбасу.

— Что такое колбаса?

Гипотетическое будущее, будущее-мечта, моделируется аналогично — как жизнь, лишенная необходимого, как царство дефицита:

Лектор говорит:

— При коммунизме у всех все будет: дома, машины, вертолеты...

Одна старуха спрашивает:

— Сынок, а на что мне вертолет?

— Ну, бабуля!.. А вдруг узнаешь, что в Киеве макароны дают! Вот и слетаешь!

Коммунизм в его традиционном официальном понимании признается миражом. Миф разрушается:

— Что такое *горизонты коммунизма*?

— *Как и всякие горизонты: видимая линия, удаляющаяся по мере нашего к ней приближения.*

Главная задача советского народа — построение коммунизма — в политических анекдотах интерпретируется как бессмысленная, однако иное будущее страны в свертхтексте анекдотов не моделируется.

Даже эскизный анализ показывает, что политические анекдоты советского периода были средством целенаправленного языкового сопротивления. В анекдотах, однако, не полностью преодолены структурные ограничения тоталитарного языка: замкнутое пространство и искаженное время — без содержательного исторического прошлого и без реального исторического будущего. Движение времени вперед — лишь иллюзия. Иллюзорный характер будущего времени (коммунизма) осмысливается народом как реальность. Вместе с тем, человек, заключенный в замкнутое пространство советской страны, вынужден жить и смеяться в новом ментальном мире. Ценностные основы этого мира выступают как объекты смехового. Идеологемы и мифы разрушаются под воздействием смеха.

Языковое сопротивление и языковая оборона сопровождаются интерференцией: антитоталитарный язык усваивает некоторые структурные особенности языка тоталитарного, сосуществуя рядом и в контакте с последним.

ЯЗЫКОВОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ („ГАРИКИ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ“ ИГОРЯ ГУБЕРМАНА)

Образ автора

Игорь Губерман — имя новое для нашего читателя. Том «Гариков» впервые у нас был опубликован в 1992 году (Губерман, 1992). Можно отметить отдельные публикации в газетах, журналах, единичные радио- и телевыступления (при отсутствии серьезных критических исследований). Языковое новаторство поэта, его независимая позиция, способность оставаться самим собой и сохранять чувство собственного достоинства — все это побудило нас коснуться его «гариков» в связи с анализом форм, способов языковой обороны и языкового противостояния.

И. Губерман прошел школу лагерей и в период застоя выехал в Израиль. Тоталитарная система в ее послесталинском варианте — объект его постоянных наблюдений; язык — средство

характеризации этой системы и утверждения собственного «я».

«Гарики на каждый день» объединяют два тома четверостиший, отражающих точку зрения автора на мир.

Мы рассматриваем «Гарики на каждый день» как сверхтекст — однотипно структурированный (элементы сверхтекста — четверостишия-афоризмы); объединенный темпорально (в сверхтексте зафиксирована эпоха тоталитаризма) и локально (Россия советского периода — единый затекстовый денотат); характеризующийся индивидуальной авторской позицией; адресованный соотечественнику, который готов вместе с автором думать и смеяться.

Образ автора (Виноградов; Успенский) комбинируется из ряда параметров. В их числе — демографические: национальность, возраст, пол. Автор — русский еврей, создающий русскую культуру. В словосочетании *русский еврей* скрыт глубокий социальный и исторический смысл: еврейское и русское в едином культурном контексте соединяются, не подавляя одно другое (здесь возникает аналогия со сверхтекстом политических анекдотов):

За года, что ничуть я не числю утратой,
за кромешного рабства глухие года
столько русской земли накопал я лопатой,
что частицу души в ней зарыл навсегда.

Ср.: Живым дыханьем фразу грей,
а не гони в тираж халтуру;
сегодня только тот еврей,
кто теплит русскую культуру.

Возраст автора (оппозиция *молодой* — *стареющий*) постоянно присутствует в «гариках», но в социально-историческом контексте важнее другое: поэт — летописец эпохи: «Все время оставаясь за столом», он осмеливается «рисовать свое время».

Параметр пола особенно значим для самого Губермана — легкомысленного любимца женщин и женолюба, для которого легкий флирт порой важнее, чем мировые вопросы:

Ты кукуешь о праве и вольности,
ты правительствам ставишь оценки,
но взгляни, как распущены волосы
вон у той полноватой шатенки.

В сверхтексте как содержательном и модальном целом формируется взгляд на мир конкретного живого человека, наделенного недостатками и достоинствами. Это очень важно для исследования тоталитарного языкового сознания. Напомним, что все рассмотренные нами сверхтексты, включая агитационную поэзию Маяковского, характеризовались обобщенной авторской позицией.

В отличие от Маяковского, который ощущал себя агитатором, наставником, «ассенизатором», рупором идей партии, Губерман видит назначение поэта в другом:

поэт не врач, он только боль,
струна, и нерв, и прут антенны.

Он, в ком «преобладает смех», просто смешит:

И спросит Бог: никем не ставший,
зачем ты жил? Что смех твой значит?
— Я утешал рабов уставших, —
ответу я. И Бог заплачет.

И. Губерман многосторонне и весьма критично оценивает собственное «я». Я — продукт времени и системы. Основные мотивы: *рабства* (Лично я *раболепен...*; да, здесь я *раб...*); *тенденциозного воспитания* (набит *мировоззрением*); *скептицизма* (ни во что без остатка *не веря...*, растленный *циник*, я не стыжусь, что ярый *скептик...*); *внутренней несвободы*

(Летит еврей, несясь над бездной,
от жизни трудной к жизни тяжелой,
и личный занавес железный
везет под импортной рубашкой;
я ... на свободе чуждый гость).

Автор «гариков», будучи человеком своей эпохи, стремится взглянуть на нее со стороны, независимо — мотив *остранения* (...чем человек подлей, тем больше чести *тому, кто с ним не заодно*: Лишь *сосед я веку своему*). Мотив *остранения* поддерживается мотивом *неприятия тоталитарных традиций, ритуалов и предписаний* (я *враг дискуссий и собраний*; не в силах жить я *коллективно*;

Нет, я не лидер, не трибун,
с толпой взаимно мы прохладны;
те, кто рожден вести табун,
должны быть сами очень стадны;

В борьбе за народное дело я был *инородное тело*).
Предписания системы не признаются в целом:

Я прожил жизнь как дилетант —
ни в чем ни знаний, ни системы,
зато писал я не диктант,
а сочинение без темы;
Один дышу, одно пою,
один горит мне свет в окне —
что проживаю жизнь свою,
а не навязанную мне.

И. Губерман претендует на собственное место в жизни. Он не подчиняется навязанным догмам. Позиция человека противостоит официальной идеологической позиции государства.

Автор расценивает Россию как страну, «где жить невозможно», как «гиблущую почву», но вместе с тем он скован со своей Родиной «общей цепью». Через весь свертхтекст проходит *мотив*

любви и жалости к кровавой и проклятой родине, внедряемый с помощью оксюморона:

Любовь моя чиста, и неизменно
пристрастие, любовью одержимое;
будь проклято и будь благословенно
отечество мое непостижимое.

Ср.: «...привязан сердцем к родине кровавой...»
Жалость к родине переплетается с любовью:

Мне *жаль* небосвод этот синий,
жаль землю и жизни осколки;
мне странно, что сытые свиньи
страшней, чем голодные волки.

Мотив любви и жалости не противопоставляется мотиву ненависти. В картине мира поэта нет такой категории. Его средство — ирония, смех:

Наш разум лишь смехом полощется
от глупости, скверны и пакости,
а смеха лишенное общество
скудеет в клиническом пафосе.

Характерно, что страх за Россию соединяется с личным бесстрашием (тюрьма — отменная прививка от наших страхов перед ней; это счастье — дворец возводить на песке, не бояться тюрьмы и сумы; я не испугаюсь ничего...).

Веря, что «царство Божие внутри», И. Губерман постоянно напоминает о духовном и о душе, но предостерегает: «Кто томим духовной жаждой, тот не жди любви сограждан». *Мотив души* проходит через весь свертхтекст (*душа* моя — печальный предрассудок — хотя не существует, но болит; моя неоперабельная язва на дне несуществующей *души*; Уйти в себя, забыть вернуться, прильнуть к *душе* перед разлукой; моей *душе* привычен риск).

Легкомысленный бездельник, эпикуреец, жизнелюб, И. Губерман не снимает с себя ответственности за судьбу России. *Мотив личной вины* — один из самых важных в свертхтексте; «я» и «мы» не противопоставляются, а обобщаются и сливаются:

Диспуты, дискуссии, дебаты
зря об этом длятся сотни лет,
ибо виноватых в мире нет,
потому что *все мы виноваты.*

Личная вина входит в общую оценку мира:

Множеству того, чем грязно время,
тьме событий, мерзостных и грустных,
я легко отыскиваю семя
в собственных суждениях и чувствах.

Мотив вины пересекается с *мотивом возмездия*:

Тюрьма была отнюдь не раем,
но часто думал я, куря,
что, как известно, Бог — не фраер,
а значит, я *сизжу не зря*.

Образ автора в свертхтексте в особенности значим для понимания позиции независимого человека, пытающегося противостоять давлению официальной системы.

Время: преодоление идеологической структуры

Время в свертхтексте имеет тенденцию к обобщению: *эпоха, век, годы, наше время*. Эпоха характеризуется емко и определенно: эпоха грандиозных заблуждений; сознание свихнувшейся эпохи безумствует на русском языке; эпохи крупных ослеплений; года растленья, лжи и страха; года несправедливых гонений; кровавого рабства глухие года; из нашего времени тошного; Кровавый был век. Жесток и лжив. Лишен и разума и милости...

Ложь, страх, насилие, кровь, угнетение, жестокость и даже утопизм заданы в значительной мере главным событием — революцией. Слово *революция* — одно из немногих слов-идеологем в словаре И. Губермана (варианты: *эксперимент, переворот, переустройство, взрыв*). Сама идеологема оценивается на фоне перспективы:

Власть и деньги, успех, *революция*,
слава, месть и любви осязаемость —
все мечты обо что-нибудь бьются,
и больше всего — о сбываемость.

Революция характеризуется как кровавый эксперимент, который не должен повториться ни в России, ни в какой-либо другой стране:

Навеки мы воздвигли монумент
безумия, крушений и утрат,
поставив на крови *эксперимент*,
принесший негативный результат.

И. Губерман говорит о революции вообще (безотносительно к месту и времени) как о перевороте, который тормозит время и не оставляет надежды на достойное будущее:

Теперь любая революция
легко прогнозу поддается:
где жгут Шекспира и Конфуция,
надежда срамом обернется.

Событие века не определяет членение времени, как в опорном свертхтексте, а прекращает движение социального времени

вперед. Идеологическая темпоральная структура (дооктябрьское — Октябрь — пооктябрьское время), в отличие от агитационного сверткества Маяковского, преодолевается.

Русская революция — это грех, а жизнь в рабстве — возмездие за грех:

Назначенная чашу в срок испить,
Россия — всем в урок и беспокойство —
распята, как Христос, чтоб *искупить*
всеобщий смертный грех переустройства.

Социальное время квазидинамично: скованное системой, лишенное исторической памяти, оно не имеет возможности преодолеть эту систему и движется по кругу — из тьмы во тьму:

Где лгут и себе и друг другу,
и память не служит уму,
история ходит по кругу
из крови — по грязи — во тьму.

Бесперспективность сопровождает ход времени и ощущается каждым человеком:

За осенью — осень. Тоска и тревога.
Ветра над опавшими листьями.
Вся русская жизнь — ожиданье от Бога
какой-то неясной амнистии.

Круговое движение времени, его безысходность — следствие утопического идеологического примитивизма:

Жить и нетрудно и занятно,
хотя и мерзостно неслыханно,
когда *в эпохе все понятно*
и все настолько же безвыходно.

Придавленный временем, человек все же может разглядеть *день, минуту* и зафиксировать время по живому содержанию момента. Социальное и житейское время таким образом противопоставляются: Быстрых *дней течение*; По времени скользя и спотыкаясь, мы *шьем*ся сквозь *минуты и года*; *сто тысяч сигарет тому назад* таинственно мерцал вечерний сад; Я жизнь люблю, *вертящуюся юрко в сегодняшнем пространстве и моменте*, моя живая трепетная шкурка милее мне цветов на постаменте; Счастливые всегда потом рыдают, что вовремя *часов* не наблюдают...

Введение человеческого фактора в темпоральную структуру — способ противостояния тоталитарным предписаниям, позволяющий преодолеть идеологически заданную структуру.

Миф о коммунизме как будущем человечества беспощадно разрушается содержанием сгущенного настоящего:

Двадцатый век настолько обнажил
конструкции людской несовершенство,

что явно и надолго отложил
надежды на всеобщее блаженство.

Противопоставление социального и человеческого времени частично нейтрализуется: будущее России не представляется И. Губерману определенным, но оно соединяется с будущим человека:

Чему бы вокруг ни случиться,
тепло победит или лед,
страны этой странной страницы,
мы влипли в ее переплет.

Будущее реально связывается с прекращением тоталитарного времени — времени утопий и заблуждений. Вместе с тем Губерман не исключает возможности продления тоталитарного времени и объясняет это живучестью идеологической системы*:

*Эпохи крупных осмыслений
недолго тянутся на свете,
залившись кровью поколений,
рожденных жить в эпохи эти;
Года неправедных гонений
сочат незримый сок заразы,
и в дух грядущих поколений
ползут глухие метастазы.*

Время тоталитаризма таким образом не определяется лишь именем вождя и событием: оно мотивировано идеологически.

Противопоставление *социального и житейского времени* — попытка возвысить человека над системой, утвердить приоритет личного над общественным. Человек разрывает идеологические тиски времени, перемещаясь в свой мир.

Навязчивый образ замкнутого пространства

Если согласиться с тем, что картина мира — это закрепившаяся в языковой системе понятийная структура, а лексика выступает в функции своеобразного классификатора мира (Гжегорчикова, 1990, с. 17), следует обратить особое внимание на отбор лексических сигналов пространства. Регулярно Губерман

* Ср. предостережение Б. Окуджавы, прозвучавшее совсем недавно: «Ситуация сложная: с одной стороны, мы находимся в таких обстоятельствах, когда, как это ни печально, как это ни страшно, нам трудно обойтись без авторитарного режима. Но, с другой стороны, в условиях нашего общества он тут же перерастет в тоталитарный — как быть? То есть нужна сила, но не насилие, нужна жесткость, но не жестокость! Сила — это средство защиты, насилие — это средство давления, а у нас очень легкомысленно относятся к своему любимому языку и путают понятия» (Литературная газета. 11.05.94. № 18—19 (5499)).

использует слово *Россия*, игнорируя *Советский Союз* и все без исключения топонимы советского периода с идеологическим наращением (Комсомольск, Сталинград, Ленинград и др.). Эта тенденция перерастает в конструктивный прием — прием языкового противостояния. Автор пытается выйти за границы наванного системой пространства, противопоставить ему пространство внутренней жизни человека и жизненное человеческое пространство, однако «невидимая рука языка» не освобождает И. Губермана из «плена дихотомий» (Келлер, 1992, с. 18—19).

Внесенная тоталитарным мышлением в картину мира оппозиция *закрытого и открытого пространства* проходит через весь сверхтекст.

Россия — страна, изолированная от мира, замкнувшая себя в плен:

Мне повезло: я знал *страну*,
одну-единственную в мире,
в своем же собственном плену
в своей *живущую квартиру*.

Метафорическое представление замкнутости российского «губельного пространства» многократно варьируется: *квартира, плен, застенок, тюрьма, камера, камерная параша, барак, клетка, оковы, железный занавес, ров, кювет, сажать, посадить, глухой, безвыходный...*

Российское пространство — это пространство тюремное. Российская жизнь — «смесь курорта и тюрьмы». Семьи насилия, металлического, холодного, темного, глухого, безвыходного пересекаются с соответствующими семантическими компонентами пространства лагерной поэзии.

Открытое пространство представлено цепочкой ментально узнаваемых сигналов: *пространство, дорога, простор, пустырь, шоссе...* Как и в лагерной поэзии, открытое пространство замыкается, оказывается безвыходным:

*Беспечны, безучастны, беспризорны
российские безмерные пространства,
бескрайно и безвыходно просторны,
безмолвны, безнадежны и бесстрашны.*

Человек в «русских пространствах глухих» лишается свободы, чувствует себя «пригвожденным» к этому пространству. *Лейтмотив неволи, несвободы* является фундаментальным в сверхтексте. В неволе живет вся страна. Неволя становится приметой социального, жизненного, личного пространства. Неволя проникает в душу и растлевает ее:

У жизни свой, иной оттенок,
и жизнечувствие свое,
когда участвует *застенок*
во всех явлениях ее;

По крови проникая до корней,
пронизывая воздух небосвода,
неволя растлевает нас сильнее,
чем самая беспутная свобода.

Человек оказывается частью народа, обреченного на несвободу:

Привычные безмолвствуют народы,
беззвучные горланят петухи;
*мы созданы для счастья и свободы,
как рыбы — для полета и ухи.*

Подневольность интерпретируется как причина замкнутости:

На наш барак пошли столбы
свободы, равенства и братства;
все, что сработали рабы,
всегда работает на рабство.

Миф о самой свободной в мире стране высмеивается и разрушается.

В отличие от лагерной поэзии «гарики» Губермана не драматизируют судьбу заключенного:

Конечно, здесь темней и хуже,
но есть достоинство свое:
*сквозь прутья клетки небо глубже,
и мир прозрачней из нее.*

Оппозиция *замкнутого* и *открытого* преодолевается лишь благодаря воображению человека, его непреодолимому стремлению к свету. Вместе с тем возможности человека оказываются ограниченными:

Свобода, глядя беспристрастно,
тогда лишь делается нужной,
когда *внутри меня пространство
обширней камеры наружной.*

В дихотомии *замкнутое наружное — замкнутое внутреннее* пространство сильнее оказывается внутренний мир человека. Полного преодоления замкнутости не наблюдается.

Гораздо драматичнее, по Губерману, хроническое ощущение внутренней личной несвободы. Динамика оппозиции *здесь — там* (за пределами России) не освобождает человека ни от привязанности к родине, ни от ощущения личной несвободы:

С моим отъездом шов протянется,
кромсая прямо по стране
страну, которая останется,
и ту, которая во мне;
Уехать. И жить в безопасном тепле.
И помнить. И мучиться ночью.
*Примерзла душа к этой стылой земле,
вросла в эту гиблущую почву.*

Образ внутренней несвободы обобщается, связываясь не только с авторским «я», но и с каждым русским:

Чем дряхлый этот раб так удручен?
Его ведь отпустили? Ну и что же.
Теперь он на свободу обречен.
А он уже свободно жить не может.

Разрабатываемый в политических анекдотах новый миф о свободе на Западе становится несущественным: «личный занавес железный» надежно «обороняет» россиянина от дуновений нездешнего ветра свободы.

Итак, ментально заданное открытое пространство насильственно замыкается.

Идея замкнутости не преодолевается независимой позицией: в картине мира каждого носителя тоталитарного языка присутствует навязчивый образ замкнутого пространства, деформирующий образ действительности.

Человек, новый ментальный мир и традиционные ценности

Новый ментальный мир в целом воплощается в системе, противопоставленной традиционному российскому ментальному миру. Система в «гариках» получает более развернутую, чем в сверхтексте политических анекдотов, характеристику: *бардак, парад, рай, где применяется смола, с безумным уголовным режимом, основанным на утопической теории, лжи, страхе, крови, насилии, дряхлая, бесноватая, подлая.*

При характеристике традиционного ментального мира разрабатывается миф об уникальности русского пути. Сигналы уникальности: *неясный, непостижимый, причуда, причудливый, абсурд, чудеса, избранность, юродивый, диковинный, непохожий, странный, наоборот; Российский нрав прославлен в мире, его исследуют везде...; Сильна Россия чудесами.* Губерман иронизирует над гиперболизацией идеи уникальности русского: Причудливее нет на свете повести, чем повесть о причудах русской совести; Давно пора... мать, умом Россию понимать*; Не вижу в русском рабстве неумытом ни избранности признак, ни величия;

Блажен тот муж, кто не случайно,
а в долгой умственной тщете
проникнет в душ российских тайну
и ахнет в этой пустоте.

* Губерман часто употребляет нецензурные слова, скорее всего, как средство языкового протеста. На месте этих слов мы ставим многоточие.

Традиционный ментальный мир вбирает извечные ценности: *мораль, добро, дух, свобода, земля, дом, семья, женщина, отец, сын, друзья, человек и его душа.*

В оппозиции *нового ментального мира и мира традиционного* побеждает последний:

Владыка наш — *традиция*. А с ней —
свои благословенья и препоны,
неписанные правила сильней,
чем самые свирепые законы.

В «гариках» наблюдаем настойчивый *мотив гибели системы*, представленный в двух вариантах: *взрыва и самоликвидации*. Прогнозирование безусловной гибели системы не было зафиксировано нами в сверхтекстах с обобщенной авторской позицией. Скорее всего, «невидимая рука» тоталитарного языка ввела в общественное сознание *идею незыблемости системы*. Эта идея подвергается разрушению под влиянием независимой индивидуальной авторской позиции. С точки зрения Губермана, взрыв системы чреват опасными последствиями; самоликвидация системы естественна и закономерна. Ср.:

чем безумней дряхлая система,
тем опасней враз ее разрушить;
Система на страхе и крови,
на лжи и на нервах издерганных
сама себе гибель готовит
от рака в карательных органах.

Кстати заметим отсутствие в сверхтексте наименований карательных органов, в том числе — аббревиатур. Само слово *орган* используется для создания каламбура.

Человек — носитель традиционных ценностей — способен противостоять системе внутренней индивидуальностью, сосредоточенностью, отсутствием иллюзий и страха, созерцательностью, несуетностью: Блажен, в ком достаточно мужества на дудочке тихо играть; небо светлее над теми, кто изредка смотрит на небо; уйти в себя, забыть вернуться; непросто — думать о высоком, паря душой в мирах беззвездных; власть боится тех, кто не боится: держи себя на тройственном запрете: не бойся, не надейся, не проси;

Героизму наше чувство рукоплещет,
героев славит мир от сотворения;
но часто надо мужества не меньше
для кроткости, терпения, смирения;
Всегда и всюду тот, кто странен,
кто не со всеми наравне,
нелеп и как бы чужестранен
в своей родимой стороне;
Когда клубится страх крошечный
и тьму пронзает лай погонь,

благословен любой, посмевавший
не задувать в себе огонь.

Чувства человека, отчужденного от толпы, разделяет автор,
никогда не теряющий чувства юмора:

Я вдруг утратил чувство локтя
с толпой кишашего народа,
и худо мне, как ложке дегтя
должно быть худо в бочке меда.

Предписанная тоталитарным языком идеологема *превосходства общественного над личным* разрушается. Человек противостоит *толпе, стаду, стае, одинаковости, похожести, безликости, бездуховности*, хотя противостояние это требует изрядного искусства.

Коллективизм и вообще равенство как универсальные принципы жизни отвергаются и высмеиваются:

Не в силах нас ни смех, ни грех
свернуть с пути отважного,
мы строим счастье сразу всех,
и нам плевать на каждого;

Навеки в душе моей пятна
остались, как страха посев,
боюсь я всего, что бесплатно
и благостно равно для всех.

Когда страна — одна семья,
все по любви живут и ладят,
скажи мне, кто твой друг, и я
скажу, за что тебя посадят;

Россия столько жизней искалечила
во имя всенародного единства...

С возрастом я понял, как опасна
стройка всенародного блаженства...

Отстаивается право человека выделяться из толпы, противостоять ее инстинктам, иметь свое лицо, быть нетипичным, не таким, как все — вопреки давлению коллективного: безликость есть отсутствие улик опасного наличия в нас личности; ...всюду тьма то харь, то рыл, а непохожих бьют по лицам...

Оппозиция *человек — толпа* развивается на базе зоометафор: Унижением, страхом и скукой человека низводят в *скоты*; здесь выбирают *овцы* сами себе *волков* себя пасти: И мерзко, и гнусно, и подло, и страх, что заразишься *свинством*, а быдло сбивается в кодро и счастливо *скотским* единством...

Заданная сверхтекстом-основой оппозиция *общественного и личного* переворачивается. Утверждается право личности на свое лицо. Подсистема идеологем, соответствующих категориям *коллективного, всеобщего, всенародного*, разрушается.

В наборе приемов языкового противостояния особую значимость приобретает прием, с помощью которого происходит фор-

мальная и семантико-идеологическая деформация прецедентных текстов.

Источники прецедентных текстов — русский фольклор, классическая мировая и классическая русская литература, «сверхтекст» идеологем и мифологем тоталитарного языка советской эпохи.

Обозначим основные разновидности деформаций прецедентных текстов, выделяя ту или иную разновидность в качестве базовой, но имея в виду склонность И. Губермана к соединению формальных средств деформации.

1. Деформация осуществляется с помощью замены элемента (элементов) прецедентного текста, с помощью вставки элемента (элементов) или одновременно с помощью замены и вставки:

— Замена одного из элементов словом с противоположным значением: И вновь ослепляемся верой, что *ведем* то, что творим; Россия показала всей планете, что гений и злодейство *совместимы*. — В данном случае противоположный по сравнению с источником смысл актуализируется благодаря отсутствию отрицательной частицы *не*.

— Замена одного из элементов словом, на которое наложено табу, или нецензурным словом (дисфемизмом — см.: Культура парламентской речи, 1994, с. 84—89):

Льется листва, подбивая на пьянство;
скоро снегами задуют метели;
смутные слухи слоются в пространство;
поздняя осень; *жиды* улетели *;
Все социальные системы —
от иерархии до братства —
стучатся лбами о проблемы
свободы, равенства и б...ства.

Языковое противостояние сопровождается эпатажем.

— Замена элемента (элементов) по метафорическому принципу:

Как рыбы, мы глубоководны,
тьмы и давления диету
освоив так, что непригодны
к свободе, *воздуху* и свету.

Замена усиливает сверхтекстовый лейтмотив свободы, развивая его на тропеическом уровне. Позиция противостояния опирается на левый контекст (мы... непригодны — сема отрицания).

— Лексическая замена сочетается с меной частеречной принадлежности слов: ...*пировать* в эпицентре чумы.

— Замена морфологической формы сочетается с вставкой: Ученье — свет, а неученье — *уменье пользоваться тьмой*.

* Глагол *улетели* — антоним к однокоренному образованию в прецедентном тексте-источнике.

— Вставка элементов выступает как самостоятельное средство деформации: *Российская лихая птица-тройка...*

2. Структурно-синтаксическая трансформация и переработка в сочетании с лексическими заменами, вставками (или без последних): Я тот никто, кто был никем, и очень был доволен этим; Кто томим духовной жаждой, тот не жди любви сограждан.

Синтаксическая переработка предложения часто приводит к формированию нового суждения по мотивам прецедентного: Неважно, что мгновение прекрасно, а важно, что оно неповторимо; Когда продажно вдохновенье, то сложно рукопись про-дать.

3. Деформация осуществляется с помощью контаминации прецедентных текстов:

Душа отпылала, погасла,
состарилась, влезла в халат,
но ей, как и прежде, неясно,
что делать и кто виноват.

Прецедентные тексты из различных источников соединяются в одном однородном ряду. Они включаются в сложное предложение с изъяснительной связью, соответствующее одному суждению, включенному в ситуацию идеологической неопределенности. Последняя противостоит идеологической прямолинейности и однозначности, предписанной сверхтекстом-основой.

Сбылись грезы Ильича,
он лежит, откинув тапочки,
но горит его свеча:
всем и всюду все до лампочки.

Прецедентные тексты *лампочка Ильича* (с пропуском элемента), *до лампочки*, соединяясь, включаются в развернутую метафору. Прецедентные тексты, коннотативно контрастные, расположенные соответственно во второй и третьей строках, создают базу для тонального оксюморона. Вторая строка — намеренно вульгарная — переkreщивается со «сниженной» четвертой строкой. В таком же соотношении первая и третья строки. Таким образом, контактно расположенные строки тонально соответственны. В целом создается образ эпохи застоя: духовная апатия людей противостоит «свету» идеологических официальных догм.

Евреи продолжают разъезжаться
под свист и улюлюканье народа,
и скоро вся семья цветущих наций
останется семьей без уroda.

Соединяются в единое целое деформированный догматический прецедентный текст и пословица. Возникает каламбур, высвечивающий государственный антисемитизм.

4. Деформация на фоне «диверсии» левого или правого контекста: На наш барак пошли столбы свободы, равенства и братства; Иных уж нет, а те далече, а кто ослаб выходит в суки;

Бывает — проснешься, как птица,
крылатой пружиной на взводе,
и хочется жить и трудиться,
но к завтраку это проходит.

Три первые строки выдержаны в духе официозных интонаций, сопровождающих выражение трудового энтузиазма. Прецедентный текст *жить и трудиться*, служащий базой для образования сложных предложений с союзом *как* (...как завещал В. И. Ленин; ...как учит партия; ...как подобает советскому человеку) или распространяемый наречием с *по-* (по-коммунистически, по-ударному, по-стахановски, по-ленински), деформируется под влиянием правого контекста. Столкновение высокого и низкого разрушает *миф о всеобщей устремленности к трудовым победам*.

Прием деформации прецедентных текстов, входящих в сверхтекст идеологем и мифологем тоталитарного языка, является универсальным приемом языкового сопротивления. В четверостишиях Губермана этот прием становится конструктивным. Средства деформации имеют тенденцию к объединению и концентрации. На осколках официальных мифов вырастают суждения высокой степени обобщения. Демифологизация, в отличие от сверхтекста политических анекдотов, затрагивает не только мифы тоталитарного языка, но и контрмифы.

Мы завершили эскизный анализ сверхтекста четверостиший Игоря Губермана. Этот сверхтекст характеризуется четкой авторской позицией, противопоставленной позиции официальной. Основное средство противостояния — намеренное игнорирование слов-идеологем (нами зафиксированы единичные идеологемы, используемые по типу вкраплений). Отбор лексики, сверхтекстовая лексическая сочетаемость и парадигматика, деформации прецедентных текстов, семантические основы метафоризации приводят к формированию картины мира человека, имеющего смелость открыто предпочесть ценности традиционные идеологическим.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Есть основания полагать, что тоталитарный язык не научная абстракция, а реальность.

Формирование русского тоталитарного языка началось под

влиянием Октябрьской революции, осуществлялось под жестким давлением идеологии (фактически — политики) и при поддержке носителей русского языка, в том числе — одаренных писателей и поэтов.

Тоталитарный язык в русском варианте прошел несколько стадий развития. Расцвет тоталитарного языка — сталинская эпоха; закат — начало горбачевской перестройки.

Тоталитарный язык организован системно. Он располагает своим словарем, который можно представить в виде блоков идеологем, связанных между собой жесткими структурными отношениями. Основной вид структурных связей — бинарные оппозиции, определяющие набор догм (предписаний) и взаимоисключающих оценок.

Блоки идеологем поддерживаются прецедентными текстами из так называемых первоисточников, Истории ВКП(б), программных документов партии, из газет, речей и произведений идеологически авторитетных государственных деятелей, писателей, поэтов и даже ученых. На базе прецедентных текстов формируются мифы тоталитарной эпохи.

Сверхтекст мифологем моделирует пространство, время, идеологически обобщенную точку зрения, структурирует и коннотирует объекты нового ментального мира, задает направления манипуляциям языковым сознанием.

Словарь идеологем и сверхтекст мифологем определяет речевые реакции. Можно говорить о двух типах речевых реакций: реакции, соответствующие системе; реакции, противоречащие системе.

В первом случае наблюдаем реализацию идеологических предписаний, а также формирование новых мифов и идеологем в духе опорной системы. Языковая самобытность личности, находящейся во власти идеологических схем, мировоззренческих стандартов, подавляется.

Во втором случае наблюдаем стремление носителей языка вырваться из тисков идеологических примитивов. Этот тип речевых реакций связан с языковым противостоянием и сопротивлением, сопровождается процессами деидеологизации и демифологизации и выработкой приемов языкового протеста. В числе последних переосмысление аббревиатур; семантическое преобразование слов-идеологем; деформация прецедентных текстов; деритуализация. Особо следует отметить прием игнорирования словаря идеологем, отвержения лексических средств тоталитарного языка (в этой связи перспективным считаем дальнейшее исследование детской литературы, пейзажной лирики, текстов лирических песен советского периода). Языковое сопротивление содействует проявлению самобытности языковой личности.

Попытка преодоления тоталитарных схем не всегда удается.

Так, по нашим наблюдениям, не преодолевается введенный тоталитарным языком в языковое сознание образ замкнутого пространства; с трудом преодолевается деформированная тоталитарным языком темпоральная структура; особой устойчивостью обладают отдельные идеологемы и мифы, не поддающиеся разрушению.

Антитоталитарный язык усваивает некоторые структурные особенности тоталитарного языка, прежде всего семантические идеи. Происходит своеобразная интерференция, свидетельствующая о том, что разрушение тоталитарного языка не может быть одномоментным. Плюрализм и гласность не освободили русскую речь от тоталитарных стандартов. Идеологические примитивы, ввинченные в языковое сознание, препятствуют формированию духовной культуры, реализации реформ, межнациональным контактам.

Для оздоровления русского языка требуется время. В процесс этого оздоровления должна вмешаться лингвистическая экология, основанная, в частности, на изучении языка тоталитарной эпохи, которое позволяет по-новому осмыслить новейшую историю России, разработать принципы лингвистического и лингвокультурологического прогнозирования.

Литература

- Аврорин В. А. Ленинские принципы языковой политики // *Вопр. языкознания*. 1970. № 2.
- Арнольд И. В. Тематические слова художественного текста: (Элементы стилистики декодирования) // *Иностр. яз. в шк.* 1971. № 2.
- Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // *Проблемы семантических исследований*. М., 1980.
- Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языке // *Проблемы структурной лингвистики*. 1982. М., 1984.
- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Ахизер А. С. Россия как большое общество // *Вопр. философии*. 1993. № 1.
- Байбурич А. К., Топорков А. П. У истоков этикета. Л., 1990.
- Банару В. И. Оценка, модальность, прагматика // *Языковое общение: единицы и регулятивы*. Калинин, 1987.
- Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону, 1993.
- Бергсон. Смех. М., 1992.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Бродский И. Нобелевская лекция // *Русское красноречие*. Пермь, 1993.
- Вежбицка А. Метатекст в тексте // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 8. М., 1978.

- Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // *Вопр. языкознания*. 1993. № 4.
- Водолазов Г. Ленин и Сталин // *Осмыслить культ Сталина*. М., 1989.
- Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке и языке. Л., 1929.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков хорошо/плохо // *Вопр. языкознания*. 1986. № 5.
- Выгодский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения. М., 1993.
- Гаджиев К. С. Тоталитаризм как феномен XX века // *Вопр. философии*. 1992. № 2.
- Гаджиев К. С. Размышления о свободе // *Вопр. философии*. 1993. № 2.
- Григорьев В. П., Северская О. И., Фатеева Н. А. «Ветер времени раскручивает меня и ставит поперек потока»: (Заметки о языке поэзии 80-х годов) // *Функционирование языка: лексика и грамматика*. М., 1992.
- Гуль Р. Михаил Зощенко // *Дружба народов*. 1993. № 8.
- Гусейнов А. А. Мораль и насилие // *Вопр. философии*. 1990. № 5.
- Гусейнов Г. Ч. Ложь как состояние общественного сознания // *Вопр. философии*. 1989. № 11.
- Добренко Е. Фундаментальный лексикон: Литература позднего сталинизма // *Новый мир*. 1990. № 2.
- Домашнев А. И. Язык и идеология в их взаимоотношении // *Онтология языка как общественного явления*. М., 1983.
- Дорошенко Е. Б. Проблемы лексикографии и язык массовой коммуникации // *Язык и массовая коммуникация*. М., 1984.
- Есаков В. Д. К истории философской дискуссии 1947 года // *Вопр. философии*. 1993. № 2.
- Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.
- Иванов Вяч. Вс. До — во время — после? (Вместо предисловия) // Франк-форт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсон Т. В преддверии философии: Духовные искания древнего человека. М., 1984.
- Ищенко Ю. А. Толерантність як вартощ ненасильственої комунікації // *Collegium*. Київ. 1993. № 2.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М., 1991.
- Каушанский П. Л. К проблеме соотношения культуры и религии // *Язык и культура: Вторая междунар. конф.: Докл. Киев*, 1993.
- Клаус Г. Сила слова. М., 1967.
- Ковтунова И. И. Образ пространства в поэтическом языке XX века // *Язык русской поэзии XX века*. М., 1989.
- Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
- Комлев Н. Г. Слово в речи: Денотативные аспекты. М., 1992.
- Концептуальный анализ: методы, результаты, перспективы. М., 1990.
- Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.
- Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- Культура парламентской речи / Отв. ред.: Л. Г. Граудина, Е. Н. Ширяев. М., 1994.
- Купина Н. А. Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск, 1983.
- Купина Н. А. Модель целостного лингвистического анализа художественного текста // *Структура и семантика текста*. Воронеж, 1988.
- Купина Н. А. Сверхтекст и его разновидности // *Теория текста: лингвистический и стилистический аспекты*. Екатеринбург, 1992.

Лексика современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.

Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953—1964 гг. Пермь, 1993.

Леонтьев А. А. Психология общения. Тарту, 1974.

Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопр. философии. 1990. № 4.

Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1990.

Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Ю. М. Лотман. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.

Лукин В. А. Концепт истины и слово истина в русском языке // Вопр. языкознания. 1993. № 4.

Максименков Л. Культ. Заметки о словах-символах в советской политической культуре // Свобод. мысль. 1933. № 10.

Медушевский А. Н. Демократия и тирания в новое и новейшее время // Вопр. философии. 1993. № 10.

Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.

Новиков Л. А., Преображенский С. Ю. Ключевые слова и идейно-эстетическая структура произведения // Язык русской поэзии XX века: Сб. науч. тр. М., 1989.

Общее языкознание / Под ред. Б. А. Серебrenникова. М., 1970.

Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. Роман и художественная публицистика. М., 1989.

Пантин И. К. Россия в мире: историческое самоузнавание: Размышления в связи с книгой М. Я. Гефтера «Из тех и этих лет» // Вопр. философии. 1993. № 1.

Рымарь Н. Т. Поэтика: художественная деятельность — структура произведения // Проблемы деривации: Семантика. Поэтика. Пермь, 1991.

Селищев А. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет. М., 1928.

Сепир Э. Язык. М., 1934.

Скляревская Г. Н. Языковая метафора в толковом словаре. Проблемы семантики (на материале русского языка). Части 1 и 2, М., 1988.

Словообразование современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.

Соловьев В. С. Пространство // Соловьев В. С. Собр. соч. Т. 10, СПб., 1914.

Сорокин Ю. А. Попытка осмысления феномена культуры в рамках нового концептуального аппарата // IV Международный симпозиум по лингвострановедению: Тез. докл. и сообщ. М., 1994.

Сычев О. А. Обучение риторике в эпоху компьютеров. М., 1991.

Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.

Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968.

Угринович Д. Введение в религиоведение. М., 1985.

Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970.

Фрумкина М. Р. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога: (концепт, категория, прототип) // НТИ, Сер. 2. 1992. № 3.

Цивьян Т. В. К некоторым вопросам построения языка этикета // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1965. Т. 2.

Человек. Текст. Культура / Под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург, 1994.

Энштейн М. Н. Идеология и язык: (построение модели и осмысление дискурса) // Вопр. языкознания. 1991. № 6.

Этикет у народов Передней Азии / Отв. ред. А. К. Байбури, А. М. Решетов, М., 1988.

Яковлева Е. С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира // Вопр. языкознания. 1993. № 4.

Якубинский Л. П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Избранные работы. М., 1986.

Barthes R. Le degré zéro de l'écriture, suivi des éléments de sémiologie. Paris, 1970.

Гжекорчикова Р. Понятие языковой картины мира // Jezykowy Obraz Swiata // Uniw. M. Curie-Skodowskiej. Lublin, 1990 // YM, 1992, Sty. 6, N 3, 1992.

Keller R. Sprachwandel: von der unsichtbaren Hand in der Sprache. Tübingen: Francke, 1990 // РЖ, 1992, Сер. 6, N 4.

Крейдлин Г. Игра с идентичностью // Jezyki slowianskie wobec wspolnych przemian w krajach Europy srodkowej i wschodniej / Red. Stanislaw Caida. Opole, 1993.

Кронгауз М. Новейшая история русского языка: эпоха социализма Jezyki slowianskie... Opole, 1993.

Schlesinger R. The Spirit of Post — War Russia. L., 1947.
Totalitarismus und Faschismus: Eine wissenschaftliche und politische Begriffskontrolle. München, 1980.

Wesgerher. Von den Kräften der deutschen Sprache. Bd. 2. Dusseldorf, 1950—1954.

Чумаков Л. Н. Проблемы «новояза» в славянских языках // Stilistycz ne kontrontacje. Opole, 1994.

Источники

Основной лексикографический источник

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

Дополнительные лексикографические источники

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора: (материалы к словарю). М., 1991.

Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978—1980.

Культура русской речи: Энцикл. словарь-справ. Проспект / Под ред. А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. Красноярск, 1990.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Яреца. М., 1990.

Литературный энциклопедический словарь / Под общей ред. В. М. Коженикова и П. А. Николаева. М., 1987.

Малая Советская Энциклопедия / Гл. ред. Б. А. Введенский. М., 1959. Т. 3.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Ю. Н. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М., 1986.

Словарь перестройки / Сост.: В. И. Максимов и др. СПб., 1992.

Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981—1984.

Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. М., 1991—1993...

Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1987.

- Губерман И. Гарики на каждый день. М., 1992.
 Зона: Стихи / Сост. Н. Домовитов. Пермь, 1990.
 История СССР в анекдотах (1917—1992) / Авт. идеи и сост. М. Дубовский, Б. М.: Смядынь [1991].
 Маяковский Владимир. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1955—1959.

Принятые сокращения

| | |
|-----|---|
| ТСУ | — Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова |
| СО | — Словарь Ожегова |
| МАС | — Малый академический словарь |
| ЛСГ | — лексико-семантическая группа |

ОГЛАВЛЕНИЕ

| | |
|--|-----|
| Предисловие | 3 |
| Глава 1. Словарь идеологом и семантические сферы новой русской идеологии | |
| Предварительные замечания и наблюдения | 6 |
| Формирование семантической сферы политического | 15 |
| Особенности освоения семантической сферы философского | 24 |
| Идеологическое освоение семантической сферы религиозного | 28 |
| Идеологическое освоение семантической сферы этического | 31 |
| Идеологическое освоение семантической сферы художественного | 40 |
| Прецедентные тексты и предписания тоталитарного языка | 44 |
| Глава 2. Сверхтекст идеологом | |
| Предварительные замечания | 52 |
| Пространство и время | 53 |
| Событие и факты | 60 |
| Точка зрения | 64 |
| Субъектная организация | 67 |
| Глава 3. Речевые реакции | |
| Предварительные замечания | 77 |
| Новый ментальный мир (Агитационная поэзия Владимира Маяковского) | 77 |
| Попытки преодоления замкнутого пространства (Лагерная поэзия) | 89 |
| Языковое сопротивление (История СССР в анекдотах) | 98 |
| Языковое противостояние («Гарики на каждый день» Игоря Губермана) | 123 |
| Заключительные замечания | 137 |
| Литература | 139 |
| Источники | 142 |

ЗАПАДНО-УРАЛЬСКИЙ УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ЗУУНЦ LTD

Западно-Уральский учебно-научный центр (ЗУУНЦ) систематически проводит **«Школу риторики»** по подготовке **преподавателей риторики** для школ, гимназий, лицеев и других типов учебных заведений.

Обучение проводится в течение 18 дней (две сессии по 9 дней с перерывом в два месяца). Слушатели обеспечиваются учебной и методической литературой, вариантами программ. По окончании Школы **выдается удостоверение** на право преподавания риторики. Занятия ведут опытные специалисты по риторике, ведущие ученые Москвы, Перми и других городов. Руководитель Школы — Минеева Светлана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент.

ЗУУНЦ проводит также обучение в **заочной школе риторики** для всех желающих, независимо от образования, профессии, возраста (без права преподавания риторики). Программа обучения учитывает индивидуальность каждого слушателя, включает обеспечение учебными материалами и пособиями.

ЗУУНЦ предлагает **повышение квалификации по риторике** — преподавателей любого профиля школ, гимназий, лицеев и других типов учебных заведений;

— **руководителей народного образования** (заведующих управлениями, директоров учебных заведений, их заместителей и др.) на **пятидневных курсах** в режиме проблемно-целевого семинара. Возможен выезд в другие города.

ЗУУНЦ издает **литературу по риторике, истории, психологии** (хрестоматии, программы, учебные пособия, монографии и т. п.), высылает за наличный и безналичный расчет в любой уголок России и СНГ.

О сроках, условиях, стоимости обучения справиться по адресу и телефонам ЗУУНЦ. Код Перми 342, 2, тел. 39-45-58; 32-66-66. 614006, г. Пермь, ул. Куйбышева, 14, к. 310, ЗУУНЦ. Школа риторики (просьба вкладывать конверт со своим обратным адресом).